

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

ПРИСТУПИТЬ
К ЛИКВИДАЦИИ

Эдуард Хруцкий

Приступить к ликвидации

«ЭКСМО»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хруцкий Э. А.

Приступить к ликвидации / Э. А. Хруцкий — «Эксмо»,

Весна 1945 года. В Западной Белоруссии орудует жестокая банда нацистского пособника Болеслава Крука. Бандиты жгут колхозные уголья, грабят мирное население, убивают женщин и детей. В своих кровавых планах преступники замахиваются уже и на Москву. Но здесь им противостоит опергруппа подполковника Ивана Данилова. Опытный сыщик знает, как нейтрализовать зарвавшихся головорезов. Раскрыть хорошо законспирированную в столице преступную сеть Данилову помогает небольшая улика, найденная на месте убийства одного из пособников банды... В сборник вошли известные повести о сыщике Иване Данилове: «МЧК сообщает...», «Комендантский час», «Тревожный август», «Приступить к ликвидации».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Хруцкий Э. А.
© Эксмо

Содержание

МЧК сообщает...	6
Комендантский час	55
Глава 1	55
Глава 2	58
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Эдуард Хруцкий

Приступить к ликвидации

© Хруцкий Э.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

МЧК сообщает...

Екатеринодар. 10 сентября 1918 года

За окном играла музыка. Торжествующе, звонко вели трубы марш «Под двуглавым орлом». Пел над осенними улицами Екатеринодара алыт. Это был голос победы, славы, надменности.

И кабинет, вернее номер гостиницы «Кубань», был залит солнцем. По-южному ярким и еще теплым.

– А дома-то, наверное, дожди, грязь, мокрые лошади, пар из дверей чайных на улицу вылетает... – Полковник Прилуков, начальник контрразведки Добровольческой армии, отошел от окна. – Так как же, Сергей Николаевич, домой тянет? Вы ведь тоже москвич?

Подполковник Незнанский – элегантный, с точным пробором, с усиками, подстриженными по-английски, молчал, постукивая по столешнице в такт маршу.

– Так как же, Сергей Николаевич? – повторил Прилуков.

– Конечно, домой хочется. – Незнанский встал, придерживая шашку, подошел к окну.

Прилуков оглядел его. Высокого, молодого, подтянутого, со значком Академии генерального штаба на левом кармане кителя, под отливающим эмалью офицерским «Георгием» и рубиново-золотым «Владимиром» с мечами под воротником кителя.

– Вы нашли человека, Сергей Николаевич?

– Да. Есть офицер. Достаточно отважный. Я бы даже сказал – дерзкий, но у него несколько смещены понятия о чести и нравственности.

– А где он служит?

– У капитана Симбирцева.

– Он согласен?

– Да, Андрей Георгиевич.

– Я вижу, Сергей Николаевич, вам не по душе эта операция?

– Если хотите, господин полковник, то да.

– Понимаю. Вы специалист по разведке, работали в тылу у австрийцев, но сейчас другая война. Учебники о ней будут изучать наши внуки в новой русской Академии генштаба. А пока... Где этот... бандит, который повезет его в Москву?.. Как его?..

– Лапшин? В тюрьме. Где же еще?

– Вам, Сергей Николаевич, придется поговорить с ним.

– Слушаюсь. – Незнанский поморщился. Но что делать, служба есть служба. – Я могу идти?

– Идите.

Незнанский четко повернулся и вышел, позванивая шпорами. Прилуков, прищурившись, глядел ему вслед. Ах уж эти чистоплюи, разведка, шпионство. Нет, дорогой подполковник. Академию вы окончили, а понять ничего не можете. Прилуков был опытным контрразведчиком. Почти всю войну проработал в комиссии генерала Батюшева. Чего он только не насмотрелся за три года! Он видел фрейлин двора, поставлявших сведения немцам, министров, берущих взятки у банкира Рубинштейна. Видел нового российского мессию, безграмотного мужика, вершившего судьбы фронтов и людей. Именно тогда он понял истину иезуитов: «Цель оправдывает средства». А для борьбы с большевиками хороши все средства. Прилуков, как человек умный, со склонностью к анализу, не верил в надежность временных побед.

Уж больно климат тыла Добрармии напоминал ему времена Гришки Распутина.

Конечно, полковник прекрасно понимал, что активизация уголовного подполья – шаг, продиктованный отчаянием. Но это хоть на время позволит собраться с силами политическому подполью, которое, впрочем, как и царский двор, и штаб Добрармии, раздирали интриги и склоки.

Полковник подошел к окну. По улице, четко печатая шаг, шла рота юнкеров. Поблескивали над погонами острые жала штыков.

Гремела музыка. И вдруг, осторожно, в нем начало зарождаться ощущение чуда. Ведь бывает же цепь случайностей, которую предвидеть невозможно. А вдруг она и сложится, цепь эта. И победа. Господи, как хорошо было думать об этом, слушая музыку маршей.

Ах ты, камера, камера, дом родной. Лапшин потрогал заплывший синяком глаз. Как же влип-то глупо. И наводка была точная, и в квартиру вошли, и дело сделали.

Грека и жену по горлышку, золотишко и деньги в сумку. Да не учли, что в другой половине дома офицер на постой стал. Всего за два часа до дела. А у него двое товарищей были в гостях.

Только Лапшин с напарником за порог, а они тут как тут. Чего-чего, а воевать научились господа офицеры, Степку кокнули, а его скрутили и сюда.

А контрразведка – не сыскное. Два офицера, прапоры сопливые, за час из него все выбили и в камеру бросили. Мол, сиди, завтра шлепнем.

А жить-то как хочется. Дважды с каторги бегал. Налеты совершал в Москве да Петрограде. Кассу взял на Нижегородской ярмарке.

Дурак... Лох слюнявый... В Москву надо было рвать. К своим ребятам. А теперь все.

И жалко стало Лапшину себя. Господи, за что? Годков-то ему всего тридцать пять.

Как все люди его профессии, Лапшин, когда надо, в бога верил. Считал, что невидимая сила, призванная защищать его, уберезет от смерти. И в такие минуты верил он искренне, и становилось ему благостно и грустно. Лапшин забывал о тех, кого убивал сам.

Тюремный коридор освещали большие керосиновые лампы, висевшие под потолком через каждые десять шагов. Свет их, зыбкий и призрачный, причудливо ломал на стене человеческие тени.

Подполковник Незнанский шел мимо вытягивающихся в струнку унтер-офицеров – надзирателей. Стена коридора, щербатая от пуль, со смытой краской лозунгов, точно выражала политические катаклизмы времени.

– Где? – спросил Незнанский молоденького прапорщика в форме корниловского полка.

– В седьмой, господин подполковник.

У дверей камеры с написанной прямо на дверях зеленой краской семеркой подполковник остановился.

Надзиратель отодвинул задвижку, открыл дверь.

– Вы останетесь здесь, – скомандовал Незнанский и шагнул в камеру.

С дощатых нар поднялся плотный человек среднего роста, с разбитым лицом, одетый в некогда щеголеватую визитку с оторванным лацканом и в порванные на коленях полосатые брюки. Рубашки под визиткой не было.

Незнанский достал часы и щелкнул крышкой:

– Вас, Лапшин, расстреляют через час.

Человек молчал, изучающе глядя на подполковника. Он оставался так же невозмутимо спокоен.

– Но есть шанс, – продолжал подполковник.

– Ну?

– Говорите вежливее, вы не в сыскной полиции, а в контрразведке.

Лапшин усмехнулся разбитыми губами:

– Я это сразу почувствовал, как первый раз мне в рожу заехали. В сыскной остерегались бы. Там я человеком известным был.

– Слушайте меня, Лапшин. Вы убили греческого коммерсанта Костаки, убили зверски...

– Так я и не упираюсь, ваше высокоблагородие, взяли на деле, куда поперешь. Вы мне про шанс шепните. Ежели это нужно, – Лапшин потер большой палец указательным, – так выпустите. Через день принесу. Мое слово печать.

– Не нужно этого. Вы сегодня же подпишете документ и станете агентом контрразведки Добрармии. Это первое. Второе. Мы направим вас в Москву.

– Так я же политикой не занимаюсь.

– Вы будете работать по специальности. Вы на сыском жаргоне мокрушник?

– Случалось, брал грех на душу.

– Вот и занимайтесь этим в Москве. А мы попросим архимандрита, чтобы он вам грехи отпустил, прошлые и будущие.

– Так зачем тогда меня крестить? Я и без ксивенки этой своим делом займусь.

– Вы поедете не один. Повезете нашего человека.

– А это зачем?

– Нужно, Лапшин. Сведете его с вашими друзьями, представите как налетчика из Ростова.

– А он крови не забоится? Людишек резать тяжелее, чем воевать, к этому привычка нужна.

– Это наша забота, Лапшин.

– Значит, я теперь вроде идейный борец. Вроде как эсер.

Незнанский молча посмотрел на Лапшина и усмехнулся.

– Деньги дадите? Путь неблизкий. – Лапшин потянулся.

– Дадим. И помните, если что... У нас везде люди.

– А вот пугать ни к чему. Наняли, так я работать буду. Дело-то знакомое.

Москва. Октябрь 1918 года

Данилов открыл глаза и увидел огромное пятно на потолке. Оно было похоже на контур Африки, только значительно больше, чем на самой крупной карте.

– Ну, слава богу. Очнулся, – раздался веселый голос. Иван попробовал повернуться, но горячая боль мгновенно пронзила тело, и он застонал.

– Ты лежи, лежи. – Сосед по палате, держась за стену, подошел к его кровати и сел: – Не узнаешь?

Лицо было знакомое. Но оно осталось там, в другой жизни, границей которой была боль, нестерпимая и жгучая.

– Отдыхай, браток.

Иван закрыл глаза, вспоминая. Обрывки прошлого возвращались фрагментарно и беспорядочно, как перепутанные детские кубики с азбукой.

И он мысленно пытался выстроить их в единую систему, собрать слово, ведомое ему одному. А кубики рассыпались, не складывались буквы. И словно далекий свет лампы, появился в воспоминаниях Брянск и летний театр. Даже запах каких-то цветов появился. И лицо Олечки Богудевич. И снова он ее услышал: «Настоящий человек должен стать сельским учителем».

А кубики падали и падали и постепенно сложились в единственное нужное слово.

Из окна второго этажа бил пулемет. Пули, рикошетируя по мостовой, выбивали длинные беловатые искры. Теперь он вспомнил лицо человека, склонившегося над ним.

Он лежал рядом с ним за поваленной трубой. Потом они бежали мимо каких-то деревьев... Потом узкий проулок... Кирпичная стенка, осыпающаяся под ногами... Сарай... И бесконечный треск выстрелов... Потом он только видел тупое пулеметное рыло, кашляющее огнем... Оно было совсем близко... Надо было сделать всего десять шагов и бросить гранату. Пулемет замолчал на секунду, видимо меняли ленту, и тогда он выскочил из-за сарая...

– Куда? – кричал кто-то. – Убьют!

Он пересек двор и бросил тяжелую бомбу в окно... Потом что-то ударило его, и закружились деревья, дом, сарай и чье-то лицо.

И Данилов словно нырнул в темную горячую реку...

А теперь он вспомнил это лицо и засмеялся.

– Вы матрос? – спросил он.

– Натурально матрос, – засмеялся сосед. – Козлов Степан Федорович, комиссар ВЧК. А ты, браток, молодец, есть в тебе живой дух. Как не забоялся-то?

– Не знаю, – честно ответил Иван.

И потекли длинные, как несбывшиеся сны, дни. Через неделю Иван уже вставал, и они играли с Козловым в самодельные шашки: вместо белых – гильзы от нагана, вместо черных – винтовочные.

Они уже все знали друг о друге. А что, собственно, мог рассказать о себе восемнадцатилетний Иван Данилов?

Родился в Москве, учился в гимназии, потом отца перевели на службу в Брянск, там закончил реальное училище. Потом Союз молодежи, военная подготовка, Красная Армия. Их рота прибыла в Москву, и ее сразу из вагонов бросили на помощь чекистам.

– Ну а дальше что? – спросил Козлов.

– Заходил комиссар госпиталя, хочет на курсы краскомов отправить.

– Ты согласился?

– Конечно.

– погоди, Ваня, я тут кое с кем поговорю, может, другое дело тебе найдется.

– Какое?

– погоди, – загадочно ответил Козлов.

Однажды в палате появился высокий черноволосый человек.

– Здорово, увечные, – белозубо засмеялся он.

– Федор, Мартынов! – Козлов соскочил с койки, и они обнялись.

– А ты как, друг, – спросил Мартынов Ивана, – ожил малость? Очень мы перепугались, когда ты с гранатой выскочил.

– Да так... – смутился Иван.

– Ты не смущайся, только помни всегда: жизнь у нас одна. Другую на базаре не купишь. Так что береечь ее надо.

Мартынов положил на тумбочку сверток:

– Это вам ребята собрали сахар, хлеба, колбасы даже, так что поправляйтесь. Пойдем, Степа, поговорим о разных разностях и покурим заодно.

Они вышли, а Данилов взял растрепанный томик Гюго, который ему принесла медсестра, и заново, вместе с Жаном Вальжаном, пошел по улице старого Парижа.

Когда-то, мальчишкой, он, начитавшись Дюма, мечтал попасть в этот таинственный Париж. Город красивых и веселых женщин и беспечных и смелых мужчин. Позже, когда вслед за Дюма пришел суровый Гюго, Париж открылся перед ним другим. Мрачным, суровым, таким же, как Петербург Достоевского.

И сейчас, заново перечитывая «Отверженных», Иван открывал все новое в давно знакомой книге.

Он просто вырос, поэтому читал книгу совершенно иначе.

Из коридора вернулись Козлов и Мартынов. Взяли стулья, сели у кровати Данилова.

– Слушай, Иван, – склонился к нему Мартынов, – я говорил с комиссаром госпиталя, ты, значит, на курсы краскомов собрался?

Иван кивнул, поправил рубашку.

Мартынов смотрел на него улыбаясь. Уж слишком по-мальчишески тонкая шея была у будущего краскома. Он помолчал и сказал:

– Мы тут с товарищами умом пораскинули и решили, что ты для нашего дела очень нужный человек. Во-первых, молодой, во-вторых, образованный, а в-третьих, смелый.

– Для какого дела? – с недоумением спросил Иван.

– Партийная ячейка твоей роты да и товарищ Козлов рекомендовали тебя для работы в ВЧК.

Иван растерянно молчал.

– Ну, чего молчишь?

– Так я не умею...

– А ты думаешь, я очень умею или Козлов? Учиться будем. Главное у тебя есть, ты задачи партии нашей понимаешь.

– Так я же беспартийный.

– Ты член Союза рабочей молодежи. Поработаешь у нас, станешь большевиком. Завтра принесу тебе опросный лист. Заполнишь, прошение напишешь и из госпиталя прямо к нам.

Москва. 3 ноября 1918 года

Василий Николаевич Манцев вернулся с совещания.

Вопрос обсуждали важный – положение в столице республики.

Что и говорить, радостного было мало, несмотря на ликвидацию левозэсеровского мятежа и разгром анархистов. Политический враг полностью сменил фракционную борьбу на вооруженную. Одна за другой, как пузыри газа на болоте, возникали самые различные контрреволюционные организации.

С Кубани, Дона, Севера и Сибири шла в Москву резидентура многочисленных контрразведывательных организаций. В сентябре был ликвидирован заговор Локкарта.

И конечно, покушение на жизнь Ленина...

Революция, гражданская война, разруха и голод породили неведомые до сей поры масштабы спекуляции и бандитизма. В 1917 году, придя к власти, правительство Керенского объявило всеобщую амнистию. Тысячи уголовников, опасных, умелых, дерзких, осели в Москве. Группкой налетчиков была похищена большая часть картотеки бывшей сыскальной полиции, поэтому люди, призванные охранять революционный порядок, начинали все с нуля. Ежедневно дежурные ВЧК и уголовно-розыскной милиции получали сообщения о грабежах, налетах, проведенных с пугающей дерзостью и жестокостью. Бандитизм и все присущее ему: «малины», подпольные игорные дома, тайные кабаки – создавали питательную среду, в которой рождались новые преступления. Все это отвлекало силы от борьбы с контрреволюционным подпольем.

Об этом и говорили на совещании. Назрел вопрос о создании в столице республики своей чрезвычайной комиссии.

Манцев стоял у окна. По Малой Лубянке ветер тащил опавшую листву и обрывки декретов. Спешили прохожие. И Василий Николаевич поймал себя на мысли, что толпа на улицах стала одноликой, почти одноцветной, как солдатский строй.

В дверь постучались.

– Войдите.

Вошел работник секретариата, протянул Манцеву бумагу:

– Феликс Эдмундович просил передать вам.

Это была шифровка из Ростова. Бахтин сообщал, что вывезенный на юг архив сыскной полиции найден, изъят и переправлен в Москву. Шифровка была такой, какую и должен был послать Бахтин. Короткая и точная.

Александр Петрович Бахтин был лучшим криминалистом Европы, как писали о нем газеты до революции.

Много лет назад в Париже на квартиру социал-демократов пришел высокий элегантный господин, представился чиновником сыскной полиции и сказал, что охранка готовит провокационное политическое убийство.

Ему не хотели верить, но большевики все же послушались совета полицейского чиновника. Провокация охранки была сорвана.

Нет, Бахтин не был социал-демократом, он вообще был вне политики, он боролся с преступностью. Но все же, как честный человек, предотвратил кровавую провокацию.

Потом у него были неприятности. Слишком уж плотно помощник начальника сыскной полиции Петербурга надворный советник Бахтин взялся за окружение Распутина. Его быстро перевели в Москву.

После революции он был арестован. Но разбирал его дело Гринин, тот самый большевик, которого спас Бахтин.

Так началась работа Бахтина в уголовно-розыскной милиции, а потом ВЧК дала ему задание найти архивы.

И он нашел.

Манцев вспомнил свой последний разговор с Бахтиным. Его немного ироничную, даже желчную манеру излагать мысли. Откровенно говоря, он тогда не очень верил в успех операции.

Читая шифровку, Василий Николаевич радовался своей собственной ошибке и поражался умению Дзержинского разбираться в людях.

Зазвонил телефон.

– Манцев.

Голос Дзержинского в трубке был спокоен и доброжелателен:

– Вы прочитали шифровку?

– Да, Феликс Эдмундович.

– Когда Бахтин вернется, я думаю, что его необходимо использовать как спеца, консультанта в группе, занимающейся борьбой с бандитизмом.

– Он будет служить в ЧК?

– Я этого не говорил, Василий Николаевич, его надо прикомандировать от уголовно-розыскной милиции. Ведь он раскрывал очень сложные дела. Одно ограбление Ростовского банка чего стоит. И помните, Василий Николаевич, Бахтин умный, честный и смелый человек. Пока он нам нужен.

Москва. Начало ноября 1918 года

Вчера Алексей Климов продал золотые часы отца.

Ювелир на Малой Дмитровке пощелкал крышками, внимательно, через лупу осмотрел механизм, потом так же внимательно поглядел на него. Он сразу оценил его сизую офицерскую шинель, фуражку с кружком от кокарды и предложил смехотворно маленькую сумму.

Алексей молча взял с прилавка часы.

– Э, молодой человек, – засмеялся ювелир, – так дела не делаются. Вам не подходит цена? Торгуйтесь.

– Не приучен, – зло ответил Климов.

Ювелир взял часы, вздохнул и назвал цену, в два раза превышающую первоначальную.

- Вы фронтовик? – спросил он, пересчитывая деньги.
- Точно так.
- У меня под Ригой погиб сын, прапорщик Бутузов. Не слышали?
- Я воевал в Галиции.
- Счастливы ваши родители. Вы живы.

Климов взял деньги. Приложил руку к козырьку, отдавая дань убитому прапорщику Бутузову.

Домой, на Сивцев Вражек, Алексей шел по мокрому от дождя Тверскому бульвару. Сапоги скользили по размытой глине дорожек, деревья сбрасывали остатки листьев, и они тихо кружились в сыром воздухе, как немецкие аэропланы «таубе».

Климов поймал один лист, растер его на ладони, понюхал. Он пах осенью: сыростью и тленом.

Алексей на фронте возненавидел это время года. Сырые, пахнущие псиной шинели, вода, хлюпающая в сапогах, осклизлые окопы, грязь, как трясины, затягивающая ноги. Он воевал с первого дня. В 1914-м – ускоренный выпуск, неделя отпуска – и полк под Вильно. Сначала он командовал полуротой, потом стал ротным. Получал производства и награды. Берег солдат. За чужие спины не прятался.

Потом ранение. Госпиталь. Отпуск и назначение на службу в родное Александровское военное училище, на Знаменку.

Конец отпуска точно совпал с окончанием октябрьских боев в Москве. Ровно в десять Алексей в полной форме переступил порог училища, прошел мимо с недоумением глядящих на него матросов и открыл двери в кабинет начальника.

За столом сидел человек в черном штатском пальто, перетянутом солдатским ремнем. Рядом матрос, обмотанный пулеметными лентами и обвешанный бомбами.

Человек в штатском выслушал доклад Климова и спросил:

- Против народа воевал, штабс-капитан?
- Никак нет.

– Это хорошо, что к месту службы без опоздания прибыл. Только вот служить тебе, ваше благородие, негде. Садись пиши.

- Что? – удивился Алексей.
- Обязательство, что не поднимешь оружие против народа.
- А потом?
- Иди домой, ищи место в новой жизни.

Алексей написал обязательство, сдал наган и ушел искать место в новой жизни.

Нелегко ему, с кадетского корпуса привыкшему к строгому расписанию дня, найти это место. Армия по-своему формирует человеческие характеры, и, если тебя на половине пути внезапно выбрасывает из привычного ритма, это может закончиться нравственным крушением. Об этом Климов думал, идя по бульвару домой.

Сегодня утром пришел дворник Пахомыч и, переминаясь в прихожей с ноги на ногу, сообщил, что есть строжайший приказ сдать оружие, а у Алексея Федоровича на стене сабельки висят.

Нет, не просто сабельки висели в комнате Алексея. Одна шашка с анненским красным темляком и надписью на эфесе «За храбрость». Вторая – золотое георгиевское оружие.

Климов снял их, завернул в одеяло и, стараясь не глядеть на плачущую сестру, оделся и пошел в военкомат. Он шел по улице, неся неудобный сверток, и ему казалось, что прохожие смотрят на него одного. Климов не холодное оружие нес в одеяле, а свою солдатскую доблесть. И поэтому кипело его лицо горячечным румянцем и ходили по щекам желваки.

Он вошел в комнату военкома, накуренную до синей горечи, и сразу же понял, что военком из солдат, вернее из строевых унтер-офицеров. Уж больно ладно сидела на нем потре-

панная шинель, и смушковая папаха со звездой с особым кадровым шиком была сдвинута на брови.

– Моя фамилия Климов, – сказал Алексей и положил на стол сверток.

Военком развернул, с интересом поглядел на шашки.

– Чин? – Он ткнул сигарку в пепельницу с позеленевшей бронзовой наядой.

– Штабс-капитан.

Из соседней комнаты вошел человек в штатском, в пенсне. Он подошел к столу, уважительно взял в руку шашку с георгиевским темляком.

– Золотое оружие?

– Так точно, – глухо ответил Климов.

– Садитесь. – Человек в штатском взял тонкую папочку, полистал.

– Значит, бывший штабс-капитан Климов, двадцать шесть лет от роду, окончил первый Московский кадетский корпус, Александровское военное училище. Всю войну на фронте. На стороне контрреволюции не воевали. Все правильно?

– Так точно.

– А теперь скажите, гражданин Климов, кстати, моя фамилия Зубов, я из Революционного комитета, почему вы, военный человек, сидите дома, когда мы создаем Рабоче-Крестьянскую Красную Армию? Не хотите драться против однокашников по корпусу и училищу? Ну что ж. Дорога к пониманию непростая. Но тем не менее вы нам нужны.

– Кому? – спросил Алексей.

– Нам. Если хотите, русскому народу. Смагин!

В комнату вошел человек в солдатской шинели.

– Ты искал спеца на стрелковые курсы. Вот он, – Зубов указал на Климова. – Будете учить рабочих стрелять. Согласны?

– Так точно, – ответил Алексей, не понимая, радоваться ему или печалиться.

– А раз так, пишите прошение. На службе вы с сегодняшнего дня, а курсы начнут работать с двадцатого декабря. Товарищ Смагин – комиссар курсов, он вам все объяснит.

Зубов встал и уже у дверей, повернувшись, сказал:

– А шашки свои заберите, их вам за храбрость дали.

Москва. Ноябрь 1918 года

– Не ждали-то вас живым увидеть. Не ждали, – причитал дворник. От его старого тулупа пахло прогорклым лампадным маслом и кислятиной. – Батюшка ваш, помирая, все сокрушался. Плакал. Проститься хотел.

Табличка на дверях позеленела. Да и бог с ней, с табличкой, и папенькиным бывшим чином.

Туго повернулся ключ, растворилась дверь. Ударил в нос затхлый, пыльный запах.

– Все как есть сберег, – тихо и преданно сказал дворник, – все как есть.

Копытин достал из кармана пачку денег, отделил половину, протянул дворнику:

– Спасибо, Захар, дровишек раздобудь.

Дворник, стуча валенками, вбитыми в калоши, спустился вниз, и Копытин с Лапшиным вошли в квартиру. Такой же она была, маленькой и неудобной. Те же литографии на стене, та же пыльная скатерть на столе.

– Бедновато жили, а еще офицер, – усмехнулся Лапшин.

– На жалованье жили, – ответил Копытин, – на жалованье.

– Но ничего, Виктор, ты теперь при фартовом деле, доходном. Заживешь.

– Время покажет.

Пришел дворник с дровами, растопил печку. Потом пришла дворничиха, убралась в квартире.

Лапшин исчез куда-то. А Копытин достал из чемодана бутылку спирта, нашел стакан и выпил.

Вот он и дома. Нет, не было у него на душе сентиментального восторга и грусти. Не любил он свой дом. И запах его не любил, пахло всегда в квартире клейстером и горелым сургучом, потому что отец его служил по почтовому ведомству.

Скудность с детства преследовала его. И из кадетского корпуса, а потом из Александровского училища неохотно шел сюда юнкер Копытин.

Мучительно и тяжело завидовал он многим своим однокашникам, жившим обеспеченно и легко. Унизительное доставание денег привело его к карточному столу, и нашелся человек, научивший его играть нечестно. За это общество офицеров выгнало его из полка, но спасла война.

Но слух о том, что он шулер, тянулся за ним, его обходили чинами и наградами. Даже на Юге, у Корнилова, он чуть не убил товарища по офицерской роте капитана Звонарева, отказавшегося подать ему руку. Бедность. Не было страшнее слова для Копытина. Он вспомнил, как разговаривал с ним подполковник Незнанский, эта разряженная сволочь, и губы его свела ненависть. После контузии у него начала дергаться щека. И это, видимо, тоже вызывало в подполковнике чувство брезгливости.

Он очень рад, что после выполнения задания получит чин капитана, перескочив через штабс-капитана. Он все выполнит. Он понимает, что активизация уголовников отвлечет силы ЧК от офицерских организаций. Он будет убивать всех, кто пошел на службу к большевикам. Пусть интеллигенты боятся. Деньги от налетов пойдут на священное дело борьбы.

Да. Да. Да.

Но, выходя из кабинета Незнанского, он уже знал, куда пойдут деньги. Нет, господин подполковник, не на создание офицерских дружин. Три-четыре хороших налета, а он знает людей в Москве, у которых есть что взять, и – в Питер, потом в Финляндию, в Париж. Хватит, понищенствовал. Но сначала надо взять. Между ним и Парижем, между сегодняшним днем и жизнью, которую он себе нарисовал мысленно, лежала осенняя Москва. Стояли чекисты и милиционеры. Да мало ли кто мог ему помешать. И поэтому все существо Копытина наливалось тяжелой злобой.

С Собаном он увиделся через четыре дня в номере гостиницы «Лиссабон» в Замоскворечье.

А через день они на Трубной площади брали артельщика, брали дилетантски, по-глупому. Деньги-то взяли, но ушли, «оставляя на деревьях ключья шерсти».

Копытин прикрывал отход. Две гранаты пустил в дело. Потом, на какой-то даче в Серебряном Бору, Собан сказал:

– Если бы не ты – нам конец.

Вот тогда Копытин сам рассчитал и подготовил налет на контору Волжско-Камского банка. Взяли много и ушли без потерь. Теперь его авторитет стал непреклонным. Особенно когда он шлепнул наводчика, из-за которого они на Поварской чуть не попали в ловушку.

Даже Собан понял, что у Копытина есть своя четкая система. Виктор реорганизовал банду, разбив ее на группы. Одни занимались разведкой объекта, другие наружным наблюдением, наиболее умелые вошли в группу захвата, наиболее стойкие стали прикрытием. Теперь банда больше походила на воинское формирование. Дисциплина была железная.

Да и направлялась она твердой рукой. И в Москве вскоре почувствовали эту руку.

На улицах, в ресторанах, в кафе Копытин слышал самые невероятные разговоры о банде, и ему почему-то было приятно.

Но у него имелся свой план, для выполнения которого необходим был надежный человек.

Его в Москве интересовали три объекта. Профессор Васильев, получивший в наследство в 1912 году драгоценности небывалой цены и красоты, инженер Басов, обладатель уникальной коллекции золотых монет, и валютная контора на Мясницкой. Но для этого ему нужен был верный человек. Одного Лапшина мало. Нужен еще один. И Копытин все чаще думал о своем товарище по училищу Алексее Климове.

Москва. Декабрь 1918 года

Козлов приехал к госпиталю на машине. Когда он увидел стоящего у ворот Данилова, тощего, в шинели с чужого плеча, бледного до синевы, то почувствовал острое чувство жалости. И Козлов даже на секунду усомнился, сможет ли Данилов работать в группе МЧК по борьбе с бандитизмом. Слишком уж худ и незащищен был этот пацан.

Но вместе с тем Козлов был рад, что Иван будет с ним, он привязался к этому молодому тихому парню.

– Садись, садись, браток, – удобнее устраивал он Данилова в машине, – сейчас приедем, зачислим тебя как положено, и работать. А дел у нас невпроворот.

И пока машина ехала из Лефортова до Лубянки, Козлов вводил Данилова в курс предстоящих дел, рассказывал о бандах Собана, Калмыкова, Гришки Адвоката. Иван слушал с непонятным чувством тревожного восторга. Так было в первых классах реального, когда на уроках они читали Рокамболя и «Похождения великого русского сыщика Путилина».

Данилов уже видел себя в кожаной тужурке с маузером, врывающегося в притон, где веселились элегантные бандиты и аферисты. Он один, а их...

– Чего задумался? Испугался? – улыбнулся Козлов. – Ничего, сволочь эту ликвидируем – учиться пойдешь. Пойдешь?

– Пойду, – уверенно ответил Данилов.

Он еще не знал, что жизнь его определилась на много лет и профессия эта станет единственной и главной.

По коридору МЧК матросы волокли сейф. Громадный, тяжелый, покрытый изысканным чугунным литьем. Сейф упирался, с грохотом бился об углы.

– Еще... Еще... Ребята! – кричал старший команды, в бескозырке, съехавшей на затылок. – Еще...

– Да погоди ты, Силин. Он же, подлюка, тяжелый, как жизнь. Давай перекурим! – взмолился один из матросов.

– Некогда, братки... Комиссар ждет... Секретные бумаги на столе стынут.

Данилов и Козлов прижались к стене, пропуская это узорчатое чудо.

– Хозяйством обзаводимся, – Козлов хлопнул Данилова по плечу, – всякими там столами, стульями. Нужно, брат, дело.

Из дверей комнаты вышел высокий черноволосый человек в кожаной куртке. Он повернулся, и Данилов узнал Мартынова.

– Ты смотри, Данилов, – засмеялся он. – Здорово.

– Здравствуйте. – Иван протянул руку.

– Подлатали?

– Да вроде.

– Молодец, Козлов, что ты его привел. А то у нас знаешь как людей не хватает, а он парень грамотный. Пошли к Манцеву.

Член коллегии МЧК Василий Николаевич Манцев сидел за огромным столом в пустой комнате. Он поднялся им навстречу, улыбнулся.

– Поправились, товарищ Данилов?

– Полностью.

– Прекрасно, дел много. Что, прямо из госпиталя?

– Так точно, товарищ Манцев.

– А ты, Федор, человека чаем напоил?

– Не успел, Василий Николаевич, мы его сразу к вам привели. Его прошение о зачислении Козлов из госпиталя передал.

Манцев подошел к столу, выдвинул ящик, достал бумаги.

– Вам сколько лет, товарищ Данилов?

– Восемнадцать.

– А тебе, Федор, по-моему, двадцать шесть?

Данилов посмотрел на Мартынова, он никак не мог представить, что этот человек всего на восемь лет старше его.

Дверь с грохотом распахнулась, трое красноармейцев внесли в кабинет стулья.

– Спасибо, товарищи, – засмеялся Манцев, – вот теперь и присесть можно.

Он подождал, пока Козлов, Мартынов и Данилов сядут, и сказал:

– Я, товарищ Данилов, ваш опросный лист посмотрел. Но бумага есть бумага. Вы мне о себе расскажите...

Когда Данилов и Козлов ушли, Манцев сказал Мартынову:

– Он очень молод, Федор, молод и романтичен. Революция для него восторг, жертвенность, красивый праздник. А строительство нового общества – это работа. Тяжелая, даже грязная порой, но работа. Именно эта обыденность и может вызвать разочарование. Вот здесь-то вы и должны помочь ему.

– Да какая же обыденность, Василий Николаевич, – удивился Мартынов, у нас, как в кинематографе, каждый день новая фильма.

– Обыденным становится все, Федор. А нам нужны такие, как Данилов, очень нужны, они продолжают наше дело. Так что помогите ему найти себя.

Мартынов молча кивнул. Но внутренне никак не мог понять, о какой обыденности при их горячей работе говорит Манцев.

Данилов с Козловым сами втащили столы и стулья в комнату. Даже чайник достали. Здоровый, медный, с чуть помятым боком.

Иван разложил на столе полученное на складе имущество: кожаную куртку, фуражку со звездой, новенькое светло-желтое офицерское снаряжение и наган в кобуре.

– Ты, Ваня, – Козлов взял скрипучую куртку, – сейчас ее не носи. Под нее ватную фуфайку надо надевать.

– Устроились, голуби? – Вошедший в комнату Мартынов бросил на стол Данилову пакет. – Ты что же, Ваня, паек-то не взял? Козлов, бери чайник. Наш кипятилок, ваши сухари, мой сахарин.

Но они так и не успели попить чаю. Банда Гришки Адвоката напала на правление Виндавской железной дороги.

Они ехали в машине, потом перестрелка, потом допросы.

Ивану допрашивать пока не доверяли, он вел протоколы. Один за другим проходили через комнату их группы самые разные люди. Были среди них тупые и мрачные уголовники, анархисты, эсеры, бывшие чиновники и студенты.

Республика дралась на фронтах, из последних сил работали московские заводы и фабрики. Люди отдавали последние силы. А накипь, людская пена, поднятая временем, неустроенностью, нуждой, грабила, насилывала, убивала.

Так проходил декабрь. Заканчивался первый год молодой Советской власти.

Москва. Январь 1919 года

Как ножом резанул январский ветер по Спиридоньевке... Понес снежную крупу... Обжег прохожих... Ударил по грязным окнам домов... и раскололся об афишную тумбу на углу Малой Никитской...

Прямо на остатки театральных афиш, на размытые строчки приказов, на рваные воззвания различных фракций наклеен старый номер «Известий».

Человек в дорогом пальто с барским меховым воротником читает вслух:

– «...Вся борьба с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности в Москве будет вестись Московской ЧК.

Согласно постановлению президиума и пленума Московского Совета коллегия МЧК утверждена в следующем составе: председателем – Держинский, заместитель – член президиума Московского Совета Бреслав, члены коллегии Юровский, Манцев и Мессинг...» – читавший замолчал, посмотрел на стоящих рядом людей.

– Это как же, господа, новая охранка?

– Господа на Юге, – сплюнул сигарку человек в зимней кепке с наушниками и просмоленной куртке, – только не охранка, а охрана Москвы от всякой сволочи.

Стоявший рядом мужчина, в офицерской сизой шинели без погон, в фуражке со следом от кокарды, усмехнулся: посмотрим, мол. Поднял воротник и пошел по Спиридоньевке навстречу ветру. Спина прямая, идет легко, левая рука у бедра, по привычке невидимую шашку поддерживает.

Хоть и день, а Спиридоньевка словно вымерла. Пусто. Да и какой нормальный человек без особой надобности на улицу полезет? Разбойное стало время, опасное. Да и холод собачий.

Офицер свернул со Спиридоньевки к Патриаршим прудам.

Раскачивает ветер жестяной знак с номером шесть. Скрипит он. Трется об осыпавшуюся штукатурку.

Арка двора узкая от сугробов. Тропинка чуть вытоптана. Ветер налетает, лепит шинель к ногам, под воротник забирается.

Через двор в сугробах – к дверям.

В прихожей и отдышаться можно. Здесь хоть ветра нет.

Опустил воротник. Фуражку поправил и легко взбежал на второй этаж. Знакомая дверь. Табличка медная. На ней вязью «А. А. Копытин. Коллежский ассессор».

Дернул рукоятку звонка.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Лапшин:

– Вы Алексей Федорович?

– Точно так.

– Прошу, прошу. Заждался вас Виктор Алексеевич.

Шагнул Климов в прихожую. И даже знакомый запах почувствовал. Навечно, видимо, вьелся в эти стены горелый сургуч.

А навстречу, улыбаясь, раскрыв широко руки, шел Виктор Копытин. Лучший его, Климова, друг по военному училищу.

Они обнялись и долго стояли, прижавшись друг к другу. Время прошло. Да какое. Война, окопы, атаки, отступления. Потом революция. Их молодость совпала с девальвацией человеческой жизни. Поэтому особенно здорово было ощущать руки верного друга на своих плечах.

– Ну пошли, пошли, – сквозь слезы выдавил Копытин и дернул щекой.

В маленькой гостиной ничего не изменилось с тех далеких дней, когда Алексей Климов еще юнкером приходил сюда.

Только вот друг его, Виктор Копытин, не был похож на молоденького юнкера Александровского училища. Лицо его затвердело, складки у рта обозначились, седина появилась, и глаза стали другими – прозрачными, с сумасшедшинкой, как у кокаиниста.

Стол по нынешним временам обильный. Консервы, сало, колбаса.

– Вот только водки нет, – дернул щекой Копытин, – так что, Алеша, пить «шартрез» будем. Помнишь, как мы его на Пасху у Олечки Васильевой пили?

– Когда это было-то, Витя, в другой жизни. А помнить помню все, будто вчера.

– У меня, господа, – вмешался в разговор Лапшин, – на напитки тоже память крепкая. Где чего хорошего выпил, помню.

Он, ловко орудуя ножом, потрошил коробки с сардинами.

Копытин посмотрел на него, быстро, словно случайно, и Лапшин замолчал...

– Ты бы пошел, Трифон, отдохнул в другой комнате, музыку послушал, – сказал Копытин.

Лапшин встал, налил в стакан до краев тягучего «шартреза», прихватил сала и вышел.

– Это твой вестовой? – посмотрел ему вслед Климов.

– Вроде того. Да что о нем-то говорить...

За стеной запела Ильза Кремер. Лапшин завел граммофон.

– Ты зачем приехал в Москву? – спросил Климов. – Я очень удивился, получив твое письмо.

– Соскучился, Алеша, соскучился.

– А если серьезно?

– Теперь ты мне ответь, что делаешь ты, поручик Климов, в Москве?

– Во-первых, штабс-капитан. Во-вторых, через два дня начинаю работать инструктором стрелковых курсов.

– Bravo! – Копытин поднял рюмку. – Bravo. Герой германской войны. Золотое оружие за прорыв в Галиции – и учить большевиков стрелять.

– Я дал слово. В декабре семнадцатого. Когда Александровское училище сложило оружие.

– Кому?

– Я дал честное слово, что я никогда не буду выступать против народа.

– Ты дал честное слово! – Копытин вскочил, лицо его свело тиком. – Честное слово, когда твои друзья шли в «ледяной поход»¹...

– Вот об этом, Виктор, не надо. Я знаю из ваших первопоходников не только тебя...

– Хорошо! Забудем. Черт с ним, с золотым оружием, с погонами.

Копытин достал из кармана золотой портсигар. Вспыхнула в электрическом свете бриллиантовая монограмма.

– Ты стал богат, Виктор, – прищурился Климов, – золотые часы, портсигар, перстень...

– А на тебе все тот же китель, – резко отпарировал Копытин, – все твое имущество – шинель да сапоги. А я хочу тебя сделать богатым.

В Сокольники ночь приходила раньше. И если на улицах города темноту разгонял тусклый свет одиноких фонарей, то на лес она опускалась плотно и вязко.

Дачи, затерявшиеся в сугробах и деревьях, были одиноки и пусты. Ни огонька, ни человеческих следов на мягком снегу.

Темнота. Безлюдье. Поземка.

Поэтому свет автомобильных фар был особенно ярк. Два легковых автомобиля пробирались сквозь сугробы. Свернув с широкой просеки в узкий переулок, они остановились у двухэтажной дачи. Дважды рывкнул автомобильный клаксон.

Сначала тускло вспыхнули разноцветные стекла террасы, потом раскрылась дверь.

¹ Корниловский поход на Дон и Кубань в 1918 г.

Двое в шинелях, держа маузеры наготове, подошли к калитке.

– Спрячь пушку, Глухой, свои! – крикнул шофер.

Из дома вышли семь человек и пошли к машинам, расселись в автомобили.

– Едем? – спросил шофер.

– Нет. Сейчас Петька придет.

На террасе в свете лампы, падающей из дверей, стояли двое. Собан, высокий, плечистый мужик лет тридцати, и Петька Чернуха, худощавый, среднего роста. Он был одет как чиновник средней руки, в черное пальто с котиковым воротником шалью и такую же шапку пирожком.

– Слушай меня, – чуть растягивая слова, говорил Собан, – поедете в сторону Тверской заставы, там и начнете. Пусть знают, кто хозяин в городе.

– Да понял я, Собан, понял.

– Еще раз повторяю, подъедете, подзовете красноперого, спросите, как проехать, и глушите.

– Потом куда?

– Известно куда. Ты на Долгоруковскую, а Козуля с ребятами на Патриаршие к Витьке Залетному. Там от меня известий ждите. Иди.

Собан повернулся, ушел в дачу, а через несколько минут он и оставшиеся члены банды покинули дом.

За стеной по-прежнему играл граммофон, только пела уже Варя Панина. Видимо, любил эту пластинку Лапшин, потому что ставил ее подряд несколько раз.

На столе стояла початая бутылка зеленого ликера. Климов сидел строгий, в застегнутом на все крючки кителе. Он даже воротник не расстегнул.

По комнате шагал из угла в угол Копытин, продолжая, видимо, давно начатый спор:

– ... Ты говорил о чести, Алексей, о совести. Твой отец погиб в Порт-Артуре, и учился ты на казенный счет. А дальше что ты видел? Строй, нищенское жалованье подпоручика. Сорок три рубля. Из этих денег ты еще платил за гимназию.

– Я честно служил, Виктор.

– Так я же не обвиняю тебя. Но вспомни, когда ты пришел свататься к Ольге Васильевой, ее папенька отказал тебе. Почему? Да потому что ты нищая пехтура.

– Ты не смеешь так говорить о Григории Нилыче, просто Ольга любила другого.

– Ах, как это романтично. Прямо сочинение мадам Чарской. Только почему же месье Столбов, жених Олечки, сын мануфактурщика Столбова...

– Прекрати, Виктор, – Климов вскочил. – Немедленно прекрати.

– Ах, вам не нравится, господин штабс-капитан, ну простите, простите великодушно.

– Для чего ты начал этот разговор, Виктор? Изволь объясниться.

– Вот, – сказал Копытин, – мы и добрались до сути.

Гнал ветер по Долгоруковской редких прохожих, раскачивал тусклые фонари. Плясал снег в слабом желтом свете.

Приплясывал на тротуаре постовой милиционер. Засунул руки под мышки, грел пальцы. Время к ночи, а наган в холодной руке не слушается.

Снопом света ворвались на улицу автомобильные фары. Осветили постового.

– Постовой, – крикнул шофер. – Как нам лучше к Пресне проехать?

Шагнул милиционер к машине.

Три выстрела отбросили его к стене. И он упал на спину, широко раскинув руки по снегу. На Лесной у магазина Капонадзе лежит у стены убитый милиционер. Уходит в темноту машина...

Двое в шинелях со звездами на фуражках барабанят в двери магазина. Гудит под ударами дверь.

– Открывай! Открывай, гад!

- Кто? Кто там? – робко из-за дверей.
- Телефон есть?
- Есть.
- Звони в ЧК.

Ревут на темных улицах автомобильные моторы. Сухо рвут выстрелы темноту. Падают на землю люди в шинелях, в черных пальто, в ватных куртках с милицейскими повязками на рукавах.

Смолк граммофон, словно подавился. В дверном проеме возник Лапшин.

И увидел Алексей Климов совсем другого человека. Исчезла угодливая улыбка. Опасный стоял человек. Неожиданный.

– Что ж, Алексей, не столковались мы с тобой.

– Ты этот портсигар и перстенок, Витя, тоже в налете взял? – Алексей взял в руки золотой портсигар Копытина, покрутил. – Вот видишь, – он щелкнул крышкой, – монограмма-то затерта, только герб остался.

– Ты, чистоплюй, жил нищим и сдохнешь нищим. Иди учи за кусок воблы и сахарин маршрутировать фабричных недоносков.

– Если бы ты, Виктор, приехав с Юга, как эmissар генерала Деникина, предложил мне идти бороться с большевиками, я отказался бы из-за честного слова. Но ты приехал с Юга не драться и умирать, а убивать и грабить. Ты налетчик, Виктор.

– Ну и что? – внезапно совершенно спокойно сказал Копытин. – Революция избавила меня от обязанностей перед обществом.

– Но у тебя остались обязанности перед собой.

– Ты трус, Климов.

Полетел на стол тяжелый портсигар, полетел, кроша рюмки... ствол нагана уперся Климову в спину.

– Убери своего... – тихо сказал Алексей.

– Спрячь наган, Резанный.

– Он продаст, Витя.

– Спрячь.

Лапшин спрятал наган.

– Идите, штабс-капитан, учите, нищенствуйте... Но помни, продашь – сестренку твою, Елену Федоровну, побеспокоим.

Копытин дернул щекой и провел ребром ладони по горлу.

Климов вышел из комнаты.

– Надо шлепнуть его, – сказал Лапшин, – продаст, фраер.

– Нет, я его знаю.

Мартынов что-то писал, Козлов возился с печкой, Данилов чистил наган.

Он уже собрал его и вытер ветошью масляные пальцы, как зазвонил телефон.

– Мартынов. Так... Так... Выезжаем. В машину! Бандюги у Тверской заставы милиционеров стреляют.

Климов в подъезде достал из кармана кожаный портсигар, вынул из него самокрутку, прикурил от зажигалки.

Стоял, прислонясь к стенке. Курил и думал. Разговор этот страшный вспоминал.

На темных улицах гремят выстрелы. Ревет мотор автомобиля.

От Лубянки к Тверской заставе мчится длинный черный «пежо» с чекистами. Рядом с шофером Мартынов.

У поворота на Лесную машет руками человек с винтовкой.

– Притормози-ка, – командует Мартынов.

– К Грузинам поехали они, к Грузинам.

– На Грузинский вал, – скомандовал Мартынов.
Климов вышел из-под арки двора. В темноте угадывался павильон Патриарших прудов.
У поворота на Спиридоньевку горел одинокий фонарь. В его желтом кругу ходил милиционер.
Климов поднял воротник и зашагал к Спиридоньевке.
– Товарищ гражданин, – окликнул его севший на морозе голос.
Климов остановился.
– Огонька не найдется? Страсть как курить охота.
Климов подошел, достал зажигалку.
– Ваше благо... Тьфу, гражданин штабс-капитан... Не признаете?
– Скурихин, ты?
– Так точно, – улыбнулся постовой.
– Ты же в деревню собирался, землю делить.
– Вишь, дело какое, не доехал. В милицию служить пошел.
– Ты что, партийным стал?
– Уж полгода, а вы-то как, Алексей Федорович, значит, с нами?
– Инструктором по военному делу служить буду.
– Я с нашими спорил. Одни говорили, что вы на Юг подались. А я им – не такой человек наш ротный. Вас, как в шестнадцатом ранили, мы очень жалели... Новый ротный зверь пришел. А к вам мы всей душой.
– Ты вот что, Скурихин, заходи ко мне. Адрес-то помнишь?
– Это куда я в пятнадцатом сестрице вашей письмо передавал?
– Туда. Заходи. Ждать буду.
Климов бросил руку к козырьку. Шагнул в темноту.
Многовато неожиданных встреч для одного дня. Он сделал несколько шагов, и темнота слила его со стеной дома.
А сзади вылетели автомобильные фары.
– Постовой! Как к Страстному монастырю проехать?
Климов обернулся.
Скурихин шел к машине.
Три выстрела разорвали темноту.
И падает, падает его солдат, георгиевский кавалер Скурихин, падает на землю, которую так и не успел поделить.
А свет фар в сторону ушел. Разворачивается машина.
И словно в Галиции, в войне, в окопах. Прыжок – и он рядом с убитым, выхватил наган из кобуры у лежащего.
А машина буксует.
Как на фронте, как в бою. Прыгнул ей наперерез штабс-капитан Климов.
Выстрел!
Разлетелось лобовое стекло.
Выстрел!
Кто-то закричал.
Выстрел! Выстрел! Выстрел!
Машина словно слепая ударилась в столб и застыла, задрав капот.
Вывалился на снег человек и пополз.
А у Климова еще один патрон.
– Встать! Брось оружие!
Упал к ногам Климова маузер. Он наклонился, ловко подхватил его.
– Не стреляй... Ой, не стреляй... – заголосил человек, – не хотел я.
– К стене! – скомандовал Климов.

А из переулка снова свет фар и прямо на него. Значит, конец. Климов поднял маузер. Автомобиль затормозил, поехал юзом. Выскочили из него люди в кожанках.

– Чека! Не стреляй!

Мартынов подбежал к разбитой машине.

Шофер уронил на баранку простреленную голову, рядом с ним еще один, двое сзади.

Мартынов подошел к Климову:

– Это вы их?

– Да. Они убили моего солдата.

– Милиционера.

– Он был солдат моей роты на фронте.

– Хорошо стреляете. Наган его?

– Да.

– А маузер?

Климов кивнул в сторону бандита, которого обыскивали Данилов и Козлов.

– Документы попрошу.

– Извольте.

– Федор, – подбежал Козлов. – Этот из банды Собана. Собан на даче в Сокольниках.

Говорит, не расстреляете – покажу.

– Двух человек оставь у машины. А мы в район милиции, протелефонировать надо, пусть людей в Сокольники шлют.

Мчится по улицам Москвы машина. Между Даниловым и Козловым сидит задержанный, в углу – Климов.

– Гражданин комиссар, – сказал Алексей, – дайте мне наган.

Мартынов повернулся. Внимательно посмотрел на Климова. Молча протянул ему наган, насыпал в ладонь золотистую кучку патронов.

От здания МЧК в сторону Сокольников отъехал грузовик с вооруженными бойцами отряда особого назначения.

Кончилась Москва. Остался позади трамвайный круг. Началась Сокольническая роща.

Мартынов приказал остановить машину.

– Данилов, останься. Будешь ждать опергруппу.

– Товарищ Мартынов...

– Выполняй приказ.

Машина пошла дальше. И остался Ваня Данилов один у края рощи.

Темень. Глушь. Ветер шумит в деревьях.

Он вынул наган, взвел курок и сунул руку с оружием за пазуху.

– Где? – Голос Мартынова спокоен, словно в гости едет к приятным людям.

– Начальник, ты обещал...

– Не скули, не тронем.

– Сейчас поворот будет, а там вторая дача от края.

– Стой! Егоров, – повернулся Мартынов к шоферу, – останешься с этим. Мы с Козловым пойдем. Вы тоже можете остаться, гражданин Климов.

– Я пойду с вами.

Мартынов помолчал. И сказал тихо:

– Согласен.

Они шли след в след по заснеженной просеке. Вот и дача.

– Ну, пойдем, благословясь. Я первый, Козлов за мной, вы, Климов, за окнами смотрите, если с нами что, постарайтесь задержать их, опергруппа с минуты на минуту приедет.

Мартынов поднялся на крыльцо и толкнул дверь. Она поддалась. Они с Козловым вошли на террасу.

Еще одна дверь, распахнута настежь.

Темнота дома таила неожиданную опасность. Мартынов шагнул в темную прихожую.

Климов стоял за деревом, внимательно вслушиваясь в тишину.

Где-то недалеко заурчал мотор автомобиля. Голос его ближе и ближе. На просеку ворвался грузовик. Люди с винтовками окружали дачу.

Горела лампа в столовой, ходили по комнатам чекисты. Никого. Ушел Собан.

В окна здания на Малой Лубянке пришел рассвет. Залил тусклым светом комнату, растворил желтизну электрической лампы.

– Сколько же один человек наврать может, немыслимое дело! – Мартынов встал из-за стола, подошел к печке, приложил ладони к темному кафелю. – Слушай, – продолжал он, – ты раз правду скажи, тебе же легче будет.

Арестованный сидел у стола, вжавшись в спинку огромного резного стула, затравленно глядел на Козлова и Данилова, устроившихся на диване.

– Поехали по порядку. – Мартынов подошел к нему, сел на край стола: – Имя?

– Ну, Петр.

– Отца как звали?

– Ну, Евсей.

– Ты что, извозчик – ну да ну. Говори толком. Петр Евсеевич. А фамилия?

– Бухин.

– Значит, Петр Евсеевич Бухин. И в машину ты попал случайно, ни в кого не стрелял?

Мартынов перегнулся через стол, достал из ящика маузер арестованного.

– Твой?

– А я откуда знаю?

– Ты же не дурак, вот показания разоружившего тебя военрука Климова. Сколько в нем патронов должно быть?

– Ну, десять.

– Так. – Мартынов вынул обойму, вытряхнул на стол шесть патронов.

– Теперь гляди. Видишь, патроны у тебя редкие. Пули в никелированной оболочке.

– Ну.

– А вот пуля из убитого милиционера на Патриарших, медиками извлечена. – Мартынов бросил на стол деформированный никелированный кусок металла. – А теперь... – он вскочил со стола, схватил арестованного за руку, – смотри.

На правой руке был выколот синий меч и имя: Степан.

– Так что, Степа, дальше нукать будем?

– Не докажешь... не докажешь, – загомосил арестованный.

– А чего мне тебе доказывать. Сам грамотный, декрет читал. Был взят с оружием в руках...

– Скажу я, что знаю, скажу... Только не стреляй ты меня... Я ж молодой совсем, двадцать лет... Жизни не видел...

– А те, кого вы грохнули вчера ночью, они жизнь видели? Моя бы власть...

Мартынов замолчал, побелел и опять отошел к печке.

– Ты, комиссар, запиши, что я сам, добровольно... Прими во внимание мое рабоче-крестьянское происхождение...

– Поздно ты о нем вспомнил. Ты нам теперь классовый враг. Но помощь учтем.

Кабинет Манцева изменился. В нем появились сейф и шкаф, стулья и диван и даже часы, похожие на крепостную башню.

Василий Николаевич читал бумагу, а Климов пил чай за маленьким столиком в углу.

Зазвонил телефон.

– Манцев... Слушаю, Феликс Эдмундович... У меня... Конечно, Феликс Эдмундович... Если позволите, через час. – Манцев положил трубку: – Алексей Федорович, я прочел ваши показания. Армия есть армия. Сухо, по делу, точно, в деталях.

Манцев встал из-за стола, подошел к Климову, сел рядом:

– Вы начинаете работать инструктором военного дела на фабрике?

– Так точно.

– В декабре семнадцатого вы дали слово не поднимать оружие против народа.

– Так точно.

– Я не спрашиваю вас, Алексей Федорович, почему вы не идете в Красную Армию. Не надо, не отвечайте. Мы, большевики, привыкли уважать чужие убеждения. Но у меня есть к вам просьба.

– Чем могу служить?

– Нам нужны хорошие военные инструкторы в резервы милиции...

– Простите, гражданин комиссар, но я офицер...

– Зовите меня Василий Николаевич. Вчера ночью бандиты убили шестнадцать милиционеров. Многие из них погибли из-за неумения обращаться с оружием. Мне звонил сейчас Феликс Эдмундович Дзержинский, он просил поблагодарить вас за помощь и научить рабочих, пришедших в милицию, защищать граждан Москвы от бандитов. Я жду.

В комнату вошел Мартынов со свертком в руках и протянул Манцеву бумаги.

– Так как же, Алексей Федорович? Решайте.

Климов молчал. Вспоминал вчерашний день. Разговор с Копытиным, Лапшина, наган, упертый в спину, Скурихина, лежащего на земле, короткую схватку.

– Почту своим долгом. – Климов встал, щелкнул каблуками.

Мартынов с интересом посмотрел на него:

– Вот и хорошо. – Подошел к столу, взял ручку, подписал бумаги.

– Алексей Федорович, вот ваш мандат. Вы направляетесь МЧК старшим инструктором военизированного резерва милиции. Мы очень благодарны вам за помощь. В своих показаниях вы перечислили награды, полученные вами за войну. – Манцев открыл стол, достал из ящика наган. – У нас пока нет наград. Но этот наган носил ваш солдат. Мы отдаем его вам.

Климов взял револьвер:

– Спасибо. Это оружие мне вдвойне дорого.

Он сунул наган в карман.

– Нет, – засмеялся Мартынов, – так не пойдет, Алексей Федорович. Вы же не заговорщик, чтобы оружие прятать, а боевой наш товарищ.

Он развернул сверток, протянул Климову новенький офицерский ремень с кобурой.

Климов ушел, Мартынов и Манцев остались вдвоем.

– Плохи дела, Мартынов, – Манцев закурил, – уголовники хозяйничают в городе. Что арестованный?

– Пряхин Степан, кличка Зюзя, из тех, кого Керенский по амнистии выпустил.

– Удивительный человек был русский либеральный интеллигент. Керенский – присяжный поверенный, сам участвовал в сложных уголовных процессах, и вдруг амнистия тысячам опаснейших уголовников.

– Гад он, – мрачно сказал Мартынов.

– Нет, Федор, это сложнее, значительно сложнее. Так что Пряхин?

– Работала вчера банда Собана. В ней всего тридцать четыре человека.

– До вчерашнего дня. Теперь двадцать девять. Хорошо учили стрелять господ офицеров.

– Теперь о базе. Меняют ее постоянно после каждого дела. Есть в банде еще один руководитель, Витька Залетный, ростовский налетчик. Его даже Собан боится. Это его идея убивать милиционеров.

Мартынов спал на диване. Старые пружины осели под его большим телом, и казалось, что он лежит в яме. Перед уходом Козлов сильно растопил печку, и в комнате было тепло.

Мартынов снял только сапоги, а ремень с кобурой положил в головы. Телефон он поставил рядом с диваном, чтобы можно было дотянуться сразу. Свет луны падал в комнату, и в ее зыбком свете предметы неестественно вытянулись и расплылись. Мартынов спал, вздрагивая во сне, перегруженный заботами мозг не давал ему полностью отключиться от пережитого днем.

Сначала телефон звякнул коротко и мелодично, как серебряная кавалерийская шпора, потом голос его, набрав силу, стал пронзительным и длинным.

– Мартынов у аппарата! – откашливаясь со сна, крикнул в черный раструб начальник группы.

– Спишь, Федор?

Голос Манцева был по-утреннему свеж и спокоен. И Мартынов еще раз подивился способности зампреда скрывать усталость.

– Есть немного, Василий Николаевич.

– Ты уж извини, что побеспокоил тебя, но на этот раз известие приятное.

– Деникин умер!

– К сожалению, пока жив, а вот человек с Юга у меня.

– Бахтин! – радостно крикнул Мартынов. – Иду.

Он начал натягивать сапоги. Сон как рукой сняло, уж слишком приятным и неожиданным было известие.

Бахтин сидел в кабинете Манцева и курил, в воздухе, прорываясь сквозь махорочную горечь, плыл запах асмоловских папирос.

Одет Бахтин был, как всегда, щеголевато. Даже трость с серебряной ручкой лежала на столе.

– Здравствуйте, Федор Яковлевич. – Бахтин поднялся, улыбаясь, протянул руку.

– С возвращением, Александр Петрович. – Мартынов сжал ее от полноты чувств и удивился, что этот тонкий, слабый на первый взгляд человек ответил ему сильным, коротким рукопожатием, от которого у Мартынова слиплись пальцы.

– Ну и рука у вас, Алексадр Петрович, как у кузнеца.

– Постоянные занятия гимнастикой. Я вам, Федор Яковлевич, подарочек привез, – кивнул головой Бахтин.

Мартынов повернулся: весь угол кабинета был завален картонными папками.

Он взял одну из них. На обложке:

«МВД. Департамент полиции. Третье делопроизводство».

Далее фамилия и имя.

– Это действительно подарок. Как же вам удалось, Александр Петрович?

– Понимаете, Федор Яковлевич, когда душка Керенский выпустил из тюрем всю эту сволочь, немедленно был разгромлен архив сыскной полиции.

Обратите внимание, немедленно. Вполне естественно, что это сделали те, кто не хотел оставлять новой власти свои дагерротипы и дактилоскопические карты. Коль скоро это сделали уголовники, они не уничтожат дела. Я выяснил у бывшей клиентуры, что дела уплыли в Ростов. Остальное, как вы понимаете, чистая техника. Я приехал туда, поступил на работу в градоначальство, кстати, был там товарищем начальника сыскной полиции. Нашел дела. Вернул все, что удалось найти, и в Москву.

– Ваш рассказ слишком конспективен, – засмеялся Манцев, – неужели мы не узнаем все?

– Эту леденящую душу историю я расскажу вам за чаем. А сейчас вы хотели обсудить дела насущные.

– Конечно.

– Вот, – Бахтин хлопнул по лежащей на столе папке, – дела людей из банды Собана.

Бахтин раскрыл первую папку:

– Сафонов Николай Михайлович, кличка Собан. Вот справки о судимостях. Много лет каторжных работ. Побег. Дерзкий и опытный налетчик. Очень осторожен. Сам идет на дело в исключительных случаях, и то с наиболее верными людьми. Отправляя подельщиков на дело, меняет квартиру. Потом находит их через связного. Пользуется большим авторитетом в уголовном мире. Какой у него состав банды нынче?

– Около тридцати человек. Но разбиты они на группы, по образу подпольных военных организаций, – сказал Мартынов.

– Меня удивили две вещи: жестокая расправа с милиционерами, что в общем-то не свойственно уголовникам, и эта военная организованность. Потом этот ростовский налетчик Витька Залетный. По описанию ему двадцать шесть – двадцать семь лет. А вот я о таком не слышал. Второе, на Юге мне удалось узнать, что для активизации уголовного подполья в Москву послан офицер добровольческой контрразведки. Кстати, начальник ее, полковник Прилуков, человек весьма опасный.

– Так, – Манцев встал, – а как же святая идея?

– Дорогой Василий Николаевич, на фронте я не был. Но что делается в тылу у белых, видел предостаточно. Это очень напоминает мне самый расцвет распутищины. Воровство, взяточничество, разврат, казнокрадство. Полное смещение нравственных критериев. Какие ризы! Какая идея! Пир по время чумы. Я думаю, что тыл полностью разложит белую армию. Появление этого Витьки в Москве не случайно.

– Безусловно, – Манцев закурил, – они думают, что активизация уголовников, блатной террор помогут контрреволюции, окопавшейся в Москве. Но ни у Прилукова, ни у его коллег этого не получится. Когда вы, Александр Петрович, сможете подключиться к работе?

– Так я уже подключился, как вы выражаетесь.

– Но дорога...

– Я еще не такой старый, мне еще сорок два.

– Одни говорят: еще сорок два, а другие – уже сорок два, – засмеялся Манцев.

– Я говорю – «еще».

– Вот и прекрасно.

За стеной Лапшин терзал граммофон. Он заводил его сразу после прихода домой. Особенно Лапшин любил романсы. Вообще, Копытин заметил, что вся эта уголовная публика истерична и сентиментальна. Видимо, это и было оборотной стороной жестокости.

Завтра он решил брать квартиру Басова. Хватит, он сам начнет свою операцию.

Он знал Басова, знал и Васильева, вместе с Алексеем Климовым юнкерами бывали у них дома, одно время он даже пытался ухаживать за Катенькой Басовой.

Он вспоминал пасхальные праздники в большой и уютной квартире инженера, но впечатления были абстрактны. Будто не он, а кто-то другой приходил в этот дом, вкусно ел, немного пил, любовался милой, воспитанной барышней.

Он не знал и не хотел знать, что инженер Басов выполняет особое задание Совнаркома по обеспечению города электроэнергией. Что от его работы зависит тепло и свет в больницах, режим предприятий, выпечка хлеба и водопровод.

Копытин не знал этого. А если бы и знал, все равно не изменил бы своего решения.

Свет настольной лампы был тускловат. Электростанция Москвы работала плохо, не хватало топлива, поэтому инженер Басов, собираясь поработать, зажег свечи.

Он разложил на письменном столе чертежи.

За стеной дочка играла ноктюрн Скрябина. Чистая, немного холодноватая музыка звучала чуть слышно, приглушенная стеной.

За окном была ночь. Тревожная и опасная Москва. И дом Басова был словно корабль, плывущий сквозь эту ночь, наполненный уютом и музыкой.

Часы на камине пробили половину двенадцатого. Свет свечей падал на стекло шкафа, за которым тусклым золотым блеском отсвечивали кружки монет.

К дому Нирнзее в Гнездниковском подъехал закрытый «пежо». Из него вышли четверо в фуражках и кожаных тужурках и вошли в подъезд.

Басов работал. Музыка не мешала ему, а, наоборот, подбадривала, как чашка крепкого кофе.

В прихожей коротко и требовательно зазвонил звонок.

Басов посмотрел на часы. Странно, кто бы это мог быть?

Он вышел в прихожую. Высокий, плотный, в домашней бархатной куртке.

– Кто там?

– Это квартира инженера Басова? – спросил голос за дверью.

– Да.

– Откройте, Борис Аверьянович, мы из ЧК.

Басов положил руку с массивным золотым перстнем на головку замка. Вспыхнул в тусклом свете синеватый камень с вырезанной на нем монограммой. Басов повернул замок. В прихожую вошли четверо.

– Товарищи чекисты, – начал Басов, – я работник Совнаркома, у меня есть... – он запнулся, с ужасом глядя на одного из вошедших. – Копытин... Виктор...

Он не успел договорить, Лапшин ударил его ножом.

А из гостиной доносилась музыка.

Копытин с двумя бандитами прошел в глубину квартиры.

Музыка смолкла.

– А-а-а!.. Не надо... – закричал женский голос. Закричал и задохнулся криком. Словно рот зажали. Лапшин снял с пальца убитого перстень, вынул из жилетного кармана часы и отстегнул цепочку.

В глубине квартиры послышалась возня, слабый женский стон и срывающееся мужское бормотание. Лапшин усмехнулся и пошел в гостиную.

Данилов стоял в кабинете Басова. Комната была разгромлена, даже паркет взломан. Шкаф, в котором лежали монеты, разбит, и стекла противно хрустели под ногами.

Иван внимательно оглядывал комнату, тщетно стараясь найти что-нибудь похожее на след.

– Ну, что у вас? – спросил вошедший Бахтин.

– Не знаю.

– Вам надо учиться, юноша, сыскное дело, как и всякое иное, требует профессионализма.

Бахтин подошел к разбитому шкафу, достал лупу. Внимательно начал рассматривать осколки стекла.

– Ну вот. Есть отпечатки. Они вас пока не боятся и поэтому следят, как пожелают. Понимают, что вы на заводе да в окопах курс криминалистики не изучали. Ну ничего, ничего... Позовите Мартынова, пожалуйста.

В коридоре санитары в старых тулупах укладывали на носилки труп Басова.

– Понимаешь, – Мартынов дернул фуражку за козырек, – его убили, дочь изнасиловали, думали, придушили, а она жива.

– Можно допросить?

– Думаю, через неделю, не раньше.

– А за что они его?

– За то, что революции служить начал и, конечно, за коллекцию. Его прадед, дед, отец собрали уникальную коллекцию золотых монет. Она большую художественную ценность имеет. А эти гады ее в слитки переплавят.

В квартиру вошел Манцев:

– На Палихе бандиты зверски убили начальника уголовно-розыскной милиции района Алехина и всю его семью. Доколе, Мартынов, бандиты и убийцы будут творить свое черное дело?

Мартынов отвернулся. Иван увидел, как краска залила его лицо.

– Я жду ответа, Мартынов?

Мартынов молчал.

Винтовочные выстрелы сухо трещали в морозном воздухе, пахнувшем порохом и ружейной смазкой.

Отделение отстрелялось, и Климов пошел проверять мишени. Издали их силуэты на темном фоне неба напоминали застывших людей.

Климов осмотрел мишени, построил отделение:

– Товарищи милиционеры. Огневая подготовка есть основа основ вашей службы. Вы заступаете на пост в одиночку, поэтому должны быть готовы к любым неожиданностям. Умение владеть оружием – главное в борьбе с бандитами...

Он замолчал, и память, в который уже раз, прокрутила ленту воспоминаний: вспышки выстрелов, падающий Скурихин, машина, летящая на него, прыгающий в руке наган.

– К мишеням! – скомандовал он.

Здесь, на стрельбище, в учебных классах, он вновь ощутил себя человеком нужным, делающим важное и хорошо знакомое дело.

Ему нравилось учить этих ребят, посланных в милицию с фабрик и заводов.

Материальная часть оружия давалась им хорошо, сказывалась рабочая сметка, но огневая подготовка еще хромала.

Несколько дней назад на совещании у начальника курсов он заявил, что не подпишет ни одного свидетельства до тех пор, пока курсанты не научатся хорошо стрелять. Представитель Московского Совета сказал:

– Милиционеров не хватает, научатся в процессе службы.

– В процессе службы, – отпарировал Климов, – они должны уметь защитить и себя и население.

– Классовая сознательность...

– Это демагогия, – твердо сказал Климов, – а я учу людей вещам конкретным.

– Вы, как бывший офицер, не можете правильно определить политический настрой масс. Ненависть к врагу революции – вот главное оружие. А им курсанты владеют в совершенстве.

– В наставлении по стрелковому делу, – разозлился Климов, – таких понятий нет. Ненависть и правильное совмещение мушки с прорезью прицела понятия разные.

– Хватит спорить, – встал комиссар курсов, – военрук Климов прав. Мы не можем допускать к несению службы слабо подготовленных людей. Пусть учатся.

И сегодня, на стрельбище, Климов вспомнил этот спор. Стрелять его ученики стали значительно лучше.

Служба, домашние заботы постепенно вытесняли из памяти тот вечер на Патриарших прудах. Вернее, не вытесняли, а сгладили остроту.

Но, вспоминая тот вечер, он вспоминал и многолетнюю дружбу с Виктором Копытиным. Его необузданную фантазию, болезненную страсть к преувеличению.

Видимо, спьяну завел он тогда разговор о грабежах и налетах. Он же был офицером. Выросший в семье, где вопросы чести считались главными, Климов, как всякий добрый и порядочный человек, пытался наделить своими убеждениями всех остальных. Дух мужества и под-

линного рыцарства витал в их доме. Будучи человеком в принципе восторженным и поэтому, естественно, наивным, Алексей свято считал, что офицерские погоны – уже признак человеческой порядочности.

На войне он столкнулся с совершенно другим. И боль разочарования он воспринимал подчас с подлинным отчаянием. Чистый в делах и помыслах, он мысленно наделил своими убеждениями и Копытина, тем более что годы и война стерли из памяти не совсем порядочные поступки его однокашника.

Но каждый новый день, а отсчет им он вел со дня поступления на службу, все же заставлял его думать о встрече с Копытиным и мучительно казнить себя за то, что он не рассказал об этом разговоре Манцеву. И, возвращаясь домой со службы, он отгонял от себя мрачные мысли, искренне надеясь, что все обойдется. Он легко взбежал на третий этаж своего дома, повернул ручку звонка.

Голос сестры за дверью, такой родной и нежный.

Лицо сестры заплакано, глаза припухли.

– Ты что, Леночка?

– Алешенька, милый, горе-то какое, – всхлинула сестра. – Басова Бориса Аверьяновича бандиты убили, а над Катенькой надругались.

Климов так и застыл. Стоял в прихожей, держа в руке фуражку со звездой.

– Когда? – только и смог выдавить он.

– Вчера, Лешенька.

– Подожди, Лена.

Не раздеваясь, прошел Климов в свою комнату. Сел к столу и начал писать.

– Ужинать будешь? – приоткрыла дверь Елена.

– Потом.

Он закончил писать, вложил письмо в конверт.

– Я ухожу, Лена. Если не вернусь к утру, отнеси это письмо на Малую Лубянку, в МЧК.

Разорвал кольцо сестриных рук и вышел, хлопнув дверью.

Климов выпрыгнул из трамвая у Никитских ворот. Прошел мимо здания сгоревшей аптеки, мимо побитых пулями домов, свернул на Малую Никитскую.

– Куда? – Часовой преградил Лене дорогу винтовкой.

– У меня срочное письмо.

– Кому?

Лена достала конверт. Часовой вслух прочел:

– «Манцеву В. Н.». Постой здесь, барышня.

В кабинете Манцева собрались все работники группы по борьбе с бандитизмом.

– ...Итак, – продолжал Манцев, – вооруженное ограбление артельщика Александровской железной дороги – 150 тысяч рублей, вооруженное ограбление магазина случайных золотых изделий – зверски замучены владельцы, убийство 16 постовых милиционеров, смерть инженера Басова и нашего боевого товарища Алехина. Это, товарищи, пассив. А в активе у нас четыре бандитских трупа да один арестованный, который ваньку валяет. Теперь, товарищи, внимание. Зачитываю вам предписание Владимира Ильича:

«Зам. пред. ВЧК т. Петерсу.

Ввиду того, что налеты бандитов в Москве все более учащаются и каждый день бандиты отбивают по несколько автомобилей, производят грабежи и убивают милиционеров, предписывается ВЧК принять срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитами.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ленин (В. Ульянов)».

Все молчали.

– Так что мы ответим товарищу Ленину? – спросил собравшихся Манцев.

Зазвонил телефон.

Манцев поднял трубку:

– Да... Манцев... Какое письмо?.. От Климова?.. Хорошо, проводите гражданку ко мне.

Та же арка, и вечер такой же. И так же ветер скребет жестяным номером по стене.

Климов расстегнул кобуру, достал наган. Проверил барабан.

Теперь в атаку, штабс-капитан Климов.

И он пошел. Вот они, окна квартиры Копытина. Горят. Значит, дома.

Манцев встретил Елену в коридоре.

– А мне о вас Алексей Федорович говорил, – улыбнулся он, – вы Елена Федоровна.

Лена кивнула.

Манцев внимательно посмотрел на нее. До чего же девушка красивая! Вздохнул:

– Ну, что стряслось?

Лена протянула письмо.

Манцев вскрыл, начал читать: «Василий Николаевич. Я был неискренен с вами, в тот трагический день я возвращался от своего однокашника по Александровскому военному училищу, поручика Копытина Виктора Алексеевича. Он прибыл с Юга. Но не для организации офицерского подполья. Нет! Я бы мог еще понять это. Он сказал мне, что у него есть группа бандитов и он намерен разбогатеть, и предложил мне стать его сообщником. Я с возмущением отказался. Покинув квартиру Копытина, я не мог поверить, что он пойдет на это. Но, узнав о трагической гибели Бориса Аверьяновича Басова, я понял всю серьезность его намерений и глубину его духовного падения. Офицер не может быть бандитом. И вдруг. Я отправился к Копытину, чтобы задержать его или убить. Его адрес:

Патриаршие пруды, дом Кузнецова, квартира четыре. Следующей жертвой должен стать...»

Манцев не дочитал письмо:

– Когда ушел брат?

– Полчаса назад.

Манцев распахнул дверь:

– Все на выезд. Патриаршие, дом Кузнецова.

Лапшин стоял в дверях, опершись рукой о стену. Морда красная, жилетка расстегнута. И сразу увидел Климов перстень Басова на короткопалой руке Лапшина. Светился он синим светом.

– А, ваше благородие... Чего надо?..

– Где Виктор?

– Ушел. И ты иди.

– К стене! – уперся наган в живот Лапшина.

Он икнул и повернулся к стене.

Климов вынул из-за пояса бандита тяжелый кольт, сунул в карман:

– Пошли.

– Куда?

– В ЧК.

Увлекся Климов, не заметил приоткрытой двери в гостиную.

Копытин поднял пистолет и выстрелил. Падая, Климов надавил на спуск нагана. И рухнул на пол Лапшин.

А пули Копытина отбросили Климова к стене, и он упал, намертво зажав в руке бесполезный наган.

– Сволочь... Сволочь... Чистоплюй поганый... – Копытин подбежал к двери, закрыл ее. Бросился на кухню, выглянул в окно. В темноту двора ворвались автомобильные фары.

Копытин, перезарядив пистолет, бросился в гостиную.

На столе груда золотых монет, кольца, серьги, пачки денег. Начал рассовывать деньги по карманам.

А входная дверь уже тряслась от ударов.

Схватил горсть монет, сунул в карман брюк. На ходу надевая пальто, выбежал в коридор. Трижды выстрелил в дверь.

Забежал в уборную. Запер дверь. Локтем высадил окно. Выглянул. Внизу под стеной сугроб намело в человеческий рост.

С грохотом рухнула входная дверь.

Копытин перекрестился и выпрыгнул в окно.

Манцев наклонился над убитым Климовым:

– Эх ты, штабс-капитан. Сам хотел. Честь свою офицерскую берег... Мартынов, задержанного сюда, пусть опознает убитого.

Подошел Козлов:

– Ушел второй, товарищ Манцев.

– А оцепление?

– Обмишурились чуток, у него окно из галюна на другой двор выходит, выпрыгнул, сволочь.

– Товарищ Мартынов, – из дверей гостиной вышел Данилов, – тут золота много.

Манцев вошел в гостиную. Часть монет рассыпалась на полу, остальные лежали на столе.

Василий Николаевич взял в руки золотой квадрат, поднес к свету: гордый профиль в шлеме отчеканен по золоту.

– Это монета Древней Эллады, – сказал Данилов, – огромная ценность. Их в музей надо, товарищ Манцев.

– Ты разбираешься в монетах?

– Мальчишкой собирал.

– Вот и прекрасно, делай опись.

– Так, товарищ Манцев, их же здесь...

– Пиши, Данилов, достояние республики требует тщательного учета.

Он замолчал. Потом сказал вдруг:

– А что же я его сестре скажу?

– Что, товарищ Манцев? – повернулся Данилов.

– Ничего. Ты работай.

Климова похоронили на Ваганьковском, рядом с могилой матери. Над кладбищем кричали вороны и падал снег.

Мартынов вдруг увидел, что снег не тает на лице покойного, и это странное открытие вдруг объяснило ему смысл слова «жил». Климова больше не было.

Падал снег, плакала Елена, кричали вороны.

Потом взвод милиционеров поднял винтовки, и птицы разлетелись, спугнутые залпом.

Вырос над могилой холмик, и Мартынов думал о странностях судьбы. Пройти всю войну, не жалея себя, одному вступить в схватку с бандитами и погибнуть от руки человека, которому он так верил.

Уходя, Мартынов оглянулся: свежий холм земли казался неестественно черным на фоне девственно-белых сугробов.

Москва. Февраль 1919 года

Копытин шел по занесенному снегом Рождественскому бульвару.

День выдался морозный и солнечный. Снег яростно скрипел под ногами. Копытин шел по узкой вытоптанной тропинке, помахивая щегольской тросточкой.

– Поручик Копытин?

Копытин повернулся.

Перед ним стоял человек в черном пальто с бархатным воротничком, серая барашковая шапка чуть сдвинута на бровь, усы закручены.

Все-таки как ни переодевайся, а офицера за версту видно.

– Поручик Копытин? – повторил неизвестный.

– С кем имею честь?

Незнакомец снял перчатку. На ладони лежала половина медали «В память войны 1812 года».

Копытин расстегнул шубу, из жилетного кармана вынул вторую половину, протянул связанному.

Тот совместил половинки:

– Все точно. Господин поручик...

– С кем имею честь?

– Ротмистр Алмазов-Рюмин.

– Слушаю вас, господин ротмистр.

– Господин поручик, командование недовольно вашей работой.

– То есть? – Копытин усмехнулся, дернул щекой.

– Где активные действия, где организованное уголовное подполье? Кроме того, нам известно, что вы совершили несколько крупных экспроприаций, но где средства?

Копытин молчал.

– Помните, что у нас в организации состоят чины полиции. Люди, прекрасно знакомые с уголовным миром. Мы знаем все, что вы, ну... как бы сказать...

– Граблю? – зло выдавил Копытин.

– Изымаете, до последней копейки. Вы, поручик, просто недооцениваете нашу службу. Через неделю ждем денег. Адрес вам известен.

Алмазов-Рюмин резко повернулся и зашагал в сторону Петровки.

Манцев стоял, прислонясь к теплому кафелю голландки, и слушал Мартынова, меряющего шагами кабинет.

– Мы все обдумали. Пойдут они к Васильеву. Мы их возьмем. А дальше? Собан-то опять уйдет, и Копытин тоже.

– Ну и что ты предлагаешь, Федор?

Мартынов подошел к Манцеву, наклонился.

– Есть план, – азартно сказал он.

– Излагайте.

– Мы решили так...

Собан и Копытин играли в карты.

– Карта тебе прет, Витя, как из параша.

Копытин подтянул к себе выигрыш:

– Ничего, Коля, карта не лошадь, к утру повезет. – Копытин начал быстро сдавать карты.

Собан взял, поглядел, бросил:

– Я тебе что хочу сказать, Витя. Интересовались тобой.

– Кто? – дернул щекой Копытин.

- Солидный мужик. Раньше в сыскной служил.
- Что ему надо?
- Не сказал.
- Хочешь, я тебе скажу? – Копытин перегнулся через стол. – Хочешь?
- Не психуй, гнида, – Собан оттолкнул Копытина.
- Так вот, они хотят, чтобы мы с тобой часть взятого офицерскому заговору отдавали.
- Точно?
- Я же, знаешь, зря языком не бренчу.
- Значит, – усмехнулся Собан, – опять эксплуатация. Мы бери, а им отдавай. Не выйдет.
- Нет, ты не знаешь этих людей. А я их знаю.
- Витя, ты кто будешь? А то о тебе разное говорят.
- Я офицером был. А теперь свободный человек. Мне не нужны ни белые, ни красные.

Жить хорошо хочу. Поэтому слушай меня, Николай.

Копытин достал портсигар, щелкнул крышкой, протянул Собану.

Они закурили.

– Ты, Собан, дурак. Не прыгай, сиди тихо. Дурак. Все ты можешь в налете взять. Цапки, деньги, жратву. Все, кроме ума.

– Ишь, падлю, как заговорил. – Лицо Собана налилось, губы стали тонкими и жесткими.

– Ты глазами не зыркай. Я не из пугливых. Насмотрелся того, чего тебе с твоими соп-ливыми мокрушниками никогда не увидеть. Они кровью хвастают. Так я ее за день проливал больше, чем они за две жизни.

Лицо Копытина обострилось, глаза стали прозрачными и страшными, тиком пошла щека.

Собан посмотрел на него, ему стало неуютно в этой комнате. Словно кто-то вошел сзади и приставил наган к его затылку.

– Слушай меня, – продолжал Копытин, – ну возьмем мы еще пять мешков денег. А дальше? Ну, пропьем, прогуляем... А потом? Через полгода ЧК и уголовка на ноги встанут и прихлопнут нас, как мух.

Копытин ткнул окурок в тарелку с сардинами. Взял бутылку, разлил.

– Я тебе вот что предлагаю. Проведем три дела и уйдем.

– Куда?

– Сначала в Петроград, оттуда в Финляндию.

– Так нас там и ждут. – Собан в два глотка выпил водку. – Ждут и плачут.

– Таких, как сейчас, с этим, – Копытин презрительно подбросил пачку денег, – с этим нет. Мы сделаем три дела. Возьмем камни у Васильева, валюту на Мясницкой, и еще одно. О нем потом скажу. А дальше век за границей живи, в богатстве и роскоши.

– Когда уйдем? – Собан вскочил.

– Сроку всего десять дней. В Петрограде у меня люди есть. Они за эту бумагу нас переправят. Так мы ее всю им отдадим.

– Смотри, Виктор, – ощерился Собан, – со мной не шути.

– Нас, Коля, одна веревка повязала. Ты без меня никуда, а я без тебя.

Манцев и Мартынов ехали по заснеженным улицам Москвы в сторону Пресни.

Автомобиль остановился у фабричных ворот с надписью над ними: «Московские электромеханические мастерские».

Они шли через чисто убранный, разметенный двор. Здесь, видимо, уважали свой труд. Стояли ящики под аккуратным навесом, железные отходы были по-хозяйски сложены у забора и даже прикрыты брезентом.

– Вы к кому, товарищи? – окликнул их человек в фуражке с эмблемой техника.

– Мы из ЧК, – ответил Манцев.

– Пойдемте, я провожу вас в цех.

Цех встретил шумом и ярким светом газосварки.

– Подождите, товарищи. – Провожатый ушел.

А чекисты остались стоять, наблюдая, как работают люди. Был в их труде особый покой и порядок. Так обычно работают те, кто досконально знает свое дело.

– Смотри, Мартынов, – Манцев положил ему руку на плечо, – видишь, как работают. Точно, быстро, ловко. А мы с тобой?

– Но мы же еще учимся, Василий Николаевич.

– Слишком дорого наша учеба народу обходится.

Шум постепенно затихал. Рабочие останавливали станки, складывали инструменты. Вытирая руки ветошью, шли к дальнему концу цеха, где стоял дощатый помост.

Манцев увидел человека, машущего им рукой.

– Пошли, Федор.

И вот они стоят в центре полукруга, а на них внимательно смотрят десятки глаз.

Манцев осмотрелся. Народ все больше был степенный, немолодой. Подошел однорукий, в матросском бушлате:

– Я секретарь комячейки. Начнем. – Он огляделся и вдруг крикнул зычно, как на палубе в шторм: – Товарищи! Вы писали в горком партии, вот приехали к нам товарищи из ЧК. Попросим их выступить.

Манцев вспрыгнул на помост:

– Товарищи, мы приехали к вам, чтобы узнать, какие у вас есть вопросы к Московской ЧК, что нам вместе надо делать, чтобы покончить с бандитизмом.

Из толпы вышел человек лет под шестьдесят, с лицом, обожженным металлом, с рыжеватыми прокуренными усами, с седым ежиком на голове.

– Скажи нам, товарищ, – обратился он к Манцеву. – Вот мы, – он обвел взглядом толпу, – работаем здесь. Значит, пролетариат. А вы кто будете?

– Я – член коллегии Московской ЧК Манцев Василий Николаевич, а это Мартынов Федор Яковлевич, руководитель группы по борьбе с бандитизмом.

– Так, подходяще, – сказал пожилой рабочий, – а в партии с какого года?

– Я с девятьсот шестого, а товарищ Мартынов с восемнадцатого.

– Подходяще. Теперь ответь нам, товарищ чекист, на наши вопросы. Я читал в «Известиях» декрет о создании Московской ЧК, так с одним в шубе поспорил. Он говорит – новая охранка, а я ему – мол, это нашему рабочему делу охрана. Так, товарищ Манцев?

– Безусловно.

– Значит, ты со мной согласен. А тогда дай отчет нам, рабочим, по нашим вопросам. Первое – до каких пор шпана в Москве людей резать будет? Мы весь тот месяц без жалованья сидели, потому что бандюги артельщика убили, а наши кровные унесли. Так мы и семьи наши в скудности сплошной сидели. Это как, товарищ чекист? Теперь, товарищ, ответь нам, кто и за что убил нашего технорука, золотого человека инженера Басова? А знаешь, чем он занимался и мы с ним?

– Приблизительно, – ответил Манцев.

– Мы с ним электрохозяйство Москвы налаживали, чтобы в этом году, к лету, везде фонари как надо горели, трамваи хорошо ходили, чтобы на электростанции перебоев не было. И дело это техноруку нашему, товарищу Басову, Ильич поручил. Как же ты такого человека не уберег?

Рабочий замолчал. Молчали и люди в цехе, только где-то противно, на высокой ноте визжала электропила.

– Это еще не все. Среди нас есть такие, которые говорят, что Басова чекисты убили, мол, за дворянское происхождение да за деньги какие-то. Теперь скажи, что это за «черные

мстители» в городе объявились, которые милиционеров бьют? Вот теперь все у меня. Отвечай, товарищ чекист.

Манцев помолчал, оглядывая людей. Они стояли плотно, плечо к плечу. В спецовках, ватных куртках, фартуках. Они стояли и ждали ответа.

– Товарищи. – Голос Манцева сел от волнения. Он откашлялся и продолжал: – Буду отвечать по порядку. Убийство вашего артельщика нами раскрыто. Бандиты Костыркин Михаил и Сиротин Семен пойманы и расстреляны.

– Правильно!..

– Стрелять их всех!

– Верно!..

Словно вздохнула толпа.

Манцев поднял руку.

– Теперь об инженере Басове. Мы с вами вместе скорбим о тяжелой утрате. Зверье из банды Николая Сафонова по кличке Собан убили его и ограбили квартиру. Мы обезвредили несколько участников банды. Нашли похищенное имущество. Нам еще нелегко приходится, нас сыскному делу не учили. Но мы учимся даже на своих ошибках, я обещаю вам, товарищи, что в ближайшее время революционное возмездие достигнет Собана и его дружков. А теперь покажите нам того, кто на чекистов клеветал и о «черных мстителях» рассказывал.

Толпа зашумела, закачалась и вытолкнула к помосту человека лет сорока в очках с металлической оправой на птичьем носу.

– Эсер? – Манцев спрыгнул с помоста.

– Какое это имеет значение?

– Значит, эсер, – улыбнулся Василий Николаевич, – я их пропаганду сразу узнаю. Уж больно красиво врут. Милиционеров, товарищи, тоже убил Собан со своими подручными. А что касается зверств ЧК, то хочу сказать: бандиты врываются в квартиры, выдавая себя за чекистов. У них две цели: уголовная и политическая, грабеж и убийство и дискредитация ЧК.

Пожилой рабочий влез на помост, поднял руку:

– Товарищи пресненцы! Довольны ли вы ответами?

– Вполне!

– Правильно!

– Дело говорил.

– Тогда выношу резолюцию нашего собрания. Кто за полное доверие нашим чекистам – поднять руки!

Руки подняли все до одного.

В машине Манцев сказал Мартынову:

– Я, дорогой мой, сегодня испытал и острое чувство стыда, и огромную радость.

– Я думаю, Василий Николаевич, мы не охранка, надо чаще в газетах сообщать о нашей работе.

– Правильно, Федор. Владимир Ильич всегда говорил, что у партии нет секретов от народа, а мы, чекисты, – вооруженный отряд партии. Гласность. Во всем. В успехах и ошибках. Тогда нам поверят.

– Надо было, Василий Николаевич, этого, в очках, с собой прихватить.

– Зачем? – улыбнулся Манцев. – Он уже не страшен нам. Нет ничего более действенного, чем публичное разоблачение. Он не враг. А сплетни, слухи, – они всегда бушуют. Главное – разоблачить их не словами, а делом. Так, милый Федор Яковлевич, нас учит Феликс Эдмундович. Наша власть еще совсем молодая. Впрочем, и мы с тобой не старые. – Манцев засмеялся.

Машина уже въезжала на Лубянскую площадь, и Манцев спросил:

– Что с операцией?

– Квартира Васильевых под постоянным наблюдением.

– Кого вводим в операцию?

– Данилова.

– Не молод?

– Нет, парень серьезный, дерется здорово, джиу-джитсу знает, уроки брал, стреляет неплохо, а главное, его в Москве никто не знает.

– Давайте готовить.

Данилов вошел в кабинет Манцева. Одет он был необычно: черную косоворотку, шитую по воротнику белым, опоясывал наборный пояс, пиджак свисал с левого плеча, синие брюки заправлены в лакированные сапоги гармошкой.

В кабинете кроме Мартынова и Манцева сидел человек лет сорока в форменном сюртуке без петлиц, белоснежный воротничок подпирал подбородок. Было в нем что-то барское, а вместе с тем вульгарное.

– Так-с, – сказал он, – по фене ботаешь?

– Что? – удивился Данилов.

– Не та масть, Василий Николаевич, ошибся ваш гример.

– Пожалуй, да, – Манцев засмеялся, – не похож ты, Ваня, на удачливого вора.

– Вы, молодой человек, – обратился к Данилову незнакомый, – кстати, не смотрите на меня так удивленно, моя фамилия Бахтин, я криминалист и консультант у коллеги Манцева.

– Великий спец по уркам, – белозубо улыбнулся Мартынов, – бог нам вас послал, Александр Петрович.

– Ну зачем же так? Не упоминайте господне имя всуе. Нехорошо. Так кем вы были, молодой человек, в той, иной и спокойной жизни?

– Я закончил Брянское реальное училище.

– Весьма почтенно. И чем думали заниматься?

– Хотел подать прошение в Лазаревский институт.

– О-о-о! Романтика. Запад есть Запад. Восток есть Восток. И с места они не сойдут.

– Киплинг, – мрачно сказал Данилов.

– Мило. Мило. Значит, студент. Пойдемте.

И снова открылась дверь кабинета. На пороге стоял молодой человек в студенческой куртке с петлицами, в брюках с кантом, обтягивающих ноги. Белоснежная рубашка, загнутые углы воротника, галстук с булавкой. Данилов даже причесан был иначе. Волосы разделял ровный английский пробор.

– Студент, Василий Николаевич, студент. Это кличка и легенда. На палец перстень, дорогой, наручные часы, лучше золотые, дорогие запонки. Студент-налетчик.

– Где же мы все это достанем, Федор? – повернулся Манцев к Мартынову.

– Да такому залетному все достанем, – засмеялся начальник группы, – все что надо.

– А теперь, Данилов, то есть Студент, – сказал Манцев, – знакомься со своей напарницей. Он подошел к дверям.

– Заходи, Нина.

В кабинет вошла красивая высокая блондинка в строгом темно-синем платье, отделанном белыми кружевами, в высоких светлых ботинках на каблуках.

– Вот с ней ты и пойдешь. Это наш товарищ, Нина Смирнова. Так что знакомьтесь.

Девушка подошла к Данилову, протянула руку:

– Нина.

– Иван. – Данилов посмотрел ей в глаза и смутился.

Квартира была маленькой и по-казенному чистой. Всего две комнаты.

– Располагайтесь здесь. – Козлов положил на стол пакет с едой. – Сами понимаете, за порог ни ногой.

– Надолго? – спросила Нина.

– Как придется. Одежду не снимайте, привыкайте к ней, а то ты, Ваня, в этих манишках, как корова под седлом.

Козлов проверил телефон и ушел.

Иван подошел к окну. Внизу лежал занесенный сугробами пустырь. По снегу разгуливали важные, похожие на монахов вороны.

В квартире было тихо, только капала из крана вода да потрескивала свеча.

И эти, такие мирные звуки приносили воспоминания о прошлом. Казалось, что остановилось время. Не было белых, фронтов, заговорщиков, бандитов. А был только этот пустырь с воронами, звук разбивающейся в раковине воды, треск печки.

Данилов был слишком молод, ему шел девятнадцатый год. Он еще не избавился от прекрасного ощущения бесконечности жизни. И хотя, работая в группе Мартынова, он видел смерть и горе, участвовал в перестрелках и облавах, он еще не думал о смерти.

Много позже, когда в памяти его прошлое отодвинется, как в перевернутом бинокле, он поймет, какая смертельная опасность подстерегала его.

Но сегодня его волновало совсем другое.

Данилов закурил, взял «Курс криминалистики», подаренный Бахтиным, и углубился в чтение. Нет, он не пойдет после окончания войны в Лазаревский институт. Наука раскрытия преступлений увлекла его, и он твердо решил стать криминалистом.

Манцев и Мартынов шли вдоль Пречистенского бульвара. Навстречу им из-за угла, чеканя шаг, двигалась рота красноармейцев. Новые, еще не обмятые шинели, смушковые папахи, новые ремни.

–левой!левой! – звонко и радостно неслась в морозном воздухе команда.

Лица красноармейцев от мороза румяные, шаг твердый.

Мартынов остановился, пропуская строй, внимательно вглядываясь в лица бойцов.

– Они скоро на Деникина, – с грустью сказал он.

– Завидуешь, Федор? – Манцев положил ему руку на плечо.

– И да и нет, Василий Николаевич. Завидую простоте. На фронте все ясно. Враг издалека виден.

– Это ты прав. А нам порой приходится искать врага рядом с собой. Вспомни левозеровский мятеж.

Они свернули в сторону Сивцева Вражка. У доходного дома остановились.

– Может, мне подождать, Василий Николаевич? – хитро усмехнулся Мартынов.

– Нет, Федор, пошли вместе. В другое бы время пришел один, пригласил бы девушку по Москве погулять, в Художественный театр сводил. Вместе погрустили бы над судьбой трех сестер. В другое время.

– Василий Николаевич, дорогой мой, разве для любви есть время?

– Слишком тяжела ее утрата, и слишком большая опасность угрожает ей.

– Вы думаете?

– Предполагаю.

Строгая, вся в черном, Елена Климова сухими от горя глазами глядела на Мартынова и Манцева.

– Елена Федоровна, – сказал Манцев, – покажите нам комнату брата.

– Прошу.

Комната Климова была небольшой. Книжный шкаф, диван, покрытый ковром, письменный стол.

Над диваном скрещены две шашки: одна с анненским, другая с георгиевским темляком и позолоченным эфесом.

Мартынов подошел ближе и прочитал: «За храбрость».

Рядом висело несколько фотографий. Группа юнкеров-александровцев, два молодых подпоручика в парадной форме, Алексей Климов в штабс-капитанских погонах, с рукой на перевязи.

Манцев подошел к стене, начал рассматривать фотографии.

– Кто это рядом с Алексеем Федоровичем?

– Его товарищ по училищу, Сергей Наумов, они сфотографировались в день производства.

– Елена Федоровна, а у вас, случайно, нет фотографии Виктора Копытина?

– Конечно, Василий Николаевич, но зачем она вам?

– Елена Федоровна, мне тяжело говорить, но Алексея Федоровича убил Копытин.

– Нет!.. Это невозможно...

– Но это так. Копытин убил и Басова, и еще нескольких человек.

– Это невозможно.

– Елена Федоровна, поверьте мне, на его руках много крови прекрасных, нужных новой России людей.

– Он заговорщик?

– Нет, он стал бандитом.

Елена опустилась на диван, закрыла лицо руками. Так она сидела несколько минут, потом посмотрела на Манцева:

– Он вчера был у меня.

– Зачем?

– Он ничего не знал об Алешином письме, он приходил и сказал, что брата убили вы.

– Неужели вы ему верите?

– Нет.

– Так где его фотография?

– Висела на стене.

На месте фотографии они увидели только темный квадрат на выгоревших обоях.

– Он заходил в эту комнату?

– Да, – тихо ответила Елена.

– Елена Федоровна, он мечется по городу, как зверь, у него нет выхода, мы его поймем, но он может появиться у вас снова.

– И что мне делать?

– Разрешите посмотреть квартиру?

– Конечно.

– У вас во двор окна комнат выходят?

– Только на кухне.

Они вошли на кухню.

– Вот как хорошо, – засмеялся Мартынов, – занавесочка славная у вас.

– Какая занавесочка? – непонимающе спросила Елена.

– А вот эта, в пол-окна, пестрая. Ее и днем заметишь. Если Копытин придет, вы ее задержите.

Война войной, революция революцией, а Мясницкая такая же нарядная. Правда, подоблезли золотые буквы на вывесках торговых фирм, новые названия советских учреждений появились, но тротуары чистые, даже потрескавшиеся стекла магазинов горели на солнце.

Что и говорить – московское «сити».

Да и народ здесь привычный, одетый добротной мехой, сукно дорогое, трости.

Копытин остановился напротив дверей с вывеской «Валютный отдел».

Дверь двухстворчатая, сбоку милиционер с наганом на ремне прыгает от мороза.

Ничего. Пусть себе прыгает пока.

И вдруг на той стороне – дама в чернобурой шубе, шапочка на брови натянута. Копытин перебежал улицу:

– Ольга Григорьевна!

Остановилась, взглянула изумленно:

– Господи, Виктор!

Щелкнул каблуками, наклонился к руке. Ольга Григорьевна оглянулась.

– Вы с Юга? – спросила шепотом.

– Так точно.

– Как там?

– Наступаем.

– Скоро ли в Москву?

– Трудно, очень трудно. А вы как здесь, Олечка, как муж?

– Трясемся, ждем обысков, реквизиций.

Копытин взял ее под руку и повел по Мясницкой.

– Милая Олечка, передайте Петру Львовичу, что есть шанс уехать на Юг.

– Не может быть!

– Тихо, ради бога, тихо. Я через несколько дней уезжаю, могу взять вас с собой.

– Но это опасно.

– Нисколько. Мы поедем в поезде Международного Красного Креста.

– Вы наш спаситель.

– Ждите, – сказал Копытин, – и учтите, что под флагом Красного Креста можно провезти все. В Москве очень неспокойно. Чекисты убили Бориса Аверьяновича Басова, забрали его редчайшую коллекцию.

– Я слышала, Виктор, это ужасно. – Глаза Олечки наполнились слезами.

– Алешу Климова убили. Вашего поклонника.

– Господи, Алешу? За что?

– Он хотел справедливости.

– Виктор, – Ольга схватила Копытина за рукав, – спасите нас. Умоляю!

– А ваш папенька, Григорий Нильч?

– Он сидит на своих камнях. «Это – для истории. Это – для искусства». Ах, Виктор, вы же знаете отца. Попробуйте поговорить с ним сами.

Копытин поглядел на Ольгу, усмехнулся, дернул щекой:

– Попробую.

Несколько минут назад Манцев вернулся от Дзержинского. Разговор с Феликсом Эдмундовичем был обстоятельным и долгим.

И, сидя в кабинете, Манцев снова и снова вспоминал его, думая над словами председателя ВЧК и МЧК. Манцева всегда поражало смелое, аналитическое мышление Дзержинского, неожиданность его решений, тонкое знание политической обстановки.

– Бандитизм, Василий Николаевич, – сказал Дзержинский, – сегодня явление не только уголовное. Он компрометирует власть рабочих, кое-кто пытается представить это как неспособность большевиков управлять государством. Следовательно, бандитизм есть явление политическое. Тем более что, как нам известно, белая контрразведка пытается его использовать.

– Мы делаем все, что можем.

– Дорогой Василий Николаевич, я об этом знаю, более того, я знаю, как трудно людям из группы Мартынова вести оперативную и следственную работу. Криминалистика – наука. А нам приходится постигать ее под бандитскими пулями. Кстати, как вам помогает Бахтин?

– Хорошо.

– Пока они нам нужны. Помните об этом. Потом мы разберемся с ними.

– Но тем не менее, Феликс Эдмундович, я хотел бы вам рассказать о нашем плане ликвидации банды Собана.

– Я прочел вашу докладную записку. Считаю, что все правильно. Только прошу вас об одном – берегите людей. Любую операцию мы должны проводить с минимумом потерь. Теперь о профессоре Васильеве. Он сдал свои драгоценности государству. Да, не удивляйтесь, все до последнего камня. В своем письме Луначарскому он написал, что деньги эти должны пойти на организацию народного образования.

– Это поступок.

– Подлинный патриот отечества всегда помогает ему в трудную минуту. Но тем не менее я позвонил в Гохран, вам выдадут, естественно на время, одну из вещей Васильева. Начинайте операцию и помните о людях.

В дверь постучали. Вошел Мартынов.

– Что?

– Все готово.

– Давайте рапорт.

Манцев сел за стол. Крепко потер ладонью лицо, отгоняя сон, хлебнул из стакана остывший чай. Поднял бумагу ближе к свету, начал читать. Чем больше читал, тем удивленнее становилось у него лицо.

– Вы, братцы, меня в острог хотите посадить? Сам думал или кто посоветовал?

– Вместе с Бахтиным.

– Ему простительно, он из старого сыска, а ты, Федор?

– Василий Николаевич, головой за все отвечаю.

– Ну ладно. – Манцев улыбнулся, подписал бумагу. – Сухари ты мне в домзак носить будешь.

– Обязательно.

Бахтин пришел на квартиру в два часа. Данилов посмотрел на него и понял – пора. На секунду сжалось сердце, только на секунду.

– Голубчик, Иван Александрович, и вы, Ниночка, – Бахтин достал папироску с длинным мундштуком и закурил. – Вы отправитесь сегодня в Столешников. На углу Петровки дом Бочкова знаете?

Иван кивнул головой.

– Там на первом этаже кафе. Место дрянное, грязное. Но вы сядете, спросите у полового чего-нибудь, а когда он подаст, скажите: «Хочу на лошадке покататься». Он вас проводит в игорную комнату. Там механические бега. Играйте, пейте шампанское и помните, что вы с Петроградской, налетчик, Студент. Как вас зовут?

– Олег Свидерский. Бывший студент Межевого института.

– И помните – в Питере вы взяли ломбард, людей убили. Вы налетчик нового типа. Холодный, расчетливый, интеллигентный.

Данилов отвернулся, а когда повернулся вновь – на Бахтина глядел уже совсем другой человек: холодный, нагловатый, уверенный в себе.

– Вот это другое дело. Теперь, – Бахтин достал саквояж, расстегнул, положил на стол две толстые пачки денег, золотые украшения, – берите деньги, надевайте украшения, и с богом. Помните, Иван Александрович, там будут наши люди, если что – они помогут.

В кафе было накурено и холодно. На небольшой эстраде в углу играл на пианино тапер. Звук пианино был неестественно чужим в слоистом от дыма воздухе и гуле голосов.

Почти все столики были заняты, люди сидели прямо в пальто и шинелях, спорили, размахивали руками.

Данилов увидел столик в углу у окна и пропустил вперед Нину:

– Прошу.

Они уселись.

Пробегавший мимо официант в черном фраке, натянутом поверх ватной куртки, сразу же увидел дорогое пальто на молодом человеке и котиковую шубку на красивой молодой даме. И руку с массивным золотым перстнем увидел, лежавшую на грязной скатерти барски небрежно.

Официант на ходу затормозил, развернулся и к столику:

– Чего господам угодно?

– А что есть?

– Извините-с, время такое, могу-с подать кофе желудевый-с, пирожные на сахарине-с.

– Ликер?

– Время такое, господин.

– Послушайте, милейший, – Данилов достал толстую пачку кредиток, сунул ассигнацию в карман фрака, – а на лошадакх у вас покататься можно?

Официант осклабился, оглянулся воровато:

– Отчего же-с. Таким господам... Прошу-с за мной.

Они прошли мимо стойки со скучающим буфетчиком, вошли в узкую дверь и очутились на лестничной клетке.

– Прошу-с.

Из темноты выросла здоровая мужская фигура.

– На лошадакх-с, – тихо сказал официант.

– Валяй.

Они поднялись по ступенькам, остановились возле закрытой двери. Официант постучал. Дверь раскрылась, оттуда полился свет, раздались людские голоса, переборы гитары. Здесь был даже швейцар в ливрее.

Пальто и шубу принял бережно, словно они из стекла.

– Прошу-с, господа.

Одна из комнат – буфетная. Да, здесь не знают о нужде и голоде. В свете свечей переливаются разноцветные бутылки, лежат в вазах фрукты, шоколад, бутерброды.

– Ты выпьешь шампанского, дорогая? – спросил Данилов.

– Немного.

А буфетчик в черном фраке, белоснежной манишке, с бабочкой уже хлопнул пробкой.

Заискрилось, запенилось в бокалах вино.

К стойке подошел человек в щегольском пиджаке, с жемчужной булавкой в галстук.

– Папиросы есть?

– Асмоловские.

– Дай, любезный, пару пачек.

Мельком посмотрел на него Данилов и узнал: видел этого человека в коридорах ЧК. И сразу ему стало спокойно:

– Мне тоже пачку.

Буфетчик протянул Данилову коробку:

– На лошадакх-с не желаете взглянуть?

В соседней комнате, огромной, без мебели, толпился народ. Кого здесь только не было: завсегдатаи скачек в модных, не потерявших лоска костюмах, дельцы, напуганные временем, шустрые карманники с Сенного рынка, спокойные налетчики.

Были здесь двое из банды Собана. Пришли рискнуть да погулять малость.

Данилов протолкнулся к огромному столу. Вот оно, «пти шво», – механические бега.

Крупье с истасканно-наглым лицом, с пробором, делящим редкие прилизанные волосы на две части, выкрикнул:

– Ставок больше нет! – Нажал рычаг, и побежали четыре лошадки вдоль стола. Круг, еще, финиш.

– Первым пришел рысак под номером три. Получите ваш выигрыш, господин. – Крупье лопаткой подвинул грудку денег к человеку в сером костюме.

– Позвольте. – Данилов протолкнулся к столу, бросил пачку денег: – На все.

– Ваш номер, сударь? Сколько ударов будете делать?

– Двойка. Играю дважды.

– Делайте ставки, господа, банк богатый.

Посыпались на стол деньги.

– Третий.

– Третий.

– Второй.

– Двойка.

– Игра сделана, ставок больше нет.

Крупье вновь пустил лошадок.

Круг. Еще один. На последнем вырвалась вперед черная лошадка с единицей, написанной на крупье.

– Выиграло заведение. – Крупье сгрэб ставки в ящик. – Желаете еще? – Он посмотрел на Данилова, улыбаясь нагло-вежливо.

Данилов стянул с пальца перстень.

– Примете?

Из-за спины крупье возник человек, стремительно глянул на перстень, что-то шепнул крупье.

– Примем.

Крупье положил перстень рядом с пачкой денег.

А люди делали ставки, кидали деньги, дышали тяжело и азартно.

– Ваш номер, не спите, юноша! – усмехнулся крупье.

– Двойка.

– Вы фаталист. Ставок больше нет.

Лошади побежали, а серая с двойкой, так приглянувшаяся Данилову, словно услышав и поняв его, бойко взяла с места. И первой прибежала к финишу. Крупье лопаточкой подвинул Ивану перстень и кучу денег.

– Больше не будете играть?

– Нет.

– Заведение желает вам приятно провести время.

Никогда Данилов за свои восемнадцать не держал в руках столько денег.

Да что там не держал. Не видел просто. Он и вынес их в буфетную комом.

– Олешка! – воскликнула Нина. – Золотце! Как я рада.

Данилов бросил деньги на стол, начал складывать.

К Нине подошел вертлявый черный парень в коричневой пиджачной паре:

– Так как же, барышня, не желаете испытать...

Данилов взял его за лацканы:

– Жить не надоело?

– Пусти! – рванулся вертлявый, но рука, державшая его, была не по годам сильной, затрещал пиджак.

Подскочил буфетчик:

– У нас так не принято, господин. У нас тихо все должно быть.

Данилов оттолкнул вертлявого:

– Сделай так, чтобы я тебя искал.

Даваясь матерщиной, отошел вертлявый. Сел за столик к своему другу.

– Ты видишь, Туз, что он со мной делает?

– А ты к чужим марухам не лезь.

Туз ел и пил. Жадно, много, не обращая ни на кого внимания.

– Олежек, – капризно протянула Нина, – возьми ликеру и шоколад домой.

Данилов бросил деньги на стойку:

– Три бутылки бенедиктина и две коробки шоколада.

Буфетчик с поклоном начал упаковывать заказанное. Протянул сверток:

– Прошу-с. Ждем-с. Дорогой гость.

Данилов и Нина вышли в прихожую.

А вертлявый вскочил, вбежал в соседнюю комнату, пробрался к крупье.

– Кто это был, Кот? Что за фраер?

– Какой?

– А тот, что банк рванул.

– Из Питера, Сеня, налетчик. «Студент» кличка. Он на Лиговке ломбард грохнул, трех красноперых замочил.

– У-у, – с ненавистью протянул Сеня, – понаехало залетных. Московским уже авторитета нет.

В комнате у стола сидели четверо, в кожаных тужурках, в фуражках со звездами.

Собан развалился на диване. Сидел тяжелый, сытый, в расстегнутой жилетке. Большое его, гладко выбритое по-актерски лицо светилось покоем и добротой.

– Сегодня вечером приедете, – точно и резко, словно командуя перед строем, говорил Копытин. Он стоял спиной к окну, прямой и строгий, как на плацу. – Приезжаете, говорите, что из ЧК, – продолжал он, – берете драгоценности.

– Хозяев глушить? – спросил Семен.

– Нет. Только поугубить. Пусть по городу слух пойдет, что ЧК грабит.

Собан захохотал. Встал, большой, плотный, сытый:

– До ночи здесь сидеть будете, наши там смотрят на всякий случай.

Часы в кабинете Манцева пробили пять раз.

Василий Николаевич поднял голову от бумаг, покосился на телефон. Молчит. Он опять углубился в бумаги.

В дверь постучали.

– Войдите.

– Разрешите, Василий Николаевич, – вошел Козлов.

Манцев вскочил, вышел из-за стола.

– Степан Федорович, что так долго? Садитесь.

– Василий Николаевич, Мартынов велел передать, что вроде сегодня.

– Факты?

– Приходил человек из домкома насчет ремонта электричества. Проверили: домком никого не посылал и человека такого там не знают.

– Он заходил в квартиру?

– Да. Всю обошел, проверял проводку.

– Что еще?

– Несколько раз телефонировали. Хозяин трубку поднимает, а там молчат. К соседке заходили двое. Представились – из милиции.

– Зачем приходили?

– Расспрашивали, нет ли посторонних. Теперь, дворника пытали, что, мол, и как, есть ли чужие, не было ли чекистов.

– Дворник, кажется, вы?

– Так точно.

– Наверняка они придут сегодня. Действуем так. Если с ними приедет Собан, что маловероятно, то брать сразу. Если его не будет, пускайте Студента. Кстати, передайте Мартынову, что Данилов вел себя очень точно и правильно. Так сообщили наши люди из игорного дома. Поезжайте, Степан Федорович, начинайте операцию.

Козлов вышел.

Манцев поднял трубку:

– Барышня, центр, 5–36... Александр Петрович?.. Это Василий Николаевич... Да... Товар вечером прибывает.

Бахтин, постукивая тростью, шел по темной Маросейке. Его догнал извозчик:

– Ваше сиятельство, гражданин, товарищ...

Бахтин повернулся, разглядывая скучное бородатое лицо. Потом сел в санки.

– Сверни-ка, братец, в Колпачный.

– А нам, барин, что день, что вечер, зипун не греет.

У двух тускло светящихся окон в первом этаже Бахтин толкнул тростью извозчика в спину.

– Тпру-у.

– Жди.

Бахтин открыл дверь, на которой полукругом белела надпись: «Продажа случайных вещей».

Звякнул над дверью колокольчик.

Бахтин огляделся, маленькое помещение магазина было пустым. Под стеклом на прилавке лежала всякая чепуха: шпоры, снаряжение офицерское, фотоаппарат, кожаные и деревянные портсигары, тарелки.

Бахтин постучал тростью по колокольчику.

– Иду, иду, – послышался из глубины старческий голос. Внутренняя дверь раскрылась, и появился старичок, невидный, сгорбленный. – Чего изволите... – начал он и узнал Бахтина.

– Господи, счастье-то какое, Александр Петрович! – Глазки старика засветились ласковостью, лицо разгладилось. – Господи, сподобился перед смертью увидеть.

– Тебе, Фролов, на небе жизнь длинную отмерили. Так что не скромничай.

– Забыли, совсем забыли старика, господин надворный советник.

– А ты, Фролов, душой извелся, видать. Где говорить будем? Здесь или в комнатах?

– В комнатах, в комнатах. Сейчас, только лавку запру.

Он вскользь поглядел на Бахтина, настороженно и быстро.

Они прошли в квартиру, соединенную с лавкой маленькой дверью.

Гостиная была похожа на жилье мелкого чиновника. Бархатная скатерть с кистями на круглом столе. Громадный, как замок, буфет, лампа под зеленым абажуром на цепях под потолком, диван с зеркальцем, плюшевое кресло в чехле.

– А у тебя, Фролов, все по-старому... Впрочем...

Бахтин подошел к дивану. Над ним висел картонный плакат с плохо выполненными фотографиями и надписью: «Вожди революции».

– Вместо государя императора повесил?

– Именно, именно. Каждая власть от бога. – Фролов назидательно поднял палец.

Бахтин сбросил шубу на диван, сел за стол.

– Дело у меня к тебе, Фролов.

– Значит, вы, Александр Петрович, снова вроде как по сыскной части?

– Снова.

– Ай-яй-яй. Потомственный дворянин, надворный советник, орден кавалер императорских...

– А ты, братец, никак, монархист?

– Спаси бог, спаси бог. – Фролов перекрестился. – Только как же так? До нас слухи доходили, будто в семнадцатом вас товарищи шлепнули. А вы опять, значит? – Голос старичка стал жестким.

– Значит, опять, Фролов.

– А мы-то обрадовались...

– Рано.

– Значит, опять по сыскной части. А не боитесь, Александр Петрович? Время-то не прежнее. Лихое время, разбойное. Власть слабая. Слышали, наместники шестнадцать постовых замочили. Значит, не боитесь?

– А когда я вас, хиву уголовную, боялся. Вспомни, Каин? Когда?

– Лихой вы человек, Александр Петрович.

– Ладно, – твердо сказал Бахтин, – любезностями мы обменялись.

Он достал из кармана футляр, положил его на стол, раскрыл. Брызнул в тусклом свете лампы зеленый огонь камней. Лежало в футляре изумрудное ожерелье редкой красоты.

– Продать желаете? – Фролов от волнения даже с голосом совладать не смог.

– Знаешь, чье?

– Как же, господина Васильева вещь, Григория Нилыча. Обыкновенного профессора Катковского лица. Великой цены ожерелье.

Фролов смотрел на камни жадно, как голодный на пищу. Он ласкал их глазами, ощупывал.

Бахтин захлопнул крышку коробки, на которой причудливо извивались буквы из накладного золота – Г и В. И исчезло сияние, словно комната стала мрачной и тусклой.

– Слушай меня внимательно, Каин. Завтра, а может и сегодня, тебя найдет Собан. Он спросит, не приносил ли тебе кто драгоценностей Васильева. Ты скажешь ему, что приходил залетный из Питера, Студент, и продал это ожерелье.

Бахтин вновь открыл коробку, вынул ожерелье. Завернул в платок, сунул в карман.

– Ему коробку покажешь, а ожерелье, мол, продал сразу.

– Все? – твердо спросил Фролов.

– Нет. Он спросит, где найти Студента. Скажешь, что он со своей марухой пасет кого-то в кафе «Бом» на Тверской. Теперь все.

– Нет, Александр Петрович, ныне красный сыщик. Не сладимся мы. Собан из меня знает что сделает?

– Дурак ты, Фролов, – Бахтин достал папиросу, – тебе не Собана, тебе меня бояться надо. Ты кому в одиннадцатом Сафонова Николая Михайловича, он же Собан, сдал? А Комелькова? А Гришку Адвоката? Так они нынче все на свободе. Я им шепну, а ты знаешь, они мне поверят, ножичками тебя на ремешки нарежут.

– У-у-у, гад! Ни пуля тебя, ни нож не берут! – завыл, забился головой об стол Каин.

– Кончай истерику. Понял?

– Все понял, – поднял голову от стола услужливый старичок, – все понял. Только вы меня...

– Ты мое слово знаешь.

– Знаю. Печать слово. Да и пригожусь я вам по этому времени смутному.

– Пригодишься. Но об этом другой разговор.

Бахтин встал.

Как гора поднялся на Сретенском бульваре дом страхового общества «Россия».

Запирала въезд во двор чугунная ограда. Ночь надвигалась, и гасли в доме окна, одно за другим.

Мартынов, прижавшись лбом к стеклу, смотрел на бульвар. Шло время, били часы. Никого.

Вот уже полночь куранты пробили. Потом отбили половину.

Прошел по бульвару поздний трамвай, поискрил дугой. И опять пусто. Даже прохожих нет.

Машина появилась внезапно, словно стояла долго где-то рядом. Подъехала, стала у ворот. Мартынов вздохнул с облегчением, повернулся к сидящим чекистам:

– Начали.

Из машины вышли четверо. В кожанках, фуражках со звездами. Маузеры через плечо. Болтаются у ног деревянные кобуры.

Постояли во дворе. Поговорили о чем-то. Потом к подъезду.

Вошли. Семен сегодня за старшего был.

– Значитца, так, поднимаемся. То да се, из Чеки мы, вот бумага, давай ценности. Он, конечно, упрется, вот тогда, Туз, ты его и погладишь.

– Ясно. Пошли, – глухо, как в бочку, сказал Туз, вытащил из кармана сухарь и начал жевать.

Они подошли к лестнице...

Вниз спускались Данилов с Ниной. Он одной рукой поддерживал девушку под локоть, в другой нес желтый саквояж.

Прошли мимо четверки в кожаном. Хлопнула дверь подъезда.

– У-у, фраерюга, – скрипнул зубами Семен.

На третьем этаже дверь нужной им квартиры полуоткрыта. Бандиты остановились. Достали оружие. Семен толкнул дверь.

В прихожей беспорядок, раскиданы пальто, обувь, книги.

– Эй! – позвал Семен. – Кто тут есть?

– О-о-о! – простонал кто-то в глубине квартиры.

Семен бросился к дверям гостиной.

Здесь тоже все было перевернуто. На полу лежал связанный Васильев.

– В чем дело, папаша? – Семен вынул мандат. – Из Чеки мы.

– Помогите... только что... Ограбили... Все забрали...

– Кто?

– Молодой мужчина и женщина.

– Мы их на лестнице встретили, – не прекращая жевать, сказал Туз.

– Ушли. Теперь ищи. Ты, папаша, нам, чекистам, всю правду говори, что забрали и кто они?

– Вон на столе опись и футляры. Они драгоценности из футляров вынули.

– Как звали их?

– Она его Студентом называла и Олежкой.

Семен взял опись и пару футляров, сунул в карман:

– Ты, папаша, не сомневайся, найдем.

Мартынов наблюдал, как от дома отъехало авто.

В комнату вошел Козлов.

– Все в порядке, товарищ Мартынов. Григорий Нилыч жив и здоров, только возмущается, почему мы их не переловили.

– Порядок. Ну что, Александр Петрович, выйдет Собан на Данилова?

– Бесспорно. Он пошлет своих людей к Каину, сам не пойдет, не тот человек. Они привезут Фролова к Собану, а тот укажет им кафе «Бом».

– И Собан придет к Данилову?

– Он пойдет давить блатным авторитетом. Таков их закон. А Собан живет в законе всю жизнь. Он по их табели о рангах генерал, а Студент – человек, чина не имеющий. Будем ждать.

В гостинице «Лиссабон» в пыльном номере Собан сидел на кровати и слушал Семена.

– Так, значит. – Он взял в руки пустой футляр с золотой монограммой ГВ на крышке. Посмотрел внимательно на переплетение золотых букв. Бросил футляр на пол и начал топтать ногами.

– Тихо, успокойся! – крикнул Копытин. – Семен, повтори.

Семен, сидящий на краешке стула, хлюпнул носом:

– Приехали мы, а он спускается...

– Кто?

– Тот фрей, что в «пти шво» играл. Идет с уголком желтым и марухой своей.

– Дальше.

– Мы в квартиру. Там все перевернуто, хозяин связан. Говорит, мол, были двое – Студент и девка, все взяли, как есть.

– И ты поверил?

– Я... Нет, я еще раз весь дом обшмонал, чисто.

– Кто этот Студент? – Собан налил из бутылки водки в стакан. – Кто?

– Крупье сказал, что налетчик питерский, ломбард на Лиговке взял.

– Слышал, кое-что доносилось и до нас.

– Семен, его надо искать.

– Коля, – Копытин дернул щекой, – в ЧК пойдешь, так, мол, и так, помогите найти.

– Ты, Виктор, конечно, человек умный, офицер. Но люди в законе живут иначе. Мы найдем его. Понял, Семен?

– А то! Позволь водочки, Собан, замерз нынче.

– Пей. И всех ребят по малинам и мельницам, пусть ищут. Я тоже кое-куда съезжу.

– Ты, Семен, принес, что я просил? – спросил Копытин.

– А то! Витя, все готово.

Он протянул Копытину два паспорта с эмблемой Международного Красного Креста.

Копытин раскрыл, посмотрел:

– Ловко сработано.

– Это тебе не у Деникина, – заржал Собан, – у нас фирма.

Фролов спал чутко. Сторожей у него не было. Он сам да авторитет в жиганском мире охраняли его добро. Поэтому, когда в окно заскребли, проснулся сразу. Прямо на белье накинул пальто, сунул в карман наган. К окну подошел, всмотрелся в темноту. В черном проеме забелело лицо. Появилось и исчезло.

– Ты, Колька? – сказал Фролов тихо и пошел отпирать черный ход.

Собан сидел в комнате за столом, не снимая шубы.

– Сдохнешь ты скоро, Каин, куда деньги денешь? Живешь, как червь. Тьфу!

– Ты не плюйся, чего спать-то не даешь. Это, Коленька, голубчик, у тебя денежки, а у меня так, на хлебушек.

– «На хлебушек», – передразнил Собан, – сколько ты через меня поимел?

– То все прахом ушло. Война да революция.

– Тоже мне Рябушинский, заводы отобрали.

– Ты чего, Колечка, пришел, старика ночью пугаешь?

– Что тебе, старое падло, недавно приносили?

– Да кто принесет, кто, Коленька?

– Темнишь, старый гад.

Собан вскочил, надвинулся угрожающе:

– Ты фуфель не гони, знаешь Студента? Говори, падло старое, иначе...

Лицо Собана пятнами пошло, заиграли на скулах желваки.

И вдруг распрявился старичок. Ласковость с лица как смыло. Глаза жесткими стали, страшными. Зверь стоял перед Собаном, хоть и старый, но зверь, по-прежнему опасный и сильный.

– Ты на кого прешь? Да когда ты еще по карманам щипал, я уже шнифером был. Забыл, кто тебя в дело взял? Я за себя еще ответить могу на любом толковище, да и есть кому за меня мазу держать.

Отодвинулся Собан, сник:

– Да разве я...

– А если так, так какое у тебя ко мне слово?

– Студента знаешь? Питерского.

Фролов пожевал губами:

– Мои дела ты знаешь, Собан, я на доверии живу. Вещь могу тебе одну продать.

– Сколько?

– Больших денег стоит.

Собан бросил на стол пачку денег.

– Мало.

– На, гад старый, подавись. – Собан вывернул из кармана кучу кредиток.

Фролов аккуратно собрал их. Сложил в одну пачку. Потом встал, открыл буфет, положил перед Собаном футляр. Две золотые буквы – Г и В – переплелись на крышке.

Собан раскрыл футляр.

– Ожерелье ушло в тот же день. Но футлярчик можешь хозяину отдать.

– Где?

– В кафе «Бом» на Тверской, он там по моей наколке человека пасет.

Странное это было кафе – «Бом». Воздух в нем слоистый от табачного дыма, стены давно свой цвет потеряли, размазаны, расписаны, заклеены обрывками афиш.

Народу в нем всегда полно. Актеры, журналисты, писатели, поэты, сторонники различных фракций и так, праздные, бездельные люди.

Приходят сюда поговорить, узнать новости, посплетничать или просто побывать на людях.

Поэты сюда приходят вечером, тогда чтение стихов, споры, гвалт.

А сейчас на пустой эстраде гармонист в узорной борчатке играет старые вальсы и романсы. Хорошо играет. Голос гармошки, резковато-нежный, щемящий, заполняет зал воспоминаниями о прошлом: о покое, стабильности, сытости, счастье.

Копытин и Семен сидели в самом углу. Пили желудевый кофе с сахарином. Больше здесь ничего не подавали.

– Вот он, – сказал Семен и приподнялся.

– Сиди, – Копытин дернул его за пальто.

В кафе вошли Данилов и Нина. Выбрали свободный столик, сели. Официант, не спрашивая, грохнул на стол две чашки с кофе.

Данилов попробовал, поморщился, выплеснул обе чашки на пол. Достал из кармана пальто бутылку бенедиктина, налил сначала Нине, потом себе.

Нина внимательно оглядывала зал. Увидела в углу у эстрады лохматого, длинноволосого человека, пошла к нему.

Данилов мелкими глотками пил ликер.

Копытин встал с чашкой в руке, пересек зал, сел на свободный стул.

Нравы здесь были простые. Взял бутылку ликера, налил.

Данилов прищурившись глядел на него.

– Вы художник? – спросил Копытин.

- В некотором роде. А вы?
- Я поэт.
- Соблаговолите назваться, возможно, я читал ваши стихи.
- Гумилев. – Копытин дернул щекой.

На таинственном озере Чад,
Посреди вековых баобабов,
Вырезные фелуки спешат
На заре величавых арабов, –

начал читать Данилов. –

По тенистым его берегам
И в горах, у зеленых подножий,
Поклоняются древним богам
Девы-жрицы с эбеновой кожей, –

продолжил Копытин.

– Bravo, господин Гумилев, вы помните свои стихи. – Данилов прихлебнул глоток.

Подошла Нина:

- Пошли, Олег, все в порядке.
 - Желаю вам успехов в поэзии. – Данилов встал, поклонился и пошел к выходу.
- Копытин, прищурившись, с ненавистью смотрел им вслед.

– Попался бы ты мне под Тихорецкой, сопляк, – прошептал он и дернул щекой.

Данилова и Нину догнал извозчик:

- Прошу, барин!
- Поехали? – спросила Нина.
- Нет. За нами вертлявый идет.

Они шли по улице. На Триумфальной площади сели в трамвай. Потом пересели в другой. Семен неотступно сопровождал их.

На Сокольническом кругу вышли из трамвая, пошли к дачам. Семен, прячась за деревьями, сопровождал.

Данилов с Ниной по узкой тропинке прошли к даче, открыли и заперли за собой калитку, поднялись на крыльцо. Семен стоял до тех пор, пока на втором этаже не загорелись окна.

Копытин и Ольга Григорьевна стояли в прихожей огромной барской квартиры на Остоженке.

- Милая Олечка, вот ваши паспорта, – Копытин протянул ей документы.
- Вы наш добрый гений, Виктор. Как, как я отплачу вам?
- Завтра после восьми я заеду за вами на авто.
- Вы гений, добрый ангел, как я отплачу...
- Потом, милая Олечка.
- Нет, сейчас, сразу. Слышите, Виктор. Муж придет позднее.

Она прижалась к Копытину. Он дернул щекой, схватил женщину за плечи, привлек к себе.

Конечно, Собан был битый, да он, Мартынов, тоже непрост. Засаду на даче в Сокольниках готовил с толком, хитро.

Подойди к даче, посмотри. Никаких следов как не было. А люди в доме, да обратная дорога перекрыта ребятами из особого отряда МЧК.

Приезжай, Собан, ждем. Мы тоже за эти месяцы кое-чему научились.

В общем-то Мартынов не очень верил, что Собан сам сюда пожалует. Конечно, Бахтин специалист, слов нет, но как-то не вязалась в представлении Мартынова жизненная логика с воровским законом.

Конечно, может быть, он чего-то не понимает еще. Но тем не менее засаду он организовал по всем правилам.

Данилов и Нина оказались молодцами. Провели свою часть операции блестяще. Теперь оставалось самое трудное, встреча с Собаном, если она состоится, конечно. Мартынов решил дать бандитам войти на дачу, подняться в комнату.

Там двое, Данилов и Нина. Иван за столом, девушка на диване.

В столешнице Мартынов сам выдолбил углубление и положил наган. От дверей его не видно, и руки у Данилова не заняты. Чуть что, опустил ладонь – и вот оно, оружие.

Над Сокольниками плыла размагничивающая тишина. Февраль уходил. День становился длиннее, и цвета у него появлялись по-весеннему яркие.

Снег стал синеватый, и казалось, березы отражаются в сугробах.

Весь день прошел в ожидании.

Много лет уже у Мартынова не было такого спокойного дня. Они переговорили, казалось, уже обо всем, помечтали о будущем.

– Федор Яковлевич, поймаем мы Собана, а дальше? – спросил Данилов.

– Дальше, Ваня, Гришку Адвоката возьмем.

– Ну а потом? – настаивал Данилов.

– Потом... Потом хорошая жизнь будет, Ваня, и начнешь ты учить восточные языки.

– А вы?

– Я хочу речным капитаном стать. Я раз на пароходе по Свири плыл. Ох и красота!

– Как сумерки красиво в лесу опускаются. Смотрите, сугробы совсем синие стали. – Нина подошла к окну. – Идут!

– Все по местам! – скомандовал Мартынов. – Сигнал – слова «пошел вон».

Авто подкатило к даче. Собан вышел, огляделся.

– Одинокó живут, – он кивнул на узкую, полужасыпанную тропку, ведущую от калитки к крыльцу.

– Пошли.

Впереди зашагал Туз. Он толкнул калитку, и запор вылетел. Дверь на веранду поддалась сразу. А вот с входной пришлось повозиться. Но Туз вытащил из-под пальто фомку – замок тихо хрустнул.

Сверху, со второго этажа, донеслись звуки гитары и приглушенный женский голос.

Собан вошел в комнату румяный с мороза, улыбочивый.

Был он похож на благородного отца из провинции. Туз и Семен следом вошли, стали у дверей.

Данилов поставил рюмку на стол, Нина опустила гитару.

– Почтение, Студент, и вам, барышня, не бойтесь, мы не из ЧК.

– А я и не боюсь, – холодно сказал Данилов и потянулся к бутылке, – садитесь.

– Сяду, сяду. Почему не сесть, когда добром зовут.

Собан скинул шубу на руки Семену. Подошел к столу, грузно сел.

– Ты меня знаешь, Студент?

– Не имею удовольствия.

– Я Собан.

– Мне это ничего не говорит.

– Фраер ты, вход в закон рупь, а выход тыща. Поживешь в законе, узнаешь, как со мной говорить.

– Что вам угодно?

Собан взял рюмку, покрутил, понюхал.

– Все, что на Сретенском бульваре взял, отдашь. Тогда жив будешь и маруху твою не тронем.

– А из белья вам ничего не надо? Пошел вон!

В комнату ворвались чекисты.

– Руки! – крикнул Мартынов.

Семен и Туз подняли руки.

Собан выронил рюмку, сунул руку под пиджак, выдернул гранату «милсь». Он не успел дернуть кольцо. Данилов дважды выстрелил в него. Покатилась по полу граната, упал со стула Собан.

Мартынов наклонился, перевернул его:

– Готов.

– Так он же, товарищ Мартынов...

– Действовали правильно, Данилов...

Мартынов повернулся к задержанным. Посмотрел на жующую рожу Туза, бессмысленную и тупую. Увидел бегающие глаза Семена.

– Где Витька Залетный?

– Гад буду, начальник, век свободы не видать... Через полчаса на Мясницкой валютную контору брать будет.

– Данилов, Козлов, в машину! Остальные доставят арестованных.

Операцию по захвату валютной конторы на Мясницкой Копытин готовил сам. Он шагами измерил расстояние от Банковского переулка до конторы, рассчитал время. Трижды заходил в помещение, изучал расположение касс и посты охраны.

Он не очень верил, что Собану удастся отобрать у Студента ценности Васильева. После встречи в кафе «Бом» он понял, что этот мальчонка с холодными глазами совсем не фряерок, как говорил о нем Собан.

В поступках и действиях Студента чувствовалась уверенность и сила, а значит, это не просто одинокий, как волк, налетчик, а человек, за которым кто-то стоит. Возможно, эти кто-то и встретятся с Собаном на даче в Сокольниках.

О своих предположениях Копытин Собану не говорил. Пусть едет. А если его там шлепнут, то и слава богу. Надоел Виктору этот истерик со своим гипертрофированным самоуважением.

Да и пора было кончать с игрушками в казаки-разбойники. Бандиты бандитами, а ротмистр Алмазов-Рюмин шутить не будет. Господа офицеры поопаснее Собана с его уголовниками.

Пора, пора прощаться с Москвой.

Сегодня он берет контору, а потом милая Олечка с дураком мужем. Там ценностей!..

В его распоряжении было три машины.

На пустыре, в Марьиной Роще, Копытин проверил у людей оружие, проинструктировал. Конечно, если бы вместо этой уголовной сволочи были офицеры, он бы считал план реализованным. Но ничего, попробуем.

Три машины с пустыря разъехались в разные стороны, чтобы через полчаса встретиться в Банковском переулке.

Копытин посмотрел на часы. Пять. Пора, в это время все сейфы открыты, начинается подсчет валюты.

– Начали, – скомандовал он. – Быстро к дверям. Глушите милицию и – в помещение. Берете все, что в кассах под номерами один и три. Я прикрываю.

Машины рванули с места. Копытин закрыл глаза и перекрестился.

Когда машины подъехали к конторе и бандиты подбежали к дверям, их встретили выстрелами из нагана.

А со стороны Лубянки и Прудов – грузовики с красноармейцами. Из кабины одной из машин ударил пулемет, лес штыков окружил бандитов.

– Ходу! – крикнул Копытин.

Машина сорвалась с места, запетляла по переулкам и остановилась только в Лялином.

– Что будем делать? – спросил шофер.

– Вон трактир, видишь? – кивнул Копытин. – Перекусим и на новое дело пойдем.

– Фартовый ты парень, Витя, – с тобой хоть на рога, – засмеялся бандит, сидевший сзади.

Копытин закурил. Затянулся жадно. У него остался последний шанс.

Ольга Григорьевна, не снимая шубы, сидела у окна.

Она и мужа заставила одеться. На столе лежал чемодан темной кожи. В нем все достояние Петра Львовича.

А он потел от волнения, да и в шубе жарко, пенсне протирал.

– Ты, Олечка, с ума сошла с этим Виктором.

– Ты просто ревнуешь.

– К нищей пехтуре?

– Он мужчина, а это за деньги не купишь.

– Ты становишься вульгарной, – вздохнул Петр Львович.

– Ах, оставьте ваши нравоучения хотя бы в такой день. Я... Авто... Авто... Это Виктор. – Ольга Григорьевна побежала к двери.

– Здравствуйте, Петр Львович. – Копытин вошел в комнату и стал у двери, щелкнув каблуками.

– Виктор Алексеевич, – прочувствованно сказал Петр Львович, – вот в этом чемодане все. Этого хватит на две жизни в Париже. Помните...

Копытин не дал ему договорить, рванул чемодан.

Ольга увидела его лицо и начала пятиться к дверям в комнату.

– Виктор, – прошептал Петр Львович, – Виктор...

Копытин достал маузер и выстрелил.

С визгом Ольга бросилась в комнату. Ударила руками по оконному стеклу. На улицу посыпались осколки прямо под ноги шедшему мимо патрулю.

– Помогите! – разорвал женский крик морозную тишину.

Копытин дважды выстрелил, и Ольга упала у окна.

Матросы бежали к подъезду.

– Жми! – крикнул бандит шоферу и выстрелил по патрулю.

Словно полотно разорвал воздух залп. И машина, не успев развернуться, стала. Один матрос – к машине. Трое – в парадное.

Копытин поднял чемодан, пошел к черному ходу. Толкнул. Заколочен. А во входную дверь били приклады.

Он вытащил гранату, выдернул кольцо, подтолкнул ее к двери и спрятался за угол. Взрыв вынес дверь.

Пройдя сквозь дымящуюся прихожую, Копытин вышел на черный ход.

Он быстро шел вдоль стены Зачатьевского монастыря, сворачивал в переулки, пока не попал к храму Христа Спасителя.

Мимо шел трамвай. Копытин на ходу прыгнул на подножку.

Елена Климова читала на диване в комнате брата. Прошли дни после визита Манцева. Февраль уже на исходе. Никто ее, слава богу, не беспокоил. И она начала жить, как прежде.

В дверь позвонили. Елена вышла в прихожую.

– Кто там?

– Леночка, – за дверью тихий мужской голос, – Виктор Копытин. Откройте, за мной гонятся.

Елена открыла дверь.

– Вы одна?

– Конечно.

– Укроете на пару дней?

– Да. Я сейчас поставлю чай.

– Спасибо, Лена. – Копытин обессиленно опустил на стул в прихожей.

Елена вошла на кухню и задернула занавески. Человек, сидящий у окна в доме напротив, встал, подошел к телефону, висящему на стене.

Ночью Копытин проснулся. Полежал недолго, прислушался к тишине. Встал, вышел в коридор. Толкнул дверь в комнату Алексея, где спала Елена. Заперто. Усмехнулся, дернув щекой.

Пошел обратно, запер дверь, засветил свечу, раскрыл чемодан. На мгновение Копытин даже закрыл глаза – в чемодане лежали бриллианты, золото, толстые пачки денег.

Он вскочил, сжал кулаки и, дергая щекой, начал тихо приплясывать. Потом успокоился, закрыл чемодан, дунул на свечу, лег и уснул крепко.

Его разбудили звонки и стук. Он вскочил, схватил маузер, бросился к двери.

В прихожую вышла Елена.

– Кто это? – шепотом спросил Копытин.

Она с недоумением пожала плечами и спросила:

– Кто?

– Барышня, Елена Федоровна, это я, дворник, дрова привезли.

– Ой, какое счастье! – всплеснула руками Елена. – Сейчас.

Она махнула Копытину рукой: мол, спрячьтесь.

Копытин ушел в комнату, запер дверь, начал быстро одеваться. За дверью гудел бас дворника и слышался голос Елены. Дверь захлопнулась. Копытин выглянул в коридор.

– Сейчас дрова принесут, а потом мы чай пить будем, – лучезарно улыбнулась Елена. – Вы посидите пока у себя.

Копытин закрыл дверь и прильнул глазом к замочной скважине.

Сначала пришел дворник с огромной охапкой дров. Потом второй, в рваном армяке. Потом армяк заслонил скважину, и Копытин слышал только стук дров и голоса мужиков.

Потом Елена благодарила и расплачивалась. Мужики ушли. И снова тишина. И голос Елены:

– Виктор, чай.

Копытин бросил на кровать маузер, сунул наган в карман брюк, вышел в коридор.

У стены аккуратно сложены дрова, немного сора на полу. Он шагнул в коридор... С двух сторон ему заломили руки Данилов и Мартынов.

Вспыхнул свет. В коридор из комнаты вышел Манцев.

– Поручик Копытин?

Копытин скрипнул зубами, дернул щекой.

– Я заместитель председателя МЧК Манцев. Вы арестованы.

Москва. Март 1919 года

Копытина вели по длинному коридору мимо белых двустворчатых дверей, мимо бронзовых, потемневших ручек, мимо бачка с водой на табуретке, так не вяжущегося с этими дверями и ручками.

Копытин смотрел на все жадно, впитывая в себя эти в общем-то обыденные вещи. И они казались ему необыкновенно прекрасными, потому что видел он все это в последний раз.

Он сидел в кабинете Манцева и смотрел на половинку медали, лежащую на столе. Ему очень хотелось казаться равнодушно-ироничным и спокойным. Но он не мог.

Странное чувство прощания жило в его душе, и оно было сильнее разума и воли.

– Гражданин комиссар, – хрипло сказал он, – я хочу жить.

Манцев долго смотрел на него. Через его кабинет проходили разные люди: холодные, убежденные в своей правоте, заговорщики, истеричные бандиты, говорливые эсеры, путающие допрос с политической дискуссией. Но такого он видел впервые. Человека не было, остался один облик.

– Я не властен решать жизнь и смерть, – сказал Манцев, – для этого есть трибунал. На ваших руках слишком много крови. Но тем не менее полное признание дает вам шанс на снисхождение.

– В чем я должен признаться?

– Банда Собана нас уже не интересуется. – Манцев взял в руки половинку медали: – Вот что мне интересно.

Копытин молчал. Нет, внутри его не было жалости к тем, из подполья, он думал о слове «шанс». Мысленно прикидывал, как подороже продать то, что он знает.

– Я знаю пароль, явку, людей. Я могу помочь. Дайте мне карандаш и бумагу, я напишу.

Манцев молча протянул ему стопку бумаги и ручку.

У электромастерских на Пресне, прямо у проходной, наклеена газета.

Стоят рабочие, читают. Жирными буквами на полосе: «МЧК сообщает о ликвидации особо опасной банды Собана...»

А над городом солнце. Яркое, мартовское. Солнце второй весны революции.

Комендантский час 1941

Глава 1 Минск. 6 июля, утро

«Солдаты! Перед вами Москва. За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошли по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва – это конец войне. Москва – это отдых. Вперед!»

Приказ Гитлера от 6 июля 1941 года

Совещание окончилось. Генералы, штабные и командиры частей группы армий «Центр», выйдя из зала, торопливо начали доставать сигареты. Они были похожи на кадетов, дорвавшихся до долгожданной курилки. Конечно, командующий генерал-фельдмаршал фон Бок официально не запрещал курить, но все знали, что он не переносит табачного дыма.

Только один человек мог позволить себе не считаться с привычками фельдмаршала – группенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Залевски – личный представитель рейхсфюрера СС при штабе группы армий «Центр».

Никто из штабных, даже приближенных к фельдмаршалу, не знал, чем занимается этот страшновато-вежливый эсэсовский генерал. Знали только, что у него свой штаб и двухметровые мордатые телохранители.

Из зала совещания группенфюрер вышел последним.

«Как они мне все надоели! – подумал он, глядя на суетившихся в вестибюле генералов. – Какая ограниченность, полное непонимание ситуации! Сейчас они делят победы. Хотят урвать кусок послаще. Неужели они не могут понять, что их «победы» были предрешены задолго до того, как они перешли границу? Они не любят меня так же, как и всю службу безопасности. Службу Гимmlера они боятся, а меня считают просто выскочкой. Что делать – каждому свое. Все-таки я сделал правильно, что ушел из армии в охранные отряды. Иначе дослужился бы сейчас в лучшем случае до заместителя командира полка».

– Курт, – повернулся группенфюрер к адъютанту.

– Слушаю, экселенц.

– Что было в этом доме раньше?

– Совет народных комиссаров Белоруссии, экселенц.

– Занятно строят эти русские, какая-то смесь казармы и замка. Кстати, Курт, узнайте фамилии и звания летчиков, первыми идущих на Москву.

– Слушаюсь! – Штурмфюрер стремительно повернулся.

– Да постойте вы! Командира эскадрильи и командиров экипажей сегодня же ко мне.

– Слушаюсь, экселенц!

Группенфюрер не выспался. Вчера ночью к нему прибыл обоуполномоченный рейхсфюрера штандартенфюрер Гунд, он привез важные инструкции, в которых оговаривались обязанности полевого реферата СД, который возглавлял Бах-Залевски.

Задание было трудным, группенфюрер гордился, что именно ему поручено дело, которое, безусловно, войдет в историю войны.

У входа его ждала машина. Приземистый бронированный «майбах». Вокруг стояла охрана.

Рядом с тяжелым «майбахом» приткнулся элегантный серебристый «хорьх». От машины навстречу группенфюреру, улыбаясь, шел офицер с нашивками штурмбаннфюрера. Черный мундир сидел на нем словно фрак на дирижере. Он был чрезвычайно элегантен.

– Франц, – группенфюрер улыбнулся, – дорогой Франц, как вы мне нужны!

– Я это почувствовал, шеф. Вернувшись, узнал, что вы на совещании, и приехал сразу сюда.

– Чертовски приятно иметь такого заместителя.

Группенфюрер говорил вполне искренне. Действительно, приятно иметь заместителем доктора права, профессора искусствоведения. Но, кроме этого, штурмбаннфюрер Франц Альфред Зикс был неоценимым знатоком агентурной работы. Феноменальная память позволяла ему держать в голове сотни кличек, псевдонимов, явок.

«Мне не нужна картотека, – часто шутил группенфюрер, – пока вы со мной. Вас, Франц, нужно беречь, как самый дорогой секретный сейф».

Бронированный «майбах» лавировал между разбитыми зданиями. Кое-где по самой земле стлался едкий, зловонный дым. Город еще горел.

Группенфюрер, презрительно прищутив глаза, смотрел в окно. Улицы были пустынные, завалены обломками кирпича.

Самые неожиданные вещи валялись на мостовой: перевернутые ручные тележки, разбитые чемоданы, детская кукла, сплюснутый трехколесный велосипед.

Бах-Залевски достал сигарету, адъютант услужливо щелкнул зажигалкой.

– Унылый город, Франц. Унылый. Разве его можно сравнить с Парижем? Помните Монмартр, прекрасные кафе? А женщины! И небо над городом, лиловое небо над черными, словно грифельными, крышами.

– Париж? Но я был в Минске в 1939 году. Конечно, он не похож на Париж, но... Что касается женщин...

– Нет, вы меня не убедите, Франц. Кстати, кажется, тогда же вы были в Москве?

– У вас прекрасная память. Был. Как говорят русские, «стоял постоем» в гостинице «Националь».

– Что ж, вам повезло. Скоро вы будете рассказывать знакомым о том, что когда-то был такой город.

– Я не понимаю вас.

– Приедем – поймете.

На самой окраине города, у здания, построенного в стиле охотничьего домика, машина остановилась.

Группенфюрер и Зикс вошли в дом. В кабинете Бах-Залевски расстегнул китель, подошел к сейфу, набрал цифровой код.

– Вчера мне привезли из Берлина план операции «Тайфун». Провести ее поручено вам. Идите сюда, Франц.

Они удобно расположились в креслах у стола. Группенфюрер закурил.

– Вы удивились, Франц, когда я сказал о столице большевиков. С сегодняшнего дня группа армий «Центр» начинает наступление на Москву. Москва – конец войны. Как только столица большевиков падет, их многонациональное государство рассыплется как карточный домик. На Москву наступают семьдесят пять дивизий, из них четырнадцать танковых и восемь моторизованных. С воздуха их будут прикрывать легионы «Кондор», «Вевер», 28-я и 55-я эскадрильи. Тысяча самолетов. Тысяча, Франц! Такого ударного кулака не знала ни одна война. Дни большевиков сочтены. Но это дело армии. Кстати, знайте, что ни один солдат вермахта в Москву не войдет.

– То есть, – Зикс снял очки, – как так?

– Туда войдут части СС. В течение недели мы должны будем вывезти из Москвы все архивы и ценности, к чертовой матери выгнать население, арестовать и расстрелять энкавэdistов, партийных функционеров, интеллигентов. А потом взорвать шлюзы и затопить Москву. Такого города больше не будет. Будет озеро, где мы будем кататься на яхте. Но для этого нужно провести колоссальную работу. Читайте документы.

Через два часа штурмбаннфюрер фон Зикс вызвал к себе подполковника фон Мантейфеля. Подполковник был уже стар, когда-то, еще при кайзере, он руководил немецкой разведкой в России. Потом о нем вспомнило ведомство Гиммлера. Фон Мантейфель спас от превратностей немецкой революции архивы своего отдела. Конечно, многих разыскать не удалось, но и среди этого старья нашлись стоящие люди. Как только началась война, Мантейфелю присвоили звание подполковника, и теперь он работал в группе Зикса.

– Пора активизировать ваших людей, господин фон Мантейфель.

Зикс встал, прошелся по кабинету.

– Пора! Наша задача – внести дезорганизацию в тыловую Москву. Паника, грабежи, слухи, сплетни, анекдоты, срыв эвакуации заводов, хищения ценностей культуры. Это не столько военный, сколько психологический эффект.

– Я понял вас. У меня есть подходящий человек. Он надежно законспирирован, имеет обширные связи среди уголовников.

– Ну что ж, пожалуй, подойдет. Тем более что уголовниками занимается милиция. А милиция, полиция – все одно и то же.

– Если считать этот разговор приказом, то я немедленно посылаю к нему связного.

– Кого?

– Унтерштурмфюрера Алекса Прилуцкого.

– Пригласите его ко мне.

Утром на стол группенфюрера лег рапорт:

*«ГРУППЕНФЮРЕРУ СС
И ГЕНЕРАЛУ ПОЛИЦИИ
ЭРИХУ ФОН ДЕМ БАХ-ЗАЛЕВСКИ*

Штурмбаннфюрер Зикс почтительно докладывает.

Вчера в 23.00, во исполнение операции «Тайфун», в Москву на связь с агентом Отцом отбыл унтерштурмфюрер Алекс Прилуцкий. Прилуцкий снабжен деньгами и получил необходимые инструкции.

Штурмбаннфюрер СС и доктор фон Зикс».

Глава 2

Москва. Июль

Начальник МУРа смотрел в окно. На противоположной стороне улицы у киоска с газированной водой стояла очередь. Начальник на секунду представил, как пенная струя бьет в стакан, как пузырится в нем жгучая от газа вода. Голова продолжала болеть. Повышенное давление напоминало о себе болью в затылке.

Два месяца назад он бросил курить. Как только появились первые боли, вынул из ящика стола коробку «Казбека», хотел бросить в урну, но передумал. Вызвал к себе молодого сотрудника Игоря Муравьева и отдал папиросы ему.

– Так как же быть с Костровым? – спросил начальник отделения Данилов.

– погоди, Иван Александрович. У тебя есть что курить?

– «Казбек».

– Давай его сюда.

– Но вы же...

– Мало ли что, время видишь какое.

Начальник жадно затянулся. И сразу стало легче, даже показалось, что боль утихла.

– Вот так. – Он тяжело опустился в кресло. – Не верь врачам, Иван Александрович.

Курнул – и легче стало. Ты мне оставь пяток.

– Да вы все возьмите. У меня в кабинете есть еще.

– Соблазн велик, возьму. Так ты спрашиваешь, как быть с Костровым?

– Случай уж больно необычный.

– Нет, Данилов, в этом нет ничего необычного. Он сам-то где?

– У дежурного сидит.

– Проверить его показания надо. А вдруг врет?

– Да я его знаю, Мишка врать не станет.

– А ты все ж проверь. Сколько у тебя в группе народу осталось?

– Трое.

– Значит, Полесов, Шарапов и Муравьев.

– Точно.

– Считаю, что остался ты один.

– То есть как? – Данилов встал, шагнул к столу. – Как – один, товарищ начальник? Моя группа больше всех потеряла людей. Восемь человек на фронт забрали. Я сам...

– Ты погоди, Иван Александрович. На! – Начальник протянул три одинаковых листа бумаги.

Данилов достал из кармана очки.

*«НАЧАЛЬНИКУ МОСКОВСКОГО УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА
ОТ ПОМОЩНИКА ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННОГО
МУРАВЬЕВА ИГОРЯ СЕРГЕЕВИЧА
РАПОРТ*

*Прошу вас разрешить мне пойти в ряды действующей армии.
Я комсомолец, и место мое на фронте. Хочу беспоощадно громить
фашистскую нечисть, мстить за нашу поруганную землю.*

И. Муравьев».

– Понял, Данилов, в чем дело? Ты два других можешь и не читать. Шарапов и Полесов тоже просят. Ты им скажи, Данилов, я сам на фронт хочу, и ты тоже хочешь. Все хотят.

Вон мне Дерковский какой концерт устроил – в батальон московской милиции его отпусти. А я с кем здесь останусь?

– Товарищ начальник...

– Ты, Данилов, молчи. Помню, как ты еще на финскую просился. Молчи уж. – Начальник взял папиросу. – Молчи, Данилов, а со своими ребятами поговори... Иди, Иван Александрович, иди... Чувствую я, что к вечеру много работы будет. – Начальник опять отвернулся к окну.

Почему-то ему казалось, что так легче думается. Калейдоскоп улицы успокаивал.

Петровка была почти такой же, как месяц назад. Торопились куда-то по-летнему наряженные люди, бойко торговал мороженщик, стояла очередь за газировкой. Но война уже чувствовалась. Военных побольше на улицах стало. На углу вместо привычного усатого постового стоит с винтовкой СВТ молоденькая девушка.

Вот она взмахнула полосатым жезлом, останавливая движение. Со стороны Пушкинской по трамвайным путям несли похожий на колбасу огромный зеленый баллон с газом для заправки аэростата. Девушки из батальона МПВО крепко держали за стропы упругое подпрыгивающее тело. А месяц назад он, начальник МУРа, видел аэростаты только на картинках в кабинете Осоавиахима.

Война для него началась так же неожиданно, как и для всего по-летнему безопасного города. Накануне днем поступили данные, что в бараке на Дангауэровке отсиживается Колька Цыган. Два месяца до этого дня МУР лихорадило. Бежавший из лагеря Николай Савельев по кличке Цыган совершил на окраине столицы восемь вооруженных налетов. Звонили из прокуратуры Союза, звонили из наркомата, звонили из таких мест, что и вспоминать не хочется. И был еще телефонный разговор с помощником одного из руководителей. И все потому, что Цыган, кроме всего прочего, ограбил одну из дач, которую в разговорах называют с приставкой «спец». Братя Кольку поехали ночью, ближе к утру. Операцию возглавил он сам, никому не доверил. В конце шоссе Энтузиастов, у Баулинских прудов, приткнулся дощатый барак. Здесь и было Колькино убежище. Оперативники быстро окружили барак. Оружие держали наготове, знали, что Цыган вооружен и так просто в руки не дастся. Начальник уже сталкивался с этим человеком. Он пошел первым. По неписаным законам, оставшимся еще с первых лет революции, в самой опасной операции первым идет старший.

Он шел, не глуша шагов, по-хозяйски, как дома. Ему противно было думать, что он, краснознаменец еще с Гражданской, должен подкрадываться, чтобы взять эту сволочь.

У дверей с цифрой пять было подозрительно тихо.

– Ломайте, – приказал он.

Два оперативника плечами высадили фанерную дверь. Подняв пистолет, начальник шагнул в комнату. Свет карманного фонарика вырвал из темноты фигуру, лежащую на кровати. Кто-то пошарил руками на стене, щелкнул выключателем. На железной койке, разметав во сне руки и широко открыв губастый рот, храпел Колька. В комнате отвратительно пахло перегаром, прокисшими консервами, потом.

– Берите его. – Начальник сунул пистолет в кобуру и вышел на воздух.

А Цыган так и не проснулся – ни пока тащили его в машину, ни в самой машине, – до такой степени напился. Только следующей ночью он очнулся в камере и завыл от страха и ненависти.

Приехав на Петровку, начальник поднялся к себе в кабинет. Тотчас зазвонил телефон.

– Не спишь? – услышал он голос начальника московской милиции.

– Цыгана только что...

– Да какой тут Цыган! Война! Сегодня немцы бомбили Минск, Брест, Киев, перешли границу. Собирай своих по тревоге!

Новость была настолько ошеломляющая, что он сразу и не понял, о чем говорит его собеседник.

– Ты что, оглох? – пророкотала трубка. – Собирай своих сыщиков. А за Цыгана спасибо.
– Есть. – Он положил трубку и посмотрел в окно, потом на часы. Пять... Почти незаметный свет фонарей, кое-где желтые окна, переключки редких автомобильных гудков, и вдруг – война... Нелепо и страшно.

Начальник сам пошел к дежурному. И пока он шел по коридору, почему-то в голову лезли совсем посторонние мысли – о том, что теперь уж в отпуск он не пойдет и долго, наверное, не увидит реку Ужу. И зря он отправил туда удочки.

Комната дежурного тряслась от хохота.

– Вы это чего? – спросил начальник.

– Да вот, комика привели! – Вскочивший дежурный пытался согнать с лица веселость и придать ему подобающее моменту выражение.

Начальник оглянулся. Со скамейки для задержанных поднялся человек.

– Ага, значит, ты здесь самый главный? – Язык у задержанного заплетался, казалось, что тот говорит с полным ртом.

– Возможно.

– А ты неприятности любишь?

– Нет, – думая о своем, ответил начальник.

– Тогда отпусти меня.

– Это ж почему? – удивился он, словно только что увидел задержанного.

– Работа у меня такая. Не отпустишь – не миновать тебе беды.

За спиной начальника сдавленно прыснул дежурный. Милиционеры у входа беззвучно хохотали, прикрыв рты ладонями.

– Ты кто ж такой: полярник, летчик-герой?..

– Почтище их буду... – Человек, покачнувшись, схватился за угол скамейки. – Не выпустишь, утром люди дознаются, придут сюда, большую неприятность сделают.

– Какие люди? Что ты болтаешь? – раздраженно бросил начальник.

– Я пивной палаткой заведу на прудах. В шесть утра открываю. Ко мне люди со всего города приезжают. Приедут сейчас, а меня нет. Где, спросят, Иван Карпыч? В милиции. Вот тогда они прямо к тебе.

– Никто к тебе нынче, Иван Карпыч, не придет.

– А я и по выходным торгую!

– Никто не придет к тебе. Потому что война началась...

Начальник увидел вмиг протрезвевшее лицо задержанного, встревоженные глаза милиционеров.

– Новиков, этого пивного негодяя оштрафуй и выпусти, и срочно весь личный состав – по тревоге в управление.

Он вышел во двор. Над Москвой начался первый военный рассвет.

На всю жизнь, наверное, запомнится это утро. Пьяненький Иван Карпыч, дождевые тучки, собирающиеся в предрассветном небе, и Москва... теплая ото сна и такая беззащитная на первый взгляд.

Данилов

Данилов вышел из кабинета и в приемной еще раз перечитал рапорты.

«Ишь ты, – он покрутил головой, – ишь ты, на фронт! Ну ладно, Муравьеву простительно: совсем еще мальчишка. А Шарапов? Взрослый человек, а туда же». Он вышел в коридор, под ногой запела половица. «Хорошая примета. Иногда идешь, нарочно ее ищешь, а тут – на тебе, сама».

Пол в коридоре угрозыска был наполовину паркетный, наполовину из крашенных половиц. Одна из них скрипела, как только на нее ступишь ногой. Прозвали ее «певуном». Считалось, что если тебя вызвали «на ковер», то именно эта половица «приносит счастье». Но даже «певун» не радовал сегодня Данилова. Хотя, впрочем, день начался не так уж неудачно.

Рано утром к дежурному по МУРу явился бывший домушник Мишка Костров. Явился сам, сам, ожидая Данилова, написал о всех последних «делах» и в конце просил отправить его на фронт. Данилов знал Мишку не первый день и чувствовал: Костров что-то скрывает.

У дверей своего кабинета Данилов немного постоял, словно решая, зайти или нет. В комнате пахло застоялым табачным дымом. Даже открытое окно не помогало. Казалось, что стены и потолок навечно впитали в себя этот прочный и горький табачный дух.

Зазвонил телефон.

– Данилов, – зарокотал в трубке голос заместителя начальника МУРа, – Данилов, ты знаешь, что составляют списки семей для эвакуации? Как у тебя?

– Что у меня?

– С семьей как?

– Без изменений.

– Я не об этом, ты жену думаешь эвакуировать?

– Нет.

– Ну смотри...

Иван Александрович положил трубку. Эвакуировать Наташу. Конечно, хорошо бы. Да только она об этом и слышать не хочет. На второй день войны пошла учиться на курсы медсестер РОКК. Он пытался было начать этот разговор. Да куда там!

Война. А дела у них, у сыщиков, пока мирные. Старые дела. 24-го собирали их на совещание, говорили о возможной активизации преступных элементов. Но пока все тихо. И наоборот даже – преступлений меньше стало.

Данилов это объяснил просто. Огромное горе, постигшее страну, заставило вспомнить о своем гражданском долге даже тех, которые в мирное время доставляли немало хлопот. Дней пять назад он стоял у аптеки, что на углу улицы Горького, рядом с Белорусским вокзалом. Движение было остановлено: на погрузку шли войска. Внезапно кто-то осторожно тронул его за локоть. Данилов обернулся. Перед ним стоял боец в новом обмундировании.

– Не признаете?

Данилов взгляделся.

– Самсонов я, неужели не помните?

– Помню, Борис, как же, помню.

– Я так и думал. Память у вас хорошая.

– На фронт?

– На фронт, Иван Александрович. Вы только не подумайте, я сам в первый день в военкомат пришел, да многие наши тоже пошли. Вы только не подумайте...

– А я и не думаю, Боря. Родина тебе поверила, а прощение сам заслужишь. Ты ведь перед ней в большом долгу.

– Я знаю, – голос Самсонова сорвался, – знаю. Вы только не подумайте...

– А кто из ваших пошел?

– Баранов, Алешка Бердадым, Сенечка, Колян, Битый...

– Ну что ж, Боря. Желаю встретиться после победы. Хочу в гости к тебе зайти, поговорить.

– Обязательно! – Самсонов крепко пожал протянутую руку. – Обязательно!

Данилов смотрел ему вслед до тех пор, пока Борис не смешался с толпой. Но Данилов слишком хорошо знал своих «клиентов», чтобы тешить себя иллюзиями. Кто и ушел на фронт, а кто и остался. А если остался, значит, ждет удобного случая.

Иван Александрович еще раз перечитал рапорты, усмехнулся и спрятал их в ящик письменного стола. На фронт захотели. Еще неизвестно, где им труднее будет: на фронте или здесь. Вчера в метро на площади Маяковского Данилов на противоположном эскалаторе увидел военного. Седоватый подполковник с зелеными петлицами пограничника глянул в его сторону и сразу как-то уж слишком быстро отвернулся. Но тренированная память моментально зафиксировала брезгливо опущенные складки губ, кривоватый, словно у боксера, нос, а главное, глаза, большие синие холодные глаза! Широков? Нет, этого не может быть. Ведь Широков убит. Совершенно точно. Он даже вспомнил сводку-ориентировку Иркутского угрозыска, где ясно говорилось о том, что Широков, кличка Резаный, он же Колодный, он же Скопин, он же Веселаго, был убит работниками розыска на лесной бирже в леспромхозе «Красный Восток» в тот момент, когда пытался на плоту уйти вниз по реке. Но почему же так быстро отвернулся тот подполковник? Даже слишком быстро... Данилов поднял телефонную трубку:

– Архив?.. Пришлите ко мне дело Широкова.

И пока сотрудники архива искали нужную папку, пока несли ее, Иван Александрович раздумывал о случайной встрече в метро. Конечно, если он ошибся, то, как говорится, слава богу. Ну а если нет? Если нет – это очень страшно. Такая сволочь, как Широков, зря в Москву не приедет. Жди беды.

Муравьев

Игорь проснулся буквально за минуту до звонка. Еще миг он лежал с закрытыми глазами, чувствуя, как через веки просачивается багровый свет солнца, а потом на ощупь взял будильник и перекрыл рычажок звонка. Будильник запоздало звякнул.

– Игорь, опять! – воскликнула мать, увидев сына с будильником на пальце. – Сколько же раз повторять надо?! Это реликвия. И опять ты не дал ему звонить. От этого портится пружина. О господи! Эта молодежь! А нашей семье он служит уже двадцать лет!

– Не двадцать, а всего-навсего семь. – Игорь, чмокнув мать в щеку, поставил на стол будильник и пошел делать зарядку.

Настроение было отличным. Сегодня наконец сбывается его мечта. Как вот только сказать матери – этого Игорь пока не решил. Ну ничего, он скажет позже, когда явится домой в новенькой форме, перетянутый ремнями, с направлением на фронт и кубарями в петлицах. В том, что его рапорт удовлетворят, Игорь ни минуты не сомневался – армии нужны знающие командиры. Начальник, конечно, его поймет: время такое. Вот лишь бы Данилов не упрямился.

Решение немедленно идти на фронт созрело окончательно и бесповоротно вчера, когда Игорь встретил очкарика Петьку – Таниного мужа. Человек худосочный и слабый, Петька всегда вызывал у Игоря чувство пренебрежительного снисхождения. Да и где уж ему было сравниться с Игорем, который еще два года назад, в школе милиции, был чемпионом по боксу. А вчера Игорь встретил его и не сразу узнал. Петька словно преобразился, хотя военная форма висела на нем мешком. Но в петлицах у очкарика сидело по шпале и звездочка на рукаве. «Старший политрук» – это что-то да значило! Уж если таких призывают, то ему отсиживаться в тылу просто невозможно.

Окончив зарядку, Игорь плескался под умывальником, растирал тело под струей холодной воды и ощущал, как приятно твердели мышцы.

Одевался он привычно быстро – работа научила.

Оглядел свою маленькую комнату, и на миг что-то стеснило сердце: может, в последний раз. Да, конечно, война не на один день. И хотя мысли о смерти ему не приходили в голову (как не было их и прежде – ведь работа в МУРе постоянно связана с определенной опасностью), тем не менее хотелось запомнить все родное и привычное, как-то по-новому сохранить в себе... Портрет Дзержинского над письменным столом... Этот портрет, как говорила мама, принад-

лежал еще отцу, кочевал с ним повсюду, благо небольшой размер. Снимок был редкий, один из последних. Феликс Эдмундович сидит за письменным столом. Оторвавшись от бумаг, поднял голову, и глаза у него пронзительные и усталые. Может быть, из-за этого портрета, ну и конечно же из-за отца и выбрал себе такую профессию Игорь. Вот он – отец. Его увеличенная фотография висит над кроватью. Отец, в кожанке, уселся верхом на стуле, облокотившись на спинку. Игорь знал: у него такие же, как у отца, светлые волосы и широко поставленные глаза. Отец родом с Южного Урала. А погиб он в тридцать первом в Средней Азии. Его имя хорошо известно, и, конечно, это сыграло свою роль при поступлении Игоря в школу милиции. Там ему постоянно напоминали, кто был Муравьев и каким должен быть он, его сын.

Уже в школе милиции Игорь твердо решил, что пойдет работать в органы госбезопасности, станет настоящим чекистом, как Дзержинский, как отец. Раскрывать заговоры вражеской разведки, брать шпионов – в этом, разумеется, была настоящая романтика. Но им распорядились по-своему. Послали в уголовный розыск. Поразмыслив, Игорь пришел к выводу, что и это, пожалуй, ничуть не хуже. Те же засады и ночные погони... Да, в этой профессии тоже было немало романтики. Правда, на счету у Игоря даже теперь еще немного дел, а все в основном так себе – мелочь, все больше кражи, но ведь по коридорам небольшого дома на их легендарной Петровке ходили настоящие герои. В общем, Игорь не жалел, что попал в МУР. Вот только с начальником ему не повезло. Данилов никак не подходил под разряд «героев». И что самое главное, никак не хотел понять, что преступно сидеть в тылу, когда началась такая война. «Но теперь все, уважаемый товарищ Данилов, рапорт подан, и завтра мы с вами расстанемся. Пусть в тылу сидит Иван Шарапов – ему можно, он все равно старый».

– Игорь, сколько тебя можно ждать? – донесся с кухни сердитый голос мамы. – И вообще, перестань свистеть в доме. Во-первых, это неприлично. Отец в твоём возрасте...

– Знаю, знаю, мамочка, – прервал ее Игорь, входя на кухню. – Все знаю. – Он обнял мать. – Отец в моем возрасте никогда не свистел. Кому ж, как не тебе, это знать. Вы и познакомились-то, когда ему было за тридцать. Разве не так?

– Ах, оставь меня! Вечно ты со своими шуточками... Взял бы лучше пример с Петра. Вот истинно интеллигентный человек!

Игорь хотел было ляпнуть про хилого очкаря, но вовремя прикусил язык. Судя по всему, мать еще не знала о назначении Петьки, Татьяна, видимо, еще не прибежала, так что лучше придержать язык. «Да, – подумал он и вздохнул, – сюрприз будет матери...»

– Ладно, мам, не буду, – примирительно сказал Игорь, – давай пищу, а то опоздаю.

– Разумеется! Он опоздает! Боже, что это за народ!.. Почему я никогда не опаздываю?

Кашляя и давась пересушенной картошкой, Игорь слушал сетования матери на резко возросшую дороговизну, потом она пересказала последние известия. Игорь не дослушал, выпил чашку молока и, поцеловав мать, выскочил из дому. Он спрыгнул с крыльца, обернувшись, махнул рукой матери, выглядывающей из окна кухни, и бегом припустил через заросший лебедой пустырь к трамвайной остановке.

Звеня и раскачиваясь, из-за поворота выполз трамвай, битком набитый, как всегда. Но тут еще втиснуться можно. А подальше, у рынков, будут висеть на поручнях гроздьями. Игоря притиснули к окну на задней площадке.

Расправив затекшие в трамвайной давке плечи, вынул отцовские часы-луковицу на цепочке и отщелкнул крышку. Было только половина девятого. Значит, есть еще полчаса. Конечно, лучше раньше появиться на работе, узнать последние достоверные новости, обсудить их с ребятами, но хотелось, пока есть время, заскочить хоть на минутку к Таньке. Может быть, Петр дома. «Ишь ты, – подумал он, – Петька! Его теперь и неудобно так называть».

Семья оказалась вся в сборе: Петр, Татьяна и обе их девчонки. Малышки сразу повисли на Игоре и хором начали кричать, что их папа идет бить Гитлера, что у него есть револьвер и что они все вместе его собирают. Петр стоял, растерянный, посреди комнаты, очки у него

съехали на кончик носа, волосы взлохмачены. Он схватился двумя руками за вещевой мешок, а Татьяна засовывала туда кульки и свертки.

– Нет, я так не могу! – воскликнул Петр с отчаянием. – Это же черт знает что! Игорь, посмотри же! Это же действительно черт знает что! Это же все смеяться будут!

Он резко тряхнул мешок, и из него посыпалось печенье, выпала и покатилась коробка с монпансье. Петр подхватил коробку, высоко поднял над головой и тонко закричал:

– Вот! Взгляни! Старший политрук Карпунин будет сосать душистый горошек! Надо мной вся дивизия хохотать станет! Это же... Ну Танюша, ну деточка, умоляю, дай я сам все сложу. Мне ведь сказали, что надо брать.

Татьяна молча сидела на диване, сложив на коленях руки, и по щекам ее катились крупные слезы. Она смотрела на мужа и молча плакала. А девчонки, хохоча, подбирали с пола печенье.

Петр вытряхнул содержимое мешка на стол и стал аккуратно укладывать полотенца, белье, портянки...

Игорь присел на диван рядом с сестрой, положил ей руку на плечо, и Татьяна уткнулась ему в грудь.

– Да, дела... – протянул Игорь. – На какое направление, не знаешь?

– Какой там фронт! – неохотно отозвался Петр. – В запасной полк пока, а там видно будет... Ты тут не оставляй моих, заглядывай, ладно? – Он просительно заглянул в глаза Игорю. – Трудно им тут будет без меня... А это еще что? – снова воскликнул он тонко. Из груди вещей выпал медвежонок. Петр повертел его в руках, разглядывая недоуменно.

– Это мы, папочка, чтоб тебе не скучно было, – в один голос закричали малышки. – Пусть он вместе с тобой воюет!

Петр задумчиво посмотрел на медвежонок и, отвернувшись от Игоря, сунул его в мешок.

– Так заходи, – глухо повторил он.

– Я думаю, – медленно сказал Игорь, – что им надо с матерью съехаться. Я ведь и сам... не сегодня-завтра... Рапорт вчера подал, должны отпустить.

– О господи, горе мое!.. – уже в голос заплакала Таня. – И этот туда же... Мальчишка...

– Какой я тебе мальчишка! – Игорь обиженно отстранился от сестры. – Где ты видела мальчишку? Я уже год в угрозыске, каждую ночь операции... – Он запнулся, поняв, что перехватил. – Ладно, пора идти. Давай простимся. Может, доведется на одном фронте воевать.

Он подошел к Петру, пожал руку, потом они крепко обнялись, расцеловались, похлопали друг друга по плечу.

– До скорого. – Игорь махнул рукой. – А за них не бойся. Мать нас с Танькой одна вырастила, как-нибудь уж справится с моими племянницами.

Уже выйдя на лестничную площадку, Игорь понял, что его беспокоило. В квартире сестры поселился новый запах – кожаных ремней, ваксы – запах дороги. У них в МУРе, в дежурке, так было все время. Но теперь Игорю показалось, что это запах войны.

Шарапов

Всю ночь у Шарапова болело плечо, простреленное двадцать лет назад. Его знобило. Иван подбирал колени к животу и, нашаривая в темноте рукой, натягивал поверх одеяла свое старенькое пальто. Но когда ледяная дрожь отпускала, становилось нечем дышать, и он, шлепая босыми ногами по скрипучим половицам, брел к ведру с водой и, лязгая зубами о край оцинкованной кружки, пил противно теплую воду. Ненадолго становилось легче, вроде бы наступалась ночная тьма и уже виделся близкий рассвет, хотя на улице было и так светло – июльские ночи коротки. И еще Ивана мучило прошлое, даже, скорее, не мучило, а как бы раскручивалось бесконечной лентой, и остановить это движение не было никакой возможности.

Старые ходики на стене показывали пятый час. Чего уж теперь спать... Он снимал с женой маленький частный домик на Перовом поле. Домишко был старый, но крепкий, весь обсаженный густой сиренью, отчего в комнатах было немного сумрачно и прохладно даже в нынешнюю июльскую жару. Иван распахнул створки низенького окна, вдохнул рассветную пахучую прохладу – хозяйка разводила под окнами флоксы на продажу, а теперь была пора самого цветения.

С недалекой станции доносились приглушенные гудки паровозов, шипение пара и лязганье вагонных сцепок. Железная дорога жила напряженной жизнью и днем и ночью. Тяжело груженные составы шли в Москву с Урала, из Сибири – техника, люди, – казалось, вся страна сдвинулась с места. Ивана снова стало знобить, он прикрыл створки окна, накиннул на плечи пальто и присел к столу, разминая в пальцах папиросу.

Он наконец прикурил и сладко затянулся дымом, поплотнее укутав левое плечо. Пуля тогда была, видно, на излете, но кость все же тронула. Да, намучились с ним в ту пору врачи, пока вынули... Вынуть-то вынули, а рана вот напоминает.

Он хорошо помнил Гражданскую. Тяжелая то была война, но ведь и он молодой был, девятнадцать лет, – марш, марш, руби, коли! Друзья-эскадронцы веселые, лихие, чубатые. Или так теперь кажется, что просто все было? Он ведь в тонкой политике не был силен: за мировую революцию! – и в клинике. Позже стал разбираться, что к чему. Тогда и угодила в него кулацкая пуля.

Иван выдвинул из-под койки обшарпанный, со сбитыми углами чемоданишко, где хранился весь его личный и семейный архив, сдул пыль, поставил на койку, открыл крышку и, присев рядом, стал перебирать пожелтевшие бумажки...

Наконец Иван сообразил, что он ищет в своем архиве. Вот она, истертая, того и гляди в руках развалится, подклеить бы.

Он развернул почти прозрачный серый лист, перенес его к столу, аккуратно разложил и, щурясь, стал читать.

«Хищникам и ворам народного достояния нет пощады.

В то время, когда все усилия трудового народа направлены к борьбе с разрухой и надвинувшимся стихийным бедствием – голодом.

В то время, когда дорог каждый вовремя добытый и доставленный нуждающимся и голодным кусок хлеба и каждый пуд зерна для обсеменения обширных полей пострадавшего Поволжья, находятся паразиты и негодяи, которые расхищают народное добро из вагонов, пакгаузов и складов.

Хищники пользуются всякими способами, чтобы за счет несчастия другого, за счет награбленного создать свое благополучие.

Им нет дела до миллионов страдающих детей и крестьян голодных губерний.

Им нет дела до лишений и испытаний, которые терпит все трудовое население городов.

Часто они бывают неуловимыми, скрываясь под маской должностных лиц, причастных к нагрузке, выгрузке, хранению и перевозке грузов на транспорте.

Они не только сами воруют, но и потворствуют сторонним бандитам и ворам, скрывая следы их преступных дел.

Советская власть, в интересах трудящихся масс, примет все меры, чтобы положить предел этим преступлениям.

Суровые кары, вплоть до высшей меры наказания – расстрела, будут применяться не только к непосредственным участникам в хищениях на транспорте, но и к пособникам краденого.

Советская власть призывает всех честных граждан на борьбу с паразитическими элементами, ворами и бандитами, разрушающими благосостояние Республики.

Все честные транспортные работники должны принять участие в этой борьбе совместно с карательными органами.

Будьте бдительны и вместе с рабоче-крестьянской властью беспощадно боритесь с волками и хищниками народного достояния.

ПРЕДВЧК и НАРКОМПУТЬ Ф. Дзержинский».

Вот с этой листовки, которую осторожно, чтобы не разорвать, отклеил со стены Серпуховского вокзала и спрятал в карман бывший боевой эскадронец Иван Шарапов, и началась у него новая жизнь.

Стал Иван Шарапов рядовым чоновцем. В него стреляли, и он стрелял.

А вот уж чего он никогда до самой смерти не забудет, так это ночевки в Кирсановском уезде на Тамбовщине. Название той захудалой деревушки, где их отряд остановился на ночлег, совсем стерлось из памяти, а та ночь и теперь напоминает о себе. Среди ночи изба, где спали чоновцы, вспыхнула со всех сторон сразу, и тут же по окнам хлестнули выстрелы. Иван помнит, как товарищи сообща выставили узкую раму и, отвлекая огонь бандитов на себя, помогли ему бежать за подмогой. Он неведомым чудом нашел коня и умчался в ночь, зажимая пятерней простреленное плечо. Только под утро он встретил мужиков из соседней коммуны и, еле держась в седле, привел их к сгоревшей дотла избе.

Потом, говорили, были похороны. Оркестр играл «Интернационал», но Иван в ту пору метался на больничной койке, снова, полураздетый, мчался сквозь пургу на коне, и кричал страшным матом, и срывал бинты...

Сколько ран было на его теле – все зажили, одни рубцы остались. А эта вот – в плече – никогда, видно, не заживет.

Из госпиталя он вышел, как после тифа, – ветром качало. Вот тогда, помнится, и приехал в родное село, да уж нечего там было делать – подался обратно в город. Работал в охране на транспорте, в милиции. Новые товарищи встретили хорошо, помогли на первых порах, посоветовали учиться. А каково это было ему? За спиной – война, госпитали и столько смертей, что целому эскадрону хватило бы. Однако все та же крестьянская хватка помогла. Усидчив был. Крепок в своем желании. Шел на грамоту, как на Деникина. И победил. Перебрался поближе к Москве, в Загорск, тут и женился. Только не вышло у Ивана порядочной семейной жизни в тещином доме.

Поначалу он решил было: богомольная тихая старушка, греха за душой не держит. И дом такой же тихий и скромный. Сад, огородишко. Поселился Иван у молодой жены, думал жизнь свою бурную поправить, в порядок привести и, кто знает, возможно, дальше учиться. А вышло все наоборот.

Теща тихая-тихая, а оказалось – дальше его смотрела. Иван по-прежнему был постовым милиционером. Должность, как говорится, невелика, а по мнению некоторых – все же начальство, власть, иными словами. Вот эта самая власть и нужна была тещеньке для своих темных дел. Жена – что... Марья, конечно, во всех материнских делах участия не принимала, да и не знала о них наверняка. Красивая была девушка, смирная. А теща, выходит, сразу поняла свою выгоду от такого брака: власть в доме, кто сунется? Да только не на того напала.

Стал он со временем замечать, что похаживают к старушке разные люди. Ну, дело божеское, богомольное, лавра под боком. Теща говорила, дальние родственники к Богу приходят.

И вот однажды...

Иван закурил новую папиросу и выглянул за дверь, как будто его мысли могли потревожить сон Марьи. Нет, спит – не шелохнется.

Да, припозднился он однажды на службе, – считай, под утро домой явился, уже светать начало. Глядит, на тещиной половине свет горит. «Молится, что ли?» – подумал. Вроде рано. Никогда так рано не вставала. Они тогда в своем доме глухую перегородку поставили, чтобы тещиным гостям не мешать, да она и сама была не против. «Дело ваше молодое, – говорила, – вам самим по новым порядкам жить требуется...» Подошел он к тещиной-то половине, а из ее двери как раз на крыльцо мужик выходит, прощается со старушкой и довольно резво идет прямо на Ивана. И ряса на нем черная до пят. Увидел Ивана, не растерялся, подошел поближе, поздоровался смиренно, сказал, что о делах божеских со старушкой праведницей беседовал, да вот и время не уследил. Слушал его Иван, и что-то давно забытое копошилось в его памяти, но что – никак не мог понять. Вроде бы знал он этого человека. Только не такого, как сейчас, с аккуратной темной бородкой, а другого, молодого и без бороды. Но где он его встречал? Нет, что встречал – это точно, память у Ивана и сейчас на лица отменная. Раз увидел – как впечатал.

Так и расстались они у тещино порога. Позже, отгоняя назойливую мысль, спросил тещу, кого это она посреди ночи-то принимала. Мелко смеясь, старушка вроде бы даже сконфузилась, сказала, что это дальний ее родственник, перевели его в лавру, теперь тут служит. Давно не виделись, вот он и наведался. Хороший, божеский человек. Может быть, все бы так и кончилось, кабы не острая память Ивана.

Однажды ночью его так и подбросило на кровати – даже Марья испугалась. Но ничего не сказал жене, а утром отправился в лавру и весь день присматривался к проходящим. И на другой день тоже. Того ночного незнакомца не было. Не было видно его и среди служителей, хоть службы шли богатые – Сергия Радонежского праздновали, основоположника Троице-Сергиевой лавры. Провалился незнакомец. Приступил с расспросами к теще. Что-то, мол, нашего родственника не встречаю, вы же говорили, что сюда переведен. Теща отделялась общими словами или попросту отмахивалась.

Увидеть этого человека стало для Ивана необходимостью. Увидеть, чтобы утвердиться в своих подозрениях или рассеять их. Наконец не выдержал, пошел и все рассказал своему начальнику. Хороший был человек, только женитьбы Ивана не одобрил, ну так ведь не ему жить. А тут, как рассказал Иван о своих подозрениях, даже со стула привстал. «Ну ты, – сказал, – даешь! А ежели тебя память после всех ранений подводит?» Однако согласился с Ивановым планом. Стали ждать. И дождались. Явился родственничек, тут его с золотишком и взяли. А когда потянули ниточку, так и весь клубок покатился.

Не подвела Ивана память: еще за день до пожара он видел этого человека – сына кулака Леденева. Видел, когда у его папаши хлеб из ям выгребали. Взгляд его запомнился. А после, как стало известно, сынок и порешил чоновцев, банду организовал из дружков своих. Погуляли они на Тамбовщине. Долго будут помнить люди их кровавые загулы.

Вот как все обернулось. А начальник действительно хорошим мужиком оказался. Когда Ивана потянули в особую инспекцию, пошел сам, партийным билетом поручился. О чем они там долго говорили, Иван так и не узнал, но только вкатили ему строгача да еще сказали: легко, мол, отделался. Ну а с тещей по закону поступили. Начальник и позже помог, когда Иван, забрав жену, уехал в Москву. На курсы устроил, рекомендацию хорошую дал, а как стал Иван работать в МУРе, едва ли не первый поздравил с повышением.

Вот через сколько лет протянулась леденевская ниточка... До сих пор плечо по ночам ноет. Главное, чтобы врачи не догадались. Да, время сейчас такое, что не до личных ран. Потом подлечимся...

Иван сложил бумаги в чемодан, запихнул его поглубже под койку и стал одеваться. Решил пораньше уйти, не будить жену. Ей не впервой, привыкла к беспокойной мужниной службе.

Солнце уже давно встало, но утренняя свежесть лежала на траве и листьях. Дышалось легко. Воздух припахивал паровозным дымом, щекотал ноздри. Возле станции на длинном

дощатом заборе висел свежий плакат. Иван остановился. Женщина подняла руку, а сзади штыки, штыки... И присяга военная: «Родина-мать зовет!»

Иван посмотрел и, ссутулившись, пошел на станцию. Скоро должен был пройти поезд на Москву.

Полесов

Просыпался он всегда в шесть. Что бы ни случилось, когда бы спать ни лег – в шесть открывал глаза. Потом он мог поспать еще, но в шесть должен был проснуться обязательно.

Когда жена Соня еще жила с ним, из-за этого по выходным скандалы бывали. Мол, покою от тебя нет, даже в день отдыха. Но Соня ушла от него. Ушла, оставив записку: « Степа, полюбила другого». Кто был тот другой, Полесов знал точно. В первую минуту чуть было не собрался пойти по адресу: Грузинский Вал, дом 26, но передумал. Насильно мил не будешь. Это уж точно.

Но даже после ее ухода в доме все шло по старому заведенному порядку. В шесть утра Степан вставал. Сорок минут занимался гимнастикой, поднимал пудовые гири, потом мылся холодной водой по пояс, докрасна растирался жестким полотенцем. Завтракал он в буфете на углу Первой Брестской и Грузинского Вала, приходил первым, к открытию. Потом покупал газету и шел на работу, в депо. День был загружен полностью. А вечера?.. После работы приходил он домой в чистую комнату, садился у окна и часами смотрел на улицу. Звенели трамваи, кричали паровозы на Белорусской дороге, шуршали по тротуару подошвы прохожих, и Степан сидел, глядя на зажигающиеся огни Ленинградского шоссе.

Иногда во дворе он встречал Соню. Двор был общий, так как его дом, 43-й, являлся как бы началом дома 26.

Она проходила веселая, в ярком летнем платье, а рядом с ней Борька Константинов, симпатяга, лихой парень, лучший гитарист, пьяница и бабник. Жил он в одной квартире со старшим братом Анатолием, военным инженером. Вот тогда совсем плохо становилось Степану. Тогда и просиживал он целыми вечерами у окна: бездумно и одиноко. Правда, такие вечера стали нечастыми: Степан записался в деповском клубе в секцию гиревиков.

Он решил твердо: вырву память из сердца. Упорным был мужиком Степан. А был бы другим, неизвестно, что и получилось бы...

Вьюжной ночью сурового двадцатого года подобрал машинист Андрей Полесов на перроне станции Чита-товарная мальчишку лет семи. Тот лежал возле угольного пакгауза совсем замерзший. Принес его Андрей в дежурку, отогрел, чаем отпоил. Парень был черный от угольной пыли, худой, в рваном колушке. Забился в угол и всю ночь дрожал там, как побитая собака.

Утром отвел его Андрей в привокзальный санпропускник, вымыл, сам постриг ножницами. Парнишка оказался белоголовым, большеглазым. Он рассказал Андрею, что отец его погиб на войне, а мать зарубили какие-то бандиты месяц назад.

Жаль стало Полесову сироту, посадил он его к себе на паровоз и увез. Сначала в детский дом определить хотел, а потом оставил у себя. Так появился в Москве Степан Андреевич Полесов.

Дальше жизнь пошла как надо. Степан окончил семилетку, пошел в техникум. Конечно, в железнодорожный. Получил диплом с отличием и ушел на военную службу.

Попал Степан в пограничные войска на Карельский перешеек. Служил хорошо, стал старшиной заставы. Правда, особых происшествий у него не было, но все-таки увез домой именные часы от наркома. Повезло за два дня до окончания срока службы: задержал опасного нарушителя.

Вернулся Степан домой – пошел в депо мастером паровозоремонтной бригады, стал стахановцем, вступил в кандидаты ВКП(б). В тридцать девятом, как раз перед самой женитьбой,

наградили его медалью «За трудовую доблесть». За несколько дней до финской войны умер отец. Только похоронил его Степан – война.

Он сразу же написал заявление в военкомат. Но через несколько дней его вызвали в партячейку.

За столом секретаря сидел мужчина в гимнастерке без петлиц, но с медалью «За отвагу».
– Давайте знакомиться, товарищ Полесов, – сказал он, – я из милиции. Данилов моя фамилия. Садитесь, пожалуйста.

Степан присел у стола, недоумевая, зачем он вдруг милиции понадобился.

– А дело у меня вот какое, – продолжал Данилов. – Сейчас лучших коммунистов партия направляет для работы в органы НКВД. От депо рекомендовали вас.

Степан согласился сразу. Он не кокетничал, не говорил о том, что работа незнакомая. Нет. Партия рекомендует – значит, так нужно.

Взяли Степана Полесова на работу в угрозыск. Учил его сам Данилов. Наука была непростая. Но там, где не хватало специальных знаний, Степан поступал так, как ему подсказывала совесть большевика.

В отделе у Данилова работа была трудная. Занимались они налетчиками, бандитами. «Клиентура», как говорил начальник отдела, серьезная. Народ в основном отпетый. Почти каждому при задержании грозила высшая мера наказания – расстрел, поэтому они сами стреляли не стесняясь.

Новая служба пришлась Степану по душе. Товарищи ему тоже нравились. Веселые, смелые, отзывчивые ребята.

Они тоже вскоре полюбили Степана. Ценили его за хладнокровие и огромную физическую силу. Так же как в армии и в депо, Степан работал обстоятельно, на первый взгляд неторопливо. Брался он за дела незаметные. Но обязательно находил в них важные и интересные моменты. Так, однажды он получил, казалось, совсем пустяковое дело о взломе голубятни во Втором Кондратьевском переулке. Но Степан был твердо убежден, что пустяковых дел не бывает. Постепенно разматывая почти совсем незаметный клубок, Степан вышел на группу подростков, а через них на знаменитого Вальку Китайца – крупного грабителя и домушника. Оказывается, Валька сколотил группу мальчишек, которых пока заставлял воровать по мелочам: белье на чердаках, голубей, папиросы в киосках.

«Кадры готовил» – так доложил Степан Данилову.

Это дело было переломным для Полесова. Ему стали все чаще и чаще поручать работу с подростками.

«Директор детского сада», – смеялись отчаянные ребята из даниловской бригады. Но они были рады, что передали Полесову свои «скучные» дела.

Степан ездил в школы, в райком комсомола, на заводы и фабрики. Беседовал с родителями и воспитателями детских колоний, организовывал юношеские клубы при домоуправлениях, доставал футбольные мячи и сетки для волейбола.

Дни укладывались плотно, как патроны в обойму. Он и не заметил, как пролетел год.

И этим утром Степан встал, как всегда, в шесть, едва только прозвучали в репродукторе первые позывные станции имени Коминтерна. Он несколько раз присел, потом взял гири. Привычно, легко, даже с некоторым изяществом бросил их вверх, вниз, вдох, выдох...

«Передаем утреннюю сводку Совинформбюро», – прозвучал в комнате металлический голос репродуктора. Степан поставил гири и внимательно выслушал сводку до конца. Не окончив гимнастики, пошел в ванную. Долго, зло полоскался под краном. Вернувшись в комнату, открыл платяной шкаф.

Что же надеть? Костюм? Сегодня он пойдет в военкомат (в том, что его рапорт удовлетворили, он не сомневался, все-таки не какой-нибудь новобранец, а кадровый старшина). Есте-

ственно, что сразу же отправят на сборный пункт, там ему дадут форму. Значит, пригодятся и хромовые сапоги, и широкий командирский ремень.

Степан достал новую коверкотовую гимнастерку. Через десять минут он вышел из подъезда на залитый солнцем двор. Эх, лучше бы он подождал еще минут десять, лучше бы и не выходил!

Навстречу ему шел Борька Константинов, в новом солдатском обмундировании, в левой руке он держал вещмешок, а на правой повисла заплаканная Сонька.

Борька молча критически оглядел Степана. Всего, начиная с новой гимнастерки, кончая хромовыми, сияющими на солнце сапогами. Оглядел, ухмыльнулся и скрылся под аркой ворот.

Степан постоял, потом зачем-то поправил медаль на гимнастерке, помедлил еще немного и пошел следом за ними.

Он без всякого аппетита выпил стакан кофе и съел пирожок, даже не обратив внимания, с чем он. Расплатился и вышел из буфета. До управления ходьбы было минут тридцать. Взглянул на часы. Семь десять. Времени больше чем достаточно.

Степан не торопясь пошел к улице Горького. На углу у аптеки остановился возле «Окон ТАСС». Внимательно прочитал стихи под карикатурами Кукрыниксов. На картинках наши бойцы насаживали на штык сразу по пять бегущих немцев. Степан вспомнил сводку и вздохнул. Рядом на стенде был вывешен свежий номер «Красной звезды». Полесов прочитал вечернюю сводку Совинформбюро, потом несколько заметок о подвигах никому не известных бойцов и командиров... Странно как-то получается. Вроде бы, если судить по заметкам, бьют немцев в хвост и в гриву. А опять оставляют город за городом. Действительно, странно. Настроение испортилось окончательно. На улицу Горького Степан вышел мрачнее тучи.

Вот уже год, как ходит он этой дорогой на работу. Вроде бы ничего не изменилось. Та же улица, те же вывески и витрины... А все-таки не то. На окнах крест-накрест белые бумажные полоски, исчезли продукты с витрин. Закрыт кафетерий «Форель». В трамваях и троллейбусах окна плотно закрыты синей бумагой, на перекрестках стоят милиционеры с винтовками. Даже дворники и те метут улицу с противогАЗами через плечо.

Наверное, таким и должен быть фронтовой город. А Москва, хоть немцы еще и далеко, город именно такой. Ведь здесь – главное, отсюда партия руководит обороной.

И все-таки Москва остается Москвой. Несмотря ни на что. Вот газировщицы открывают свои палатки. В кинотеатре «Москва» идет фильм «Антон Иванович сердится» и «Боевой киносборник» номер три. Хорошая там песня. Степан пошел дальше, напевая про себя: «До свиданья, города и хаты...»

Постепенно настроение улучшилось. Он шел по своему городу, в котором вырос и который ему доверили охранять. Для него Москва осталась такой же красивой, только она надела военную форму и возмужала.

Грасс

Первым в коридоре Данилов встретил Шарапова. Как всегда, Иван пришел на работу за четыре минуты до девяти. Данилов еще раз подивился точности этого человека. Ведь живет же дальше всех, у черта на куличках.

– Желая здравствовать, Иван Александрович.

– Здравствуй, Иван Сергеевич.

Шарапов глядел на начальника спокойно и выжидающе. Нет, он не раскаивался ни в чем и ни в чем не чувствовал своей вины. Он был прав. Как всегда, прав. И правду свою понимал сердцем.

Данилов знал это и не осуждал его. Он знал: уж Шарапов если что решил, то, значит, обдумал основательно.

– Ты на меня не смотри так, Иван, не смотри. Я ведь тоже просился неделю назад. И сам видишь...

– Значит, нет?

– Значит, нет.

– Что ж, я понимаю, дисциплина и все такое...

– Нет, ты еще ничего не понимаешь. Нельзя же нам город-то оголять. Город-то наш? Мы за него в ответе? Иди. Попроси, чтобы из дежурки задержанного привели ко мне в кабинет, вдвоем допросим. А я пока к Смирнову зайду.

Придя к себе, Шарапов дернул тугой шпингалет, распахнул створки окна. За всю долгую службу в милиции Иван так и не привык к запаху присутственных мест, этой удивительной комбинации табачного перегара, гуталина, карболки и тлена. Шарапов пытался бороться с ним, даже цветы из дому в горшках принес. Но цветы погибли на третий день, а молодая травка сразу же стала желтой.

– Иван Сергеевич, здорово! – крикнул с порога Муравьев. – Ты прямо здесь спишь, что ли?

– В такой духоте поспишь – мышцы сдохнут.

– А ты, Иван Сергеевич, в противогазе попробуй.

Игорь дернул ящик стола и начал выгребать из него бумаги.

– Так-так... – Он быстро пробежал их глазами, рвал и бросал в корзину. – «В аллеях столбов, по дорогам перронов... – лягушечья прозелень дачных вагонов...» Так... не нужно... И это тоже. Иван Сергеевич, хочешь, я тебе стихи подарю?

– Стихи? Да я их не очень уважаю, Игорь. А ты что, порядок наводишь – дела, что ли, сдаешь?

– «Уже, окунувшись в масло по локоть, рычаг...» Ага... «...начинает акать и окать...» Сдаю... Это нужно... На фронт иду...

– На фронт?

– Именно. «И дым оседает...» Вот как с этим быть?

– Игорь! К Данилову, – приоткрыл дверь Полесов.

– Иду. О... Степа, товарищ старший опер! Ты прямо на парад собрался. – Игорь завистливо оглядел Полесова. – Слушай, давай меняться, ты мне ремень, а я тебе австрийскую кобуру.

– Разбежался! Ну что стоишь, пошли.

– Садитесь. – Голос начальника был сухим и будничным. – Прежде всего я вам один вопрос задам. Вы оба такой документ, как присяга сотрудников рабоче-крестьянской милиции, подписывали? Ну, я вас спрашиваю?

– Подписывали.

– Значит, разговор у нас будет простым. Рапорты ваши у меня в столе. Там они и останутся. Здесь воевать будем...

На столе длинно и резко зазвонил телефон.

– Данилов слушает! Так, пишу. Армянский переулок, дом три, квартира десять. Со двора? Понял. Полесов, – Иван Александрович положил трубку, – эксперта, проводника с собакой! Срочно на выезд. Муравьев, поедешь со мной. Шарапову скажи, чтоб допрашивал один.

На лестничной площадке третьего этажа толпились жильцы: мужчина лет пятидесяти, в грязной нижней рубахе, с очками в металлической оправе на птичьем носу, три женщины в засаленных халатах, с пронзительно-любопытными глазами. У дверей квартиры стоял дворник в белом фартуке.

На ступеньках, прислонясь головой к переплету перил, сидела девушка в милицейской форме. В лице ни кровинки. Рядом старушка с жиденьким пучком волос на затылке держала пузырек с нашатырем.

– Товарищ начальник! – Навстречу Данилову шагнул дворник. Он каким-то шестым чувством определил, что старше всех здесь именно этот человек в полувоенном костюме. – Дворник Спасов. В квартиру никого не пускаю.

– Спасибо, товарищ Спасов. Народу вот многовато...

– Женщины ить, любопытные больно, – виновато улыбнулся дворник.

– Любопытным придется разойтись по квартирам. Что с милиционером? – Данилов кивнул в сторону лестницы.

– Да, товарищ начальник, страсти-то какие. – Одна из женщин вонзила любопытные глаза в Ивана Александровича. – Мы в квартиру зашли...

– А, собственно, зачем вы туда заходили? Забыли чего?

– Как же зачем? – вмешался в разговор мужчина в очках.

«Гриб-мухомор», – подумал Данилов.

– Мы общественность...

– Вы лучше бы за порядком в подъезде следили, а то у вас на лестнице помойка. А это, – Данилов кивнул на дверь, – дело милиции. Разойдитесь по квартирам.

– То есть как? Я, как общественник, обязан информировать...

Данилов обратил внимание на глаза этих людей, полные назойливого любопытства глаза: «Сволочи, сплетники, это из тех, что крупу и соль скупают пудами...»

– Все, – твердо сказал он, – по квартирам. Доктор, займитесь милиционером. Орлов, пускай.

Проводник, стоявший на площадке ниже, отстегнул поводок. Огромная овчарка Найда, черная как ночь, без единой подпалины, деловито, в два прыжка оказалась у дверей.

Прием был старый. Эта категория людей больше всего на свете боялась собак. Площадка вмиг опустела, только старушка осталась рядом с врачом да дворник стоял рядом с Даниловым.

– Что с милиционером?

– Обморок, Иван Александрович, ничего страшного, – судебно-медицинский эксперт Лев Борисович подошел к Данилову, – девчонка...

– Кончили? – спросил Иван Александрович эксперта, осматривавшего дверь.

– Можно.

Они вошли в квартиру. В прихожей резко пахло чем-то горелым. Коридор был темен и казался бесконечным. Данилов пошарил по стене, щелкнул выключателем. Под потолком вспыхнул матовый фонарь, отделанный бронзой. Две двери вели в комнаты.

Эксперт, посвистывая, возился с дверными ручками.

Данилов слышал, как за спиной порывисто дышал Игорь.

– Муравьев, спокойнее, ты же не девушка. Все?

– Да. – Эксперт отошел к стене.

В комнате, тесно заставленной громоздкой мебелью, на ковре, сшитом из нескольких узких крученых дорожек, лежал человек. Левая рука была неестественно выгнута и подмята телом, рядом с правой, откинутой в сторону, лежал пистолет.

Данилов внимательно оглядел комнату: тяжелые бархатные шторы на окнах; буфет, похожий на замок; черное бюро; инкрустированный перламутром письменный стол, громоздкий, как саркофаг; покрытый пылью чертежный комбайн; шкаф с выбитым зеркалом; еще одно зеркало, наклонно висящее на стене, на полу под ним несколько маленьких блестящих осколков; полуоткрытая дверь в другую комнату...

Иван Александрович шагнул к настенному зеркалу. Несколько минут рассматривал его раму, отделанную стеклянными цветами. Они были необычайно тонки и изящны. Один цветок был отбит начисто. Данилов нагнулся, поднял осколки с пола. Потом снял зеркало со стены, внимательно рассмотрел дырку в обоях и вышел в другую комнату.

Он не хотел смотреть на убитого. Да и ни к чему это было. Он знал убитого. Еще там, в управлении, услышав адрес, он знал, что это Зяма-художник – Зиновий Аркадьевич Грасс – художник-график. В тридцать втором он попался на изготовлении фальшивых документов, брал его тогда Данилов, брал здесь. На суде Грассу дали пять лет. Но ударным трудом на Беломорканале он сократил срок, вернулся, и Иван Александрович все чаще и чаще встречал его рисунки в газетах и журналах.

Вторая комната в квартире, видимо спальня. Почти всю ее занимала огромная кровать с рваным выцветшим балдахинном. Кровать, кресло, столик на паучьих ножках и банкетка. Грасс жил холостяком, это было видно сразу.

«Почему-то в холостых квартирах даже пахнет особо», – подумал Данилов.

Он сел в кресло и только теперь увидел тяжелые яловые сапоги у кровати, брезентовый ремень с кобурой на полу, хлопчатобумажную гимнастерку с зелеными петлицами.

Данилов подошел к кровати, поднял гимнастерку. В петлицах старшинские треугольнички, в кармане удостоверение:

«Настоящим удостоверяется, что тов. Грасс З. А. является художником-ретушером газеты «Тревога».

Так, теперь ясно, откуда у него пистолет. Значит, он вошел в эту комнату, взял его, пошел обратно, выстрелил в кого-то, кто стоял рядом с зеркалом... А потом?

Данилов достал папиросу.

А потом? Второй раз ему не дали стрелять. Почему?

Человек не мог прыгнуть на него. Не успел бы просто. Грасс бы попал. Наверняка попал бы. Значит, стреляли дважды. Значит, пуля, убившая его, выпущена из другого пистолета.

– Муравьев! Если можно, принеси мне его «Коровина».

Игорь вошел и положил на стол пистолет. Данилов вынул обойму. Пять патронов. Выходит, убитый стрелял дважды.

– Пулю из стенки вынули, Иван Александрович, из «коровинского» пуля.

– А вот ты, если бы жизнь решил кончать, сначала бы в зеркало палил, а потом в себя?

– Может, он с оружием обращаться не умел?

– Не думаю.

– А может быть, еще у кого-то «коровинский» был?

– Вряд ли. Сюда приходил, видимо, опытный человек. Он и постарался инсценировать самоубийство. Если бы это была случайная ссора, то гость убитого просто ушел бы, вернее, убежал в страхе. Человека убить – дело нешуточное. Значит, второй был опытным в этих делах. А раз так, то подобные люди пистолет Коровина в руки не возьмут. Им эта пукалка не нужна. Ты вот от него, я помню, отказался. То-то...

– Любопытное дело, милый Иван Александрович. – В комнату вошел доктор. – У нашего подопечного на затылке гематома.

– На затылке? Ваш вывод?

– Пока преждевременно, но я думаю, не ошибаюсь, вскрытие подтвердит. Убитого сначала оглушили, а потом выстрелили ему в висок.

– А потом кто-то зеркало передвинул, – добавил Игорь. – Оно за два конца веревкой схвачено было. Чуть подвинул – и закрыта дырка...

– Собаку пустили?

– Только что.

– Протокол?

– Полесов пишет.

– Игорь, милиционера и свидетелей сюда пригласи.

В дверь неуверенно постучали, словно поскребли.

– Да. – Данилов наконец вспомнил, что держит во рту незажженную папиросу.

– Товарищ начальник, – на пороге, неуклюже приложив руку к берету, стояла девушка в милицмейской форме, – старший милиционер Редечкина...

– Садись, товарищ Редечкина, – Иван Александрович чиркнул спичкой, – садись. Как же ты так?

Девушка покраснела, казалось, кровь вот-вот закапает сквозь щеки.

– По комсомольскому набору?

– Да, пятый день в милиции.

– Раньше где работала?

– В метро, контролером.

– Что ж так? Постовой, а без оружия...

– А я не постовой, товарищ начальник, у меня здесь сестра живет во дворе. Я от нее шла. Вдруг женщина бежит: «Помогите, помогите!» Я за ней.

– Ты соберись и расскажи все по порядку. Только вспомни как следует. Все вспомни, важно это очень.

Девушка опасливо покосилась на открытую дверь в соседнюю комнату:

– Я сейчас. Погодите...

К сестре Алла Редечкина забежала на минутку. Занесла ребятам сахар из своего милицмейского пайка. Никого дома не было. Алла достала из-за половицы ключ, открыла дверь и оставила сахар на столе. Она еще немного постояла в комнате. Потом взглянула на часы. Было четверть девятого утра. У нее оставалось целых три часа, и Алла решила подъехать в общежитие к девочкам.

Она вышла во двор, порадовалась, что ей дали отпуск именно в такой солнечный день.

«Помогите... А-а-а! Помогите! Милиция!»

Из соседнего подъезда выбежала женщина. Алла только увидела ее лицо и остановившись, полные страха глаза. Она еще не успела опомниться, как женщина, схватив ее за рукав, потащила к дверям:

«Скорее, скорее, товарищ милицмейская девушка! Там... там...»

На третьем этаже женщина толкнула ее в дверь квартиры: «Там!.. Там!..»

Алла, ничего не понимая, словно автомат шагнула в темный коридор. В глубине его была открыта дверь. Она подошла к ней и заглянула в комнату.

На ковре лежал человек. Босой, в зеленых военных галифе, рядом с ним зловеще поблескивал пистолет, вокруг головы ковер влажно чернел. Что-то липкое подкатилось к горлу, в ушах зазвенело тонко-тонко. В коридоре внезапно стало темно. Хватаясь руками за стену, Алла выбралась на лестничную площадку...

– А во дворе вы никого не заметили?

– Нет, пусто было.

– Ладно, идите. Только в следующий раз не пугайтесь. У нас служба такая.

– Я знаю, извините, – смущенно почти прошептала девушка.

– Ну иди, дочка...

– Стало быть, вы дежурная ПВО?

– Я.

– Ваша фамилия Самойлова, зовут Елена Сергеевна?

– Так, Елена Сергеевна.

– А скажите, уважаемая Елена Сергеевна, в чем заключаются ваши обязанности?

– Если, значит, фашист прилетит, разбудить жильцов в своем подъезде, в убежище их проводить, деткам помочь, там, старухам. Бомбы поджигательные тушить...

– А еще?

– Нести ночное дежурство. У всяких посторонних документы проверять и, если что, милиционера кликнуть.

- Вы все время находились у дверей подъезда?
- Все время.
- Так как же? Никого не было посторонних?
- Никого.
- А что случилось, вы знаете?
- Как не знать, жилец из десятой самострел учинил. Это он из-за нее все.
- Из-за кого?
- Марина у него была. Беленькая такая. Ходила к нему. Что они делали, не скажу, не видела, только часто она у него оставалась. Бывало, ночью вместе приедут на машине, шмыг в парадную и к себе. А потом он ее утром провожает.
- А кроме Марины к Грассу ходил кто-нибудь?
- Много, все его дружки разные. Бывало, идут, а карманы от бутылок рвутся. Безобразить к нему ходили. А он душа простая, добрая, всех пускал.
- А в последнее время?
- Да последнее время его-то и не было. Он ушел в том месяце. На фронт, говорил. Вот только вчера и вернулся в форме и с наганом. «Ты, – говорит, – тетя Лена, меня разбуди в восемь», – и к себе пошел.
- А почему вы в шесть ушли с поста?
- Ах, товарищ начальник, не в шесть – в семь ушла. Гастроном у нас в семь открывают.
- Долго там были?
- Час, наверное, у меня часов-то нет. А домой шла и у ворот двоих военных встретила, они-то мне и сказали, что время пять минут девятого.
- Военные выходили из вашего двора?
- Из нашего. Из ворот.
- Постарайтесь вспомнить их.
- В сапогах хромовых, с ремнями через плечо. У одного, что на часы смотрел, нашивка золотая.
- Какая нашивка, узкая или широкая?
- Широкая, товарищ начальник, страсть какая широкая.
- Вы раньше их не видели?
- Нет, не видела.
- Что дальше?
- Я, конечно, побежала Зиновия Аркадьевича будить. Гляжу, дверь открыта. «Неужто встал?» – думаю. Зашла в комнату, а он лежит. Тут я и побегла на улицу.
- Игорь, – Данилов встал, – дело ясное. Ты сейчас иди в «Вечерку», найди знакомых Грасса, узнай, кто такая Марина. Ты, Степан, с жильцами поговори. Я в управление.
- На лестнице Данилов задержался, пропуская санитаров, уносивших убитого. Он прошел сквозь расступившуюся толпу любопытных у подъезда, подошел к машине.
- Извините. – Кто-то тронул его за рукав.
- Данилов оглянулся. Перед ним стояла пожилая женщина с пустой авоськой в руках.
- Я хотела вам кое-что сообщить...
- Слушаю вас.
- К гражданину Грассу ходило много разных людей. Журналисты... А три дня назад заходил его сослуживец, подполковник.
- Так, значит, подполковник? Я знаю, летчик?
- Нет, пограничник. Такой интеллигентный, седоватый. Очень жалел, что не застал его.
- У этого подполковника ожог на правой щеке? – внутренне холодея, спросил Данилов.
- Ошибаетесь, у него шрам, белый такой, с левой стороны, здесь. – Женщина провела пальцем от губы до глаза.

Он. Точно он. Широков. Уже в машине Иван Александрович расстегнул крючки воротника. На душе было скверно. Точно так же, как пятнадцать лет назад, когда он в Питере, на Лиговке, потерял след Резаного.

Зачем Широков приходил к Грассу? За деньгами? Может быть, за ценностями? Маловероятно. Ни денег, ни тем более ценностей у убитого не было. Значит, Широкову был нужен Зяма-художник. Но ведь Грасс никогда не связывался с уголовниками. Он делал фальшивые накладные артельщикам, липовые печати на документы, справки. Его «клиентура» была – крупные хозяйственники. Кто же указал Широкову на Грасса? Кто?

В коридоре «Вечерки» пахло керосином. Из-за закрытых дверей вырывался приглушенный стук пишущих машинок, обрывки телефонных разговоров, смех.

В отделе иллюстраций было тихо. Огромное окно распахнуто, за ним в золотистом мареве видны крыши и облезлые церковные маковки. Со стен на Игоря смотрел добрый десяток человеческих лиц. Красивые, строгие и веселые женщины, мужчины с орденами и без таких, бородатые и бритые, дети.

Из-за стола, заваленного старыми фотографиями, обрезками бумаги, рисунками, газетными полосами, навстречу Муравьеву поднялся человек в синем костюме.

– Я хотел узнать, сотрудничал ли в вашей газете художник Грасс.

– Зяма? Разумеется! Мы с ним гигантские друзья! А с кем имею честь, простите? Смирнов, – представился художник.

– Значит, мне повезло. – Игорь достал из кармана удостоверение.

Смирнов внимательно прочитал его, поднял на посетителя удивленные глаза:

– Нет. Это недоразумение. У него были неприятности, но давно. Он чудный художник. Хороший товарищ.

– Вы его хорошо знали?

– Хорошо – не то слово. Зяма мой лучший друг!

– Значит, мне опять повезло.

– Что? Скажите, что могло с ним случиться? Ах ты господи, Зямка...

Смирнов заметался по кабинету, он был похож на большую птицу.

– Вы сядьте, сядьте, пожалуйста. – Игорь присел на стул. – Дело серьезное.

– Серьезное? – Смирнов сел и сразу же начал перекладывать на столе строчкомеры, пинцеты, ножницы.

– Вы только... В общем, Грасс убит.

Ножницы со звоном упали на пол. Смирнов закрыл лицо руками. Только пальцы мелко вздрагивали.

«Они слишком тонки и красивы для мужчины, – подумал Игорь, – слишком нежны».

Смирнов убрал руки, и Муравьева поразила перемена, происшедшая с этим красивым, не по годам молодежавым лицом. Оно сразу постарело, даже глаза померкли. Перед Муравьевым сидел усталый, больной человек.

– Дайте закурить.

Смирнов неумело взял папиросу, прикурил.

– Зяма звонил мне вчера, сегодня он должен был зайти ко мне с новыми рисунками...

Он замолчал. В комнате повисла тишина, гнетущая и тяжелая.

– Кто мог это сделать? – спросил Смирнов.

– Мы еще не знаем. Вот пришли к вам. Надеюсь, вы поможете.

– Я говорил ему: брось эту женщину. Брось!

– Вы имеете в виду Марину?

– Да, Марину Флерову.

– Кто она такая?

– Как вам сказать? Знаете ли, есть категория женщин, красивых, умных, свободных. У них огромный круг знакомых и необычайная жадность к развлечениям. Они не думают, как и где живут. Они просто живут, легко и свободно. Такие обычно нравятся занятым мужчинам. Дайте спички, пожалуйста. – Смирнов снова прикурил. – Марина такая. Немного пишет, чуть рисует, немного снимает, немного поет, снимается в кино... в эпизодах, разумеется. Всего понемногу и – ничего. У нее открытый дом. Народу полно. Можно приехать в полночь, за полночь.

– Она давно знакома с Грассом?

– Да года три. Он для нее – убежище. Это она говорит... Устав от кутежей, разочаровавшись в очередном увлечении, она убежала к Зяме. Марина называла это – «стать на душевный ремонт». А он терпел, терпел и ждал.

– Вы говорили, что у нее открытый дом? Если я вас правильно понял, к ней мог приходиться любой, даже малознакомый человек?

– Да, вы правильно поняли.

– А что вы скажете о людях, которые у нее бывали?

– Всякие. – Смирнов вздохнул. – Наш брат журналист, киношники, актеры. Всякие. А бывает, компания эдаких молодчиков придет... Хватких таких, разодетых, с короткими пальцами в кольцах. Молчаливые, только пьют да похохатывают. Я их не люблю. Денег у них много.

– А где живет Флерова, знаете?

– Да, конечно.

Данилов

Телефон зазвонил.

– Ты погоди, не части так. Погоди! – Данилов взял трубку. – Данилов слушает. Молодец, Игорь, ты сначала сюда приезжай, а потом уже к мадам поедешь. Давай, жду. Ну, так как будем? – Иван Александрович отодвинул телефон. – Как будем, я спрашиваю, дальше жить? А, Михаил?

– Как люди, как все люди. Я же завязал.

– Это я знаю, читал твое заявление. Ты лучше скажи, зачем ко мне пришел?

– Так военком же...

– А ты думал, Костров, что военком тебе сразу два кубаря даст? Как я помню, ты в тридцать седьмом его квартиру побеспокоил...

– Так...

– Нет, брат, ты что-то недоговариваешь.

– Я, Иван Александрович, перед вами как на духу...

– Так зачем ты себе дело в Грохольском приписал? А? Ты же был домушник, а тут разбойное нападение. Да еще пишешь, что завязал?

Мишка Костров заерзал на стуле. Он сидел в кабинете уже битый час. Здоровый, большерукий. Неспokoен был Мишка, ох неспокоен. Где-то в глубине глаз прятался страх.

– Так мы с тобой не столкнемся. В Грохольском работал не ты. Работал там Влас. Он сейчас в Таганке суда ждет. А вот зачем тебе это дело брать?

Мишка молчал.

– А я знаю. Ты домой идти боишься. Лучше в тюрьму, чем домой. Верно?

– Сажай, Иван Александрович. Хочешь, все нераскрытые квартиры возьму?

– Все? До одной?

– Все...

– Ишь благодетель. Ты мне квартиры, а я тебя в КПЗ. Так? Молчишь... А правда где? Мы для чего здесь сидим? Мы закон охраняем. А закон и есть правда. Ты лучше расскажи, зачем пришел? Может, я тебе помогу.

– Честно?

– Ты, Миша, мое слово знаешь.

– Боюсь я домой, Иван Александрович. Ритку с дитем утром к матери в Зарайск отправил. Сам сюда: или на фронт, или в тюрьму, только не домой.

– Кто приходил? Кто?

– Мышь.

– Как – Мышь?... Лебедев?

– Он.

– Зачем?

– Пришел ночью, дверь отмычкой отомкнул, поднял меня. Послезавтра, говорит, чтоб у Авдотьи был.

– В Малом Ботаническом?

– Там. Не придешь, и тебя и Ритку с Надькой – на ножи, так, говорит, Резаный велел.

– Ясно. А что еще?

– Найди, говорит, Пахома, чтоб тоже был. Я утром к вам. С Резаным, знаете сами, не пошutiшь.

– Знаю, ты пока подожди в коридоре, я тебя позову.

Ну, что будем делать, Данилов? Что делать-то будем? Значит, появился в Москве Широков. Ох, не вовремя он появился. А впрочем, когда Резаный был ко времени? Лежит на столе пачка. На истертом корешке штамп наискось – «Архив». Вот тебе и архив! Как же вы там, братцы-иркутяне, а? Жив Широков. Сколько лет орудует, и ни одного задержания.

А память, память крутит ленту воспоминаний. Двадцать пятый год. Саратов. Тогда ты приехал в город вместе с ребятами из бандотдела помочь местным чекистам обезвредить особо опасную группу. Помнишь?

Данилов проснулся оттого, что почувствовал: кто-то стоит над кроватью и внимательно разглядывает его.

В комнате было по-рассветному серо, за окном хлестал по крышам дождь. Первое, что он увидел, – глаза. Холодные, большие, синие глаза. Они смотрели на него требовательно, похозяйски. Около кровати стоял человек в кожаной куртке, щеголеватых бриджах и сапогах.

«Значит, ты и есть Данилов?»

Иван вскочил, сунул руку под подушку.

«Лежи, лежи. Пистолетик твой я забрал. Больно крепко спишь, уполномоченный. Фамилия моя Широков. Для ясности – поручик Широков».

Иван закрыл глаза и застонал от стыда и бессилия.

«Не надо нервничать. Ты же хотел меня увидеть? За этим из Москвы приехал? Смотри. Вот я весь». Широков левой рукой снял фуражку.

Седой, большеглазый, худощавый, похожий на киноактера Альфреда Менжу, стоял он перед Иваном, поигрывая его именовым маузером.

«Запомнил, уполномоченный? Прощай, братец!»

Иван увидел, как из черной пустоты ствола вырвалась бесконечно длинная огненная игла и ударила его в грудь, слева, там, где сердце. Потом уже хирург сказал ему: «На полмиллиметра повыше, батенька, и все».

Широков, Широков... Бандит, никогда не грабивший частных лиц. Только инкассаторов, сберкассы, налеты на транспорты с золотом.

Впрочем, он допустил несколько исключений из этого правила. Да. Точно. Грабеж церкви. В тридцатом, тридцать третьем и, если не ошибся, в тридцать седьмом, здесь в Москве,

попытка... Церковь... Зяма-художник... Любопытно. Любопытно. Нет, погоди, при чем здесь Зяма? Какое отношение имеет газетный график к церкви? Вроде никакого? Но все же это версия... А может быть, Широков приходил к Зяме за документами? Нет. Не может быть. Зяма работал с артельщиками, а это совсем другой мир. Да и у Широкова есть люди для подобных дел. Другие люди. Совсем другие.

И тут почему-то Данилов вспомнил отца. Старик работал лесничим под Брянском. Последний раз он видел его два года назад. В июне. Ему дали отпуск, и они с Наташей поехали к старикам. В Москве закупили вина, икры, рыбы, сухой колбасы. Кучу никому не нужных подарков. Наташа всегда покупала самые неожиданные вещи: то часы с боем, возраст которых нельзя было определить, то прибор для сбивки мороженого, то духовой утюг.

Потом они со стариком бродили в лесу, и Данилов радовался, что вот какой у него отец крепкий еще. А он показывал сыну лес, словно знакомил с людьми, потом привел его на лесопитомник и показал двухлетние сосны, трогательные в своей беспомощности, похожие на молодую травку. Но все-таки это были сосны, и на них можно было сосчитать иголки. Все, до одной.

Здесь у питомника они выпили водки, которую отец захватил с собой. Пили по очереди из кружки, закусывая солеными крепкими огурцами. Остро пахла хвоя, и роса была холодная. Он собирал росу в ладони, слизывал языком, и ему казалось, что вместе с ней в него входит свежесть и сила. А старик сидел напротив, курил и молча улыбался.

Дверь распахнулась без стука, и в кабинет ввалился запыхавшийся Муравьев:

– Иван Александрович!

Данилов молча, выжидающе разглядывал Игоря.

– Иван Александрович, я...

– Ты пока еще помощник уполномоченного, а не начальник розыска. Уяснил?

– Уяснил.

– Так что из этого следует?

– Я, товарищ начальник, эту бабу наколол.

– Так...

– Вы дайте мне ее взять и ордер для шмона, а потом она расколется как орех.

– Так... – угрожающе произнес Данилов. – Ты кто, работник милиции или вор? Еще раз услышу – пять суток ареста. Сядь, воды выпей и докладывай по-человечески.

– Я узнал, кто эта женщина. – Игорь вздохнул. – Флерова Марина Алексеевна. Проживает на Делегатской.

– Понятно. Поедешь к ней. У меня пока версий определенных нет. Ясно одно – работа Широкова. Да, да. Не удивляйся, именно Широкова. Он жив. В разговоре с Флеровой нажми на церковь. Любые ее связи с церковью. Понял?

Когда Муравьев вышел, Данилов глубоко вздохнул и задумался. Ему опять предстоял сложный разговор с Мишкой Костровым.

– Ты меня слушай, Миша. Внимательно слушай. Ну кого ты боишься? Мрази, Резаного, бандита, бывшего поручика. Да он ведь даже и поручиком-то не был. Юнкер недоучившийся. Он чем силен-то, чем? Страхом твоим да других. А как его перестанешь бояться – он слаб становится, совсем слаб.

Молчание.

– Молчишь. На фронт пойти не боишься, а здесь... Здесь тоже фронт. Резаный не зря в Москве объявился именно тогда, когда немцы наступают. Ты пойми это, Михаил. Для нас Резаный такой же враг, как и немцы. Вот сегодня он человека убил. А тот человек на фронт ехал, драться ехал. Понял? Он еще многих убьет, если его не взять. Зачем он просил найти Пахома, как думаешь? Пахом мастер. Значит, Резаному инструмент нужен. А для чего? Ну, что молчишь? Боишься? Да... здесь тот же фронт!

– Я не боюсь, я о другом думаю...

– А, кодекс воровской чести? Нет его. У всех у нас один кодекс – гражданственность. По ней мерить свои поступки надо. Смотри. – Данилов подошел к карте. – Смотри, немцы вот уже куда пришли. Об этом подумай, а не о дружках своих бывших.

Зазвонил телефон: Данилова вызывал начальник МУРа.

Иван Александрович вошел в кабинет и остановился на пороге. Начальник сидел, закрыв глаза. Данилов осторожно кашлянул.

– Я не сплю, глаза просто устали. Заходи.

– Вы бы настольную лампу включили.

– Не люблю. Садись, Иван Александрович.

Спокойно, даже слишком спокойно, Данилов начал докладывать об убийстве в Армянском переулке. Начальник не перебивал. Он сидел, закрыв глаза, откинувшись на спинку кресла. Молчал, молчал все время. Даже тогда, когда услышал о Широкове.

Иван Александрович закончил доклад. В комнате воцарилось молчание, только старые часы в углу астматически хрипло отсчитывали секунды.

– Плохо дело, Иван, – начальник открыл глаза, – совсем плохо дело. Ты не ошибся?

– Точно он.

– Широков... Широков. Просто не верится. Неужели опять появился? Не забывай, что Широков не просто бандит. Это преступник с политической окраской. И если он появился в Москве в такое время, значит, это не просто так.

Начальник снова закрыл глаза. Часы в углу закрипели и медленно, натужно начали бить. Раз... Два... Три... Четыре... Пять... Шесть... Семь... Восемь...

Потом они замолкли, и внезапно комнату наполнил чистый, светлый звук, будто где-то зазвенела тонкая струна.

Начальник улыбнулся:

– Слышишь? Вот за это их и держу... Приказываю. Создать группу по отработке версии Широкова. Старший – ты, твои помощники – Муравьев, Шарапов, Полесов. Будет трудно, подкину еще людей. О Широкове надо сообщить в госбезопасность.

Начальник поднял телефонную трубку.

Потапов

«Ох грехи, грехи наши тяжкие. Время смутное, бесовское. Разбойное время!»

Отец Георгий шел привычной тропкой вдоль кладбища. Оно походило на город. Здесь были свой центр и своя окраина. В центре стояли внушительные часовни. Тут господствовали мрамор и золото. В центре этого города вечного покоя нашли последнее пристанище купцы первых двух гильдий, действительные статские советники, инженеры горные и путейские. Чуть поодаль – целый квартал занимали генералы и кавалеры орденов... Могилы военных украшали кони, барабаны, пушки, кивера.

Могилы артистов, художников, поэтов были легкомысленно украшены каменными и гипсовыми цветами, виньетками, палитрами и лирами. Этот квартал отец Георгий не любил. Особенно часовню поэта Есенина. Нередко приходили сюда пьяные любители изящной словесности. Пили водку, пели, плакали, писали на памятнике стихи. Особенно досаждал священнику студент Владислав Арбатский. Он почти каждую ночь приезжал и безобразничал. Но сейчас исчез, видимо, в армию забрали.

Каждый вечер отец Георгий гулял по улицам города печали. Он не боялся мертвых, он шел мимо могил, читал даже в темноте надписи на памятниках. Это были привычные для него люди. Привычны были и чины. Он словно видел их живыми: в мундирах, манишках, сюртуках дорожного сукна.

Дома отец Георгий аккуратно снял облачение, повесил его в шкаф на плечики, расправил складки тяжелой рясы. Затем он накинул на плечи расписной китайский халат и отправился в ванную. Подставляя под струи воды свое еще крепкое, холеное тело, он покрывал от удовольствия, притопывал ногами и довольно громко напевал невесть каким образом пришедшую на память песню своей бурной молодости. Собственно, слов той песни он уже не помнил, в голове вертелись лишь строчки: «Степь, пробитая пулями, обнимала меня...» Ее-то и напевал теперь отец Георгий в разных вариантах, и его красивый густой баритон доносился до кухни, где супруга Екатерина Ивановна готовила легкую закуску. Она покачивала головой, отмечая про себя, как это мирское столь быстро вытесняет у батюшки божественное.

Она была воспитана в строгой вере и с глубоким почтением относилась не только ко всему, имеющему непосредственное отношение к отправлению церковной службы, но строга была и непримирима и тогда, когда, как ей казалось, нарушаются устоявшиеся законы семейной добропорядочной жизни. Так было до ее замужества в тихом Тамбове, в отцовской семье. Ничто тогда не нарушало главного течения жизни – ни революция, ни последовавшая за ней война, ни разгул антоновщины. В степенной семье тамбовского иерея не было места революциям. Первое смятение пришло в образе крепкого, немногословного, хмурого мужчины, на лице которого бурное время оставило свой неизгладимый отпечаток: у него была прострелена щека, и он, когда волновался, слегка заикался и картавил. Судя по немногословным рассказам, жизнь потаскала его по городам и весям, приходилось ему бывать и заметной фигурой в политической игре, а нынче он решил отойти от политики и создать свое собственное гнездо, обратившись к Богу.

Вместе с ним ворвались в жизнь Екатерины Ивановны и тревоги того времени. Отец и новый постоялец подолгу тихо беседовали за накрепко запертой дверью отцовского кабинета. Приходили к ним какие-то незаметные люди и так же незаметно исчезали. Но затем все вошло в свою обычную колею. Она привыкла к гостю, к преследующей ее хмурой улыбке и даже не удивилась, когда однажды он сделал ей предложение, а отец с легкостью благословил их. Как-никак у гостя имелся довольно крупный капитал, и не в бумажках, а в довольно-таки твердой валюте. Видно, у мужчин была своя договоренность о будущем Екатерины Ивановны. Несколько позже благодаря отцу ее супруг стал священником в подмосковном селе Никольском. Оттуда уж и перевели супруга в Ваганьковскую церковь.

Судьба складывалась удачно. Впереди, опять-таки благодаря старым связям отца и усердию новоиспеченного батюшки, открывались широкие перспективы на пути служению Господу. Одно только смущало Екатерину Ивановну – вот это самое мирское, от чего никак не мог, да, видно, и не хотел отказываться отец Георгий. Она вздохнула и понесла в столовую закуски.

Отец Георгий старательно расчесал старинным гребнем длинные волосы, бороду, слегка подправил усы и, еще раз внимательно осмотрев себя в зеркале, остался доволен. Вот уже к пятидесяти, а лицо свежее, без морщинки. И все оттого, что он умеет пользоваться жизнью. Никаких излишеств – и потому всегда в форме. «А если эта рука, – он вытянул руку, сжал и разжал кисть, – возьмет саблю, то о-го-го! – мы еще посмотрим, кто сумеет устоять против славного потаповского удара».

Он закутался в халат, подпоясался шелковым шнуром и, сунув ноги в тапочки, отправился в столовую.

– «Степь, прошитая пулями...» – снова запел он, входя. – Н-ну, матушка, чем вы сегодня порадуете страждущего? Посмотрим, посмотрим...

Он подошел к буфету, открыл дверцу и достал хрустальный, оправленный серебром графин. Открыл пробку, долго принюхивался к содержимому, потом сказал:

– Отменно, матушка. В самый раз настоялась! Заготовил для большого праздника, ну да уж Господь простит, отведаю нынче.

Он выпил, смакуя, рюмку настойки, стал медленно закусывать, развалился на стуле.

– Да, любезная Екатерина Ивановна, – продолжал он свою речь, – скоро, скоро наступит большой праздник для нас с вами. И достигнет известный вам отец Георгий высот немалых. И снова, как прежде, много скажет знающим людям имя Сергея Владимировича Потапова.

– Уж не собираешься ли ты, – сказала жена с усмешкой, – отойти от церкви? Мирское потянуло?

– Ну что ты, что ты! – засмеялся он. – Большие перемены грядут, и нам готовить к ним паству. От знающих людей слышал – готовятся серьезные перемены...

Этих перемен он ждал всю жизнь. Будучи человеком опытным, он сумел прикрыть свое прошлое такими одеждами, что, пожалуй, ни у кого, даже у его собственной жены, оно не вызывало сомнений.

Что знали о нем? Сергей Владимирович Потапов. Происходит из приказчиков. В свое время закончил школу прапорщиков. Мечта об офицерских погонах была у него, по существу, мечтой выбиться в люди. Однако карты, все заранее распланированное будущее смешала Октябрьская революция. Многие в ту пору слабо разбирались в нахлынувших событиях, не разобрался вовремя и он... Ушел на Дон, а после прихода в Ростов Буденного понял наконец, на чью сторону склоняется фортуна. Испугался расправы скорых на руку «товарищей» и ушел со старыми своими документами подальше, в глубинку российскую. Увидев, что новый порядок пришел надолго, если не навсегда, решил, что надо служить ему. Встретил на тернистом пути своих исканий добрых людей, те помогли ему найти дорогу. Оказалась та дорога служением Богу. Вот, пожалуй, и все. Не ведая за собой особых грехов против советской власти, он не считал даже необходимым сменить фамилию, что в двадцатых годах сделать было проще простого. Честность перед Богом и собой – вот его основной принцип. Принципы уважают. Даже ошибаясь, можно рассчитывать на снисхождение. Его праведное настоящее искупало с лихвой ошибки незрелой молодости. Все почти так и было.

Но иногда, то ли под действием хмеля, то ли в предвидении наступающих потрясений, прорывалось в нем то, прежнее, томительно-сладкое желание «выбиться в люди». Нет, он не считал, что ему крупно не повезло в жизни, просто он готовил себя для иной, более возвышенной роли.

Все, что говорилось им на исповеди, – решительно все верно. И он не уставал это подчеркивать. Но была у Сергея Владимировича и вторая жизнь.

Было так. И школа прапорщиков, и мечта о погонах. В смутные дни между Февралем и Октябрем семнадцатого года вступил он в ударный отряд – ловил и пускал в расход дезертиров. В те дни носил на рукаве белый череп и трехцветную нашивку. Форма шла ему. После Октября перебрался на Дон, к генералу Краснову. Вот там-то и состоялась памятная до сих пор встреча. Сергей Владимирович и сам роста немалого, но на барона фон Мантейфеля смотрел снизу вверх, смотрел с почтением и преданностью. Ротмистр фон Мантейфель был начальником разведки немецкого экспедиционного корпуса, и связи его со штабом генерала Краснова оказались довольно-таки тесными.

Ему не давали сложных или трудновыполнимых поручений. Так, по мелочам. Но платили исправно, с немецкой щепетильностью. Война есть война, и вскоре капитан Сергей Владимирович Потапов за храбрость и особое усердие был представлен к офицерскому Георгию, который получить так и не успел. Может быть, в память об этой первой награде и изменил имя, став отцом Георгием. У него был, как говорили, очень уравновешенный и спокойный характер. Никто, пожалуй, в контрразведке не умел так чисто проводить допросы. И в конце концов, кто-то же должен был заниматься черновой работой. Он отменно делал запрашиваемым «маникюр», то есть загонял под ногти иголки, добивал уже ненужных пленных. Разумеется, не у всех его работа вызывала сочувствие или просто элементарную приязнь. Находились такие, что и здоровались с брезгливым равнодушием. Однако своим трезвым, практическим умом он не одобрял подобных интеллигентов и внутренне презирал их за слабость и неустойчивость

характера. Может быть, потому и крушение Деникина воспринял спокойно, без трагедии, не пустил себе в отчаянии пулю в лоб, а вместе с напарником, вахмистром из юнкеров Широковым, тоже основательно «запачканным» в контрразведке, подался в среднюю Россию, к людям таким же спокойным и основательным. Еще в прежние времена он не стремился особенно попадаться на глаза начальству, не лез в герои, оттого, наверно, и остался незамеченным.

На Тамбовщину попал в трудное время. К счастью своему, не послушался Широкова и к эсеровскому мятежу не примкнул. Он рассудил, что теперь не время участвовать в делах сомнительных и недолговечных. Пора пришла оседать в жизни крепко и надолго, благо какой-никакой, а капиталец имелся. По новым временам полагалось вести себя тихо, как мышь. Он помнил совет отца: мышь сперва норку прогрызет, маленькую дырочку, а уж потом начинает туда сахар таскать. Главное – проделать дырочку...

И Потапов нашел свою норку. Он не терял связи с бывшим сослуживцем – мало ли что может случиться! – но и не афишировал своего знакомства.

Он уже стал забывать свое прошлое, но оно само напомнило о себе. В Никольском это было. Исповедовал приезжего человека. Дело было привычное. А тот возьми да и скажи: мол, нет ли у вас, батюшка, маленькой дырочки вот тут, и показал на правую щеку. Потапов машинально схватился рукой за бывшую рану, что скрыта была бородой. Спросил враз охрипшим голосом, откуда ведомо про то незнакомому человеку. Тот тихо улыбнулся и попросил батюшку уделить ему несколько минут там, где сам считает возможным. Потапов пригласил незнакомца к себе домой. Жены не было, они остались вдвоем.

Да, прошлое возвращалось. А, собственно, почему он думал, будто о нем забыли? Какие у него на то были основания?

А рану эту Потапов получил во время одного из свиданий с бароном. Кто-то стрелял из темноты. Потапов потом с месяц провалялся в госпитале, кормили черт-те чем, прости, господи. Щека долго не заживала. Барон шутил, что отныне эта метка и станет паролем. Вечным паролем. Хмуро шутил барон.

Незнакомец оказался необщительным человеком, отказался от обеда, даже рюмочки предложенной не принял. Передал довольно толстую пачку денег и бумажку, где было написано лишь одно слово: «Жди».

Потапов начал осторожно выяснять, от кого, мол, подобное благодеяние и не употребить ли его на церковные нужды. Незнакомец усмехнулся, оглядел вполне приличное жилье Потапова и наконец сказал, что деньгами батюшка может распоряжаться по своему усмотрению, на них ничего не написано, однако их общий знакомый, который никогда не забывал одного драматического вечера – тут незнакомец снова ткнул себя пальцем в правую щеку, – полагает, что святой отец сам найдет этим деньгам нужное применение.

– Это уж не высокий ли такой? С седыми висками? – снова допытывался Потапов.

– Может быть, и он, – уклончиво ответил посетитель.

Они распрощались, и больше Потапов его никогда не встречал и никаких известий ни от кого не получал. Было то в тридцать четвертом году. Считай, семь лет назад. И стал он ждать.

Потапов решил: пока суд да дело, не лежать же деньгам без пользы. Дал нужному человеку. Процент положил небольшой, чтобы убытку не терпеть. Так и пошло. От того верного человека пришел посыльный, принес кой-чего по мелочи, в основном золотишко. Оно удобно – много места не занимает. Опять-таки приход был у отца Георгия не очень богатый, надо было думать и о будущем. В общем, организовалось небольшое, но верное дело. Божий человек приносил под покровом ночи привет от общего знакомого, а отец Георгий принимал дары по установленной цене, иногда ссужал деньгами в счет будущих дел...

Отец Георгий потихоньку попивал свою настоечку, а в голове его бродила фраза из старого романса, что так любили петь молодые офицеры, заливая свою безумную тоску неочищенным самогоном: «Степь, прошитая пулями, обнимала меня...»

Настоечка подходила к концу, и минорное настроение отца Георгия откровенно усиливалось. Уже Екатерина Ивановна не раз напоминала, не пора ли отдохнуть от трудов праведных, однако батюшка и не думал отрываться от графинчика. Время от времени он поднимал указательный палец и бормотал: «Перемены», потом он сказал: «Смоленск» – и почему-то с пафосом продекламировал: «Гибнет Русская земля под пятою супостата», – и усмехнулся. Матушка осуждающе покачала головой:

– Ох, отец, не доведет тебя твой язык до добра. Эх наклюкался! Бога ты не боишься. Шел бы в постель от греха...

– Не боюсь греха! – снова заговорил отец Георгий. – Великие перемены грядут! Великие... Русь велика, и никакие бароны... – Он осекся. – И впрямь пора на отдых. Ко мне нынче божьи люди не приходили? – спросил осторожно.

– Да коли и придут, как ты беседовать-то станешь в этаким-то виде?

– Божьим словом, мать, Божьим словом...

– Эх тебя развезло, – сочувственно сказала жена, заботливо поддерживая мужа. – Поди, десятый час уже. Обопришь-ка на меня, провожу.

Халат на отце Георгии распахнулся, тапочки он забыл под столом. Покачиваясь, пошел он в спальню, рукой отстранил жену, сказал:

– Если кто придет, зови без промедления. Времена нынче тяжелые, доход уменьшается. Ко всему надо быть готовым. Так что сразу буди. Нынче каждое Божье слово...

У себя в комнате отец Георгий прилег, не раздеваясь. Пошарил в кармане и вынул часы с боем. Надавил на кнопку. Куранты проиграли восемь раз. Спать не хотелось. Потапов лежал и думал. Думал о том, что вчера опять заходил Широков. Он вспоминал перекошенное ненавистью лицо бывшего сослуживца, его свистящий шепот.

«Надо сдерживать Андрея, сдерживать, – напылит, настреляет... Подымет шум – и конец».

Потапов встал с постели, зажег свечу, подошел к письменному столу. Пошарил пальцами сбоку тумбы, нажал на деревянный завиток, и тумба повернулась обратной стороной. В ней давно еще сделал он секретный шкаф. Сунул в него руку и вытащил вороненый офицерский наган, самовзвод с укороченным стволом.

Потапов бережно положил его на стол. Свет свечи заиграл на черном масляном стволе. И показалось вдруг Потапову, что где-то далеко зацокали копыта лошадей и снова песня грянула, лихая, с присвистом: «Степь, прошитая пулями, обнимала меня...»

В окно постучали резко и требовательно. Отец Георгий встал, сунул наган в карман брюк, дунул на свечу. Потом подошел к окну и поднял светомаскировочную штору.

За темнотой стекла еле различалось светлое пятно человеческого лица.

– Кто? – спросил Потапов.

– Мне бы отца Георгия.

– Это я буду.

– Пусти, отче, с приветом я от старого друга твоего из Ростова.

Потапов похолодел. Неужели вспомнили? Но мало ли кто может ходить под окнами ночью?.. Правой рукой нащупал наган в кармане, левой распахнул окно.

– Ну что, отец Георгий, в дом не зовешь? Или боишься?

– Святость моя, уважаемый гражданин, оберегает меня от лиходеев. А в дом приглашу...

Они сидели за столом. Потапов внимательно разглядывал позднего гостя. Только что тот положил перед ним половинку креста – условный пароль с тех далеких лет.

Гость от выпивки отказался, зато ел жадно.

Потапов смотрел на него и думал, что в лице незнакомца есть что-то собачье, тяжелая нижняя челюсть, что ли...

Наконец гость отодвинул тарелку, закурил, блаженно откинувшись на стуле.

«Сейчас начнется главное, сейчас», – понял отец Георгий. Что принес ему визит этого человека? Об этом он не знал. Ясно было одно: окончилось, навсегда окончилось спокойное житье, с домашними настоечками и соленьями... И Потапову вдруг стало страшно. Он вспомнил бешеный грохот копыт по улицам Ростова, всадников в островерхих шлемах. Матово-блестящие шашки. Пальцы его до сих пор помнили неподатливую упругость срываемых с кителя погон.

– Бойтесь?

Отец Георгий похолодел: гость словно читал его мысли.

– Нет, не боюсь.

– Так вот, святой отец, наступило время действия.

Потапов истово перекрестился.

– Вы должны помочь нам. Подполковник фон Мантейфель надеется, что именно вы сделаете это.

– В чем же помощь моя выразиться должна?

– У вас есть связи с уголовным миром...

– Какие там связи...

– Есть. Мы знаем точно. Надо создать хорошо вооруженную группу. Ее задача – сеять панику, грабить магазины, ночами, во время бомбежек, подавать сигналы ракетами. Помните: грабеж, ракеты, слухи – это все должно создавать панику, деморализовывать большевиков. У армии, защищающей Москву, не должно быть прочного тыла. И еще одно. В городе много ценных произведений искусства: картины, скульптуры, чеканка, церковная утварь, иконы. Все это, безусловно, начнут эвакуировать. Помешать!

– Как же мы сможем? Ведь в одной Третьяковке да в Музее изобразительных искусств сколько ценностей!..

– А я и не прошу все. Что сможете. Вы священник, вот и займитесь церковными делами.

– Ну, если так... – протянул Потапов. А мысли его работали уже с лихорадочной быстротой.

Откуда немцам знать о церковных ценностях? Взять их самому, а в одной только Николе на Песках – на многие тысячи. Покупатель всегда найдется.

– Вы задумались. Что, задание слишком сложно?

– Да, не легко. НКВД свирепствует. А люди... Сами знаете, люди деньги любят. Откуда они, деньги-то, у бедного священника?

– С этого и надо начинать. Деньги, оружие, ракетницы, ракеты получите сейчас же. Пойдемте со мной.

Гость встал. Потапов вслед за ним вышел на улицу, и они отправились к кладбищу. Отец Георгий подивился, как хорошо этот человек знает все аллеи и тропочки. На окраине города мертвый гость подошел к полуразвалившейся часовне, открыл дверь. В лицо пахнуло сыростью и плесенью.

– Здесь!

Незнакомец зажег карманный фонарь. Пошарил лучом. Тонкая полоска света пробежала по выбитым кирпичам и остановилась в углу, на куче камней.

– Помогите-ка мне. – Гость отодвинул камни. Под ними были два чемодана.

Потапов с трудом поднял один. Чемодан оказался очень тяжелым.

– Пошли.

На этот раз тишина над кладбищем казалась Потапову зловещей. Кресты и могильные камни могли обернуться засадой.

– Ну что вы стоите! – недовольно бросил гость. – У меня мало времени, пошли!

– Погодите...

Тихо. Только слабый ветер чуть слышно перебирает листву деревьев над головой.

– Боитесь? – Потапову показалось, что гость улыбнулся.

– Нет.

– Пошли!

Они шли быстро, не останавливаясь. Только войдя в калитку и поставив на землю оттянувший руку чемодан, Потапов облегченно вздохнул: пронесло.

– Теперь слушайте меня внимательно...

Незнакомец не успел кончить фразы. Где-то совсем рядом пронзительно взвыла сирена. Ей откликнулись паровозы на Белорусском. Тревога! Город к ним уже привык. Почти каждый вечер репродукторы на минуту замолкали, а потом бросали в настороженную тишину: «Граждане, воздушная тревога!» Но через некоторое время по радио давали отбой, и люди спокойно расходились по домам. Тревоги в Москве стали такой же обыденностью, как стекла, крест-накрест заклеенные бумагой, маскировочные шторы на окнах, неосвещенные трамваи и троллейбусы по вечерам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.